

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПОВОЛЖСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ ИМЕНИ
П.А. СТОЛЫПИНА — ФИЛИАЛ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ
ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

На правах рукописи

Измestьева Екатерина Михайловна

**СУБЪЕКТЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ**

*12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве*

ДИССЕРТАЦИЯ

*на соискание ученой степени
кандидата юридических наук*

Научный руководитель –
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации
О.И. Цыбулевская

САРАТОВ - 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. Применение права: методологический аспект.....	18
1.1 Децентрализация правового регулирования в условиях формирования гражданского общества в России.....	18
1.2 Применение права как общетеоретическая категория.....	40
ГЛАВА 2. Субъекты применения права: современные подходы.....	59
2.1 Понятие и виды субъектов применения права.....	59
2.2 Негосударственные субъекты правоприменительной деятельности....	74
ГЛАВА 3. Эффективность правоприменительной деятельности и пути ее повышения	101
3.1 Качество правоприменительных актов как условие и результат правоприменения.....	101
3.2 Мониторинг правоприменительной практики.....	115
3.3 Правовая культура субъектов правоприменительной деятельности...129	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	148
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	155

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Социальные преобразования в России в последние годы привели к накоплению обширного эмпирического материала, осмысление которого выдвигает необходимость пересмотра многих, казалось бы, давно устоявшихся в юридической науке явлений. Это в полной мере относится и к теории правоприменения. Несмотря на то, что тема реализации права, претворения его в жизнь постоянно находится в поле зрения ученых, отдельные вопросы продолжают оставаться полемическими. Кроме того, следует признать, что юридическая регламентация указанной сферы общественных отношений зачастую отстает от потребностей практики и проводимых реформ.

Заметной тенденцией современной действительности является наделение публичными функциями и полномочиями по выполнению правоприменительной деятельности отдельных негосударственных субъектов. Государственное (централизованное) регулирование в условиях становления в России гражданского общества и цивилизованного рынка дополняется децентрализованной моделью управления. Это, в свою очередь, обусловило полиморфизм современного правового регулирования, выражающегося в сочетании его видов: государственного (централизованного) и децентрализованного (локального, индивидуального, саморегулирования). Следствием данного демократического по своей сути процесса стало неизбежное расширение субъектного состава правоприменителей, появление негосударственных акторов.

Точка зрения, согласно которой правоприменительными субъектами могут выступать не только государственные органы, высказывалась еще советскими учеными (В.Н. Карташов, Н.И. Матузов и др.). Но если в условиях административно-командной системы хозяйствования, исключительно централизованного государственного регулирования она не имела перспектив дальнейшего научного анализа, то в современный период

данная проблематика должна получить новый импульс своего развития, поскольку есть все основания (экономические, культурные, политические и др.) преодолеть сугубо государственно-управленческий подход к осмыслению феномена правоприменения в целом.

Усложнение процессов управления выявило целый пласт проблем в деятельности субъектов, применяющих право. Юридическая деятельность нетипичных «новых» правоприменителей не всегда отвечает принципу законности, что не может не отражаться на качестве принимаемых ими актов. Причины кроются в отсутствии навыков применения права; фрагментарности, эклектичности, несформированности их правового сознания, а также в переходном типе правовой культуры современного российского общества, унаследовавшего нигилистическое отношение к праву. Необходимо принять комплекс мер, направленных на исправление сложившейся в правоприменительной сфере ситуации.

Однако специальных разработок, посвященных субъектам правоприменения (в том числе негосударственным), в условиях становления в России гражданского общества, децентрализации правового регулирования не проводилось. Этот пробел следует восполнить.

В свете изложенного необходимы дальнейшие общетеоретические исследования правоприменения с упором на субъектный состав. Означенное и предопределило выбор темы настоящего диссертационного исследования.

Степень научной разработанности темы. Применение права — комплексная, многоаспектная проблема. Степень ее изученности определяется кругом наиболее значимых научных источников по данному вопросу.

Указанной проблеме посвящены фундаментальные труды отечественных дореволюционных ученых-правоведов: Н.Н. Алексеева, Е.В. Васьковского, Г.Ф. Шершеневича, Б.А. Кистяковского, Н.М. Коркунова, С.А. Муромцева, П.И. Новгородцева, Л.И. Петражицкого, И.А. Покровского, Б.Н. Чичерина и др.

Большой вклад в исследование вопросов правоприменения в советский и постсоветский период внесли работы С.С. Алексеева, А.В. Аверина, В.Г. Антропова, Ю.Г. Арзамасова, В.М. Баранова, А.Т. Боннер, А.В. Василенко, В.М. Ведяхина, Н.А. Власенко, Н.Н. Вопленко, И.А. Галагана, В.В. Глазырина, В.М. Горшенева, М.Л. Давыдовой, И.Я. Дюрягина, С.К. Загайновой, О.А. Иванова, В.Н. Карташова, Т.В. Кашаниной, И.В. Колесник, В.Л. Кулапова, В.В. Лазарева, Д.А. Липинского, А.В. Малько, Е.А. Мамаю, Н.И. Матузова, Д.Д. Мещерякова, Т.В. Милушевой, И.А. Миннекеса, А.С. Мордовца, П.Е. Недбайло, В.И. Никитинского, А.В. Осипова, А.А. Павлушиной, Р.Р. Палеха, А.С. Пиголкина, А.В. Погодина, Ю.С. Решетова, В.А. Рудковского, И.С. Самощенко, В.А. Сапуна, И.Н. Сенякина, В.Ю. Соловьева, В.Д. Сорокина, В.М. Сырых, Н.Н. Тарасова, В.А. Толстика, О.И. Цыбулевской, В.Е. Чиркина, Л.А. Шадринской, К.В. Шундикова и др.

В ходе диссертационного исследования были изучены научные труды, содержащие в себе анализ правоприменительной деятельности: в области конституционного права (К.А. Ишеков, В.Т. Кабышев, Е.В. Колесников, Г.Н. Комкова, В.О. Лучин, В.И. Радченко), гражданского права (С.И. Вильнянский, В.В. Витрянский, Ю.Х. Калмыков, О.Н. Садиков, А.А. Серветник, Е.А. Суханов, Ю.К. Толстой, Т.И. Хмелева, З.И. Цыбуленко, О.А. Чаусская), арбитражного процессуального и гражданского процессуального права (Р.М. Нигматдинов, Р.О. Опалев), уголовного права (Е.В. Благов, Е.Н. Маслова, А.В. Наумов, В.В. Питецкий, О.А. Савельева, Е.А. Фролов, С.Д. Шапченко, О.С. Шумилина), уголовного процессуального права (С.С. Безруков, В.О. Белоносов, В.М. Волженкина, В.В. Малышева, М.А. Петухова, А.В. Пушкарев, Т.В. Шушанова), административного права (Н.М. Конин, В.М. Манохин, С.Н. Махина, А.Ю. Соколов, И.В. Тимошенко, Ю.А. Тихомиров, М.Е. Труфанов), финансового права (О.Ю. Бакаева, Е.В. Вадбольская, Е.Н. Пастушенко, С.А. Рыбакова, Н.И. Химичева), семейного права (Е.О. Жучкова, В.М. Нечаева, Л.М. Пчелинцева), трудового права (Е.И. Астрахан, М.И. Бару, С.Ю. Головина, В.И. Попов, Е.А. Степанова).

В условиях активного развития экономических отношений и опосредующих их правовых институтов проблема правового регулирования, частью которой является тема применения права, удостоена повышенного внимания. Можно утверждать, что комплексное исследование субъектов правоприменительной деятельности в настоящий период позволит вывести на новый уровень теорию правоприменения, обозначить ее место в арсенале средств управления и правового регулирования, создать условия для повышения социальной значимости права. По этой причине представляется оправданным выбор темы данного исследования.

Объектом диссертационного исследования является комплекс общественных отношений, возникающих при осуществлении правоприменительной деятельности.

Предметом исследования выступают концептуальные положения теории правоприменения, касающиеся ее места в механизме правового регулирования, субъектов правоприменительной деятельности, форм и видов актов применения права, вопросов их эффективности.

Цель диссертационной работы состоит в теоретическом осмыслении субъектного состава правоприменения в условиях децентрализации правового регулирования и выработке конкретных предложений и рекомендаций по повышению эффективности его функционирования. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

исследовать применение права с современных методологических позиций: рассмотреть современные тенденции развития учения о применении права, уточнить дефиницию данного феномена и раскрыть его характерные признаки;

проанализировать основные элементы правоприменения: субъект, объект, содержание;

установить характерные особенности государственных и негосударственных субъектов применения права, выявив их общие и отличительные признаки;

раскрыть специфику негосударственных субъектов-правоприменителей через призму их научной классификации;

рассмотреть проблему эффективности актов применения права с точки зрения их содержания, формы, юридической техники;

определить значение правового мониторинга в формировании качественной составляющей правоприменительных актов;

показать роль правовой культуры правоприменителей в повышении эффективности их деятельности;

выработать конкретные предложения по совершенствованию российского законодательства, регламентирующего функционирование негосударственных субъектов правоприменения.

Методологическую основу диссертации составляют апробированные всеобщие (материалистическая диалектика), общенаучные и частнонаучные методы исследования.

Применялись такие методы и приемы мышления, как *анализ, синтез, индукция, дедукция*, позволившие выделить признаки и виды правоприменительной деятельности, правоприменяющих субъектов, актов применения права.

На основе *системного и структурно-функционального* методов раскрывается содержание юридической конструкции «правовое регулирование», анализируются его виды и типы; системные связи правоприменения с реализацией права; исследуются место и роль правоприменительных актов в системе правовых актов.

Использование частноправовых методов — *формально-юридического и сравнительно-правового* — способствовало выработке дефиниций (правоприменительная деятельность, субъект применения права, акт применения права), раскрытию их содержания, формированию научной классификации.

Весьма продуктивным является *междисциплинарный подход*, позволяющий преодолеть излишний догматизм юридической науки и

осмыслить объект исследования — правоприменяющих субъектов — как часть общесоциального пространства.

Культурологический подход позволил охарактеризовать субъектов правоприменения через призму их нравственной и правовой культуры, показать системообразующую, фундаментальную роль культуры в правоприменительной деятельности и правовом регулировании в целом.

Социологический метод использовался при исследовании актов применения права, мониторинга правоприменительной практики, что позволило выявить недостатки правового регулирования и сформулировать предложения по их устранению.

Теоретической основой диссертационного исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых в области общей теории права и государства, а также таких наук, как философия, социология, психология.

Научная новизна диссертации заключается в комплексном, системном исследовании правоприменительной деятельности, осуществляемой через призму процессов становления институтов гражданского общества. Данные процессы приводят к трансформации общественных отношений и опосредующих их элементов правовой системы, что непосредственным образом обуславливает необходимость корректировки теоретических положений юридической науки в части уточнения субъектов правоприменительной деятельности. Раскрывается тезис, согласно которому осуществлять властные полномочия по применению норм права могут не только государственные органы, но и отдельные негосударственные структуры. Таким образом, налицо приоритет властных начал правоприменения над его государственной природой. Аргументируется специфика данного вида правоприменения, в то же время подчеркивается, что в нем в той или иной мере находят отражение традиционно сложившиеся в науке признаки правоприменительной деятельности, что позволяет уточнить дефиницию правоприменения в целом и в конечном итоге наметить

пути повышения эффективности функционирования правоприменительного механизма.

Научная новизна исследования находит непосредственное отражение в **следующих основных положениях, выносимых на защиту:**

1. Обосновывается, что эволюция общественных отношений неизбежно приводит к усложнению правового регулирования и необходимости сочетания его различных видов и типов, что является свидетельством многомерности, полиструктурности правовой регламентации в современной России.

Децентрализация правового регулирования в условиях формирования структур гражданского общества выражается в увеличении объема дополняющего государственное локального (корпоративного) регулирования, саморегулирования, основанных на принципах координации, конкуренции, свободы, относительной независимости от государства.

Правовое регулирование как сложный юридический феномен необходимо рассматривать с позиций известных теорий правопонимания с учетом их научно-практического потенциала. Философский (естественно-правовой), антропологический, социокультурный подходы раскрывают современный социальный фон, в котором происходит правовое регулирование общественных отношений, позволяют судить об эффективности данного процесса. Позитивистская концепция (инструментальный подход) способствует осмыслению механизма правового регулирования через призму сугубо юридических средств. Последняя наиболее близка исследуемому аспекту права.

2. Доказывается приоритет властных начал правоприменения над его государственной природой. Осуществлять властные полномочия по применению норм права могут и негосударственные субъекты.

Уточняется понятие правоприменительной деятельности как публично-властной, социально значимой, ответственной юридической деятельности компетентных субъектов (государственных и негосударственных) по

вынесению индивидуального предписания с целью реализации субъективных прав и юридических обязанностей сторон, обеспеченной в необходимых случаях принудительной силой государства.

Характер правоприменительной деятельности негосударственных субъектов (нотариальных палат, адвокатских палат, саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, третейских судов и др.) различен по объему, направленности, степени императивности. В то же время в данной деятельности в той или иной мере отражаются традиционно сложившиеся в науке признаки правоприменения: направленность на реализацию чужих интересов; принудительный характер; процессуальная форма; юридическая ответственность в случае ненадлежащего правоприменения; наличие официального правоприменительного акта как итога правоприменительной деятельности.

3. Дается понятие субъекта правоприменительной деятельности как лица публичного и частного права, наделенного государством специальной правосубъектностью, властными полномочиями по реализации прав и законных интересов субъектов с целью достижения публичного интереса (общего блага) и вынесения акта применения права.

Сформулированы признаки субъектов правоприменения: учреждаются как частными лицами, так и государством, то есть имеют частноправовую, публично-правовую и смешанную (частно-публичную) природу; наделены властными полномочиями на выполнение отдельных публичных функций; обладают специальной правосубъектностью; реализуют публичный интерес; действуют в интересах третьих лиц с целью достижения общего блага; несут публично-правовую ответственность.

Уточняется научная классификация субъектов правоприменительной деятельности. Они подразделяются на виды в зависимости от: места в политической организации общества; количественного критерия; вида правового статуса; характера полномочий; объема компетенции; направленности правоприменительной деятельности.

4. Анализируется тенденция в правовом регулировании — наделение публичными функциями и полномочиями отдельных негосударственных субъектов для осуществления ими правоприменительной деятельности в отдельных сферах общественных отношений.

Доказывается, что в соответствии с концепцией правового государства и положениями Конституции Российской Федерации передача государственно-властных полномочий должна сопровождаться одновременным установлением механизма контроля и ответственности субъектов, которым такие полномочия делегированы.

Пробелом действующего законодательства о третейских судах можно считать отсутствие норм об ответственности третейского судьи, который должен быть устранен посредством введения обязательного страхования ответственности судей в Федеральный закон «О третейских судах в Российской Федерации».

Предлагается распространить понятие должностного лица на представителей нотариальной и адвокатской палат, саморегулируемых организаций. В законодательстве о деятельности данных субъектов необходимо указать на то, что они выполняют государственные функции и наделены публичными полномочиями в определенных сферах.

5. Обосновывается, что создание государственных корпораций и наделение их государственными (в том числе и правоприменительными) полномочиями обусловлено задачами и целями государства по урегулированию экономических отношений на конкретном историческом этапе. В то же время индивидуальные законодательные акты в отношении государственных корпораций учреждают уникальные правовые статусы, что затрудняет осуществление контроля за их деятельностью, создает предпосылки для злоупотреблений, неэффективного использования средств, порождает коррупцию, что, в конечном итоге, умаляет значимость принципа равенства участников гражданского оборота.

Обращается внимание на необходимость уточнения требований, предъявляемых к созданию и деятельности государственных корпораций; введения критериев возможности передачи им дополнительных активов, полномочий, функций; формирования целостного механизма контроля и ответственности.

Аргументируется целесообразность унификации правового регулирования в отношении отдельных юридических лиц, которая возможна путем законодательного оформления конструкции «юридическое лицо публичного права», как организационно-правовой формы участия в имущественном обороте субъектов, создаваемых по инициативе государства.

6. Определяется акт применения права как самостоятельный вид правовых актов, представляющий собой официальный акт-документ, принятый соответствующим компетентным (государственным или негосударственным) субъектом в пределах своих полномочий по конкретному делу в отношении индивидуально-определенного лица с целью реализации его прав и законных интересов.

Выделяются ключевые признаки акта применения права: выносится по результатам рассмотрения конкретного дела и адресован конкретному субъекту; имеет публично-властный характер; выражает государственную волю; направлен на властную реализацию правовых норм, поднормативное правовое регулирование; выступает в качестве способа реализации принуждения, в котором переплетаются государственный и частноправовой элементы; отвечает требованиям, предъявляемым к нему законодательством.

7. Проводится анализ качественной стороны отдельных действующих актов применения права. Аргументируется, что игнорирование правил юридической техники при составлении индивидуальных актов вообще и актов применения права в частности служит причиной несоответствия их формы содержанию. Правовые акты федеральных органов исполнительной власти в форме приказа, постановления, распоряжения являются по своей природе сугубо правоприменительными и должны быть исключены из

Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, где они именуются как нормативные.

Автор считает, что принятие смешанных актов должно иметь место в исключительных случаях. Необходимо установить пределы компетенции властных органов в части издания актов строго определенных видов и форм и закрепить систему правовых актов в целом в Федеральном законе «О системе правовых актов в Российской Федерации», уделив особое внимание правоприменительным актам.

8. Анализируется мониторинг правоприменительной практики как самостоятельная теоретическая конструкция, встроенная в концепцию правового мониторинга в целом. Отстаивается позиция, согласно которой мониторинг законодательства и правоприменительной практики должен осуществляться в комплексе. Однако на сегодняшний день деятельность государственных институтов в этой сфере не скоординирована, не является обязательной, осуществляется при отсутствии методологической основы, вследствие чего не дает достоверных результатов, необходимых для планирования законотворческой деятельности, определения ее стратегии и системного развития и не влияет на результаты правоприменения.

В качестве субъектов мониторинга, кроме органов государственной власти, необходимо привлекать и негосударственных субъектов, в первую очередь наделенных публичными властными полномочиями в правотворческой и правоприменительной сферах. Учет результатов мониторинга права, осуществляемого такими субъектами, должен стать обязательным.

Следует законодательно закрепить обязанность для органов юстиции федерального и регионального уровней размещать в открытом доступе результаты мониторинговой деятельности органов государственной власти, местного самоуправления, негосударственных субъектов. Обнародование результатов мониторинга и обязательность учета его результатов, во-первых,

повысят степень его значимости, а во-вторых, в перспективе дадут реальные результаты – повышение эффективности правового регулирования.

Доказывается необходимость формирования единой электронной информационно-аналитической системы «Мониторинг законодательства и правоприменения». Это позволит придать системность работе по сбору, анализу, оценке правовой информации и повысить эффективность взаимодействия органов государственной власти разных уровней и институтов гражданского общества.

9. Резюмируется, что эффективность правоприменительного процесса напрямую зависит от уровня профессионализма и нравственных качеств правоприменителя. Отмечается, что в российском обществе сегодня сложился переходный тип правовой культуры, в рамках которого формируется соответствующий тип правоприменительной деятельности, характеризующийся зачастую негативными проявлениями: политической конъюнктурой, «ручным» управлением, лоббированием интересов определенных групп субъектов; излишней бюрократизацией.

Обосновывается необходимость разработки четко выстроенной государственной программы повышения уровня правовой культуры правоприменителей. Среди приоритетных направлений автор особо выделяет задачи совершенствования системы юридического образования, в частности первичной подготовки негосударственных субъектов применения права, переподготовки и повышения квалификации государственных правоприменителей с упором на антикоррупционную составляющую.

Требования, предъявляемые к субъектам правоприменительной деятельности, наиболее целесообразно, как показывает практика, закреплять в этических кодексах.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в изучении с современных позиций процесса применения права, определении его места в механизме правового регулирования, соотношения с реализацией права, осмыслении элементов правоприменительной деятельности с упором

на субъектный состав правоприменителей. Сформулированные в диссертации теоретические положения и выводы развивают и дополняют общетеоретические представления о правоприменительной деятельности.

Научная и практическая значимость результатов исследования состоит в возможности использования его материалов в дальнейшей научной разработке исследуемой проблемы, а также в законодательной и правоприменительной практике.

Выносимые на защиту положения, выводы и рекомендации могут представлять практический интерес для широкого круга правоприменителей, преподавателей, студентов, всех интересующихся вопросами функционирования государственных и негосударственных структур, реализующих право.

Основные результаты диссертационного исследования используются в учебном процессе при преподавании теории государства и права, отраслевых юридических дисциплин, специальных курсов, проведении мероприятий по правовой пропаганде и правовому воспитанию населения, в научно-исследовательской работе в ходе анализа актуальных проблем современного права, путей развития российского законодательства, в деятельности органов государственной власти.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования прошли апробацию в процессе осуществления автором преподавательской деятельности при проведении учебных занятий по теории государства и права, правоведению, юридической технике со студентами Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС; обсуждались на заседаниях кафедры теории права, в опубликованных научных статьях по теме диссертации.

Результаты исследования докладывались на международных, всероссийских конференциях и форумах: Международной научной конференции «Юридическая наука в правовом поле России: ценностные ориентиры и перспективы развития», проводимой в рамках ежегодных XII

Муромцевских чтений (г. Москва, 5 апреля 2012 г.); Международной заочной научно-практической конференции «Актуальные проблемы права и государства» (г. Новосибирск, 11 июня 2012г.); VIII Международной научно-практической конференции «Правовая Россия: теория и практика» (г. Йошкар-Ола, 17 июня 2012 г.); IV Международном Конституционном Форуме «Конституционные основы информационной политики в России и за рубежом», посвященном 95-летию юридического факультета СГУ имени Н.Г. Чернышевского (г. Саратов 12–15 декабря 2013 г.); VI Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей «Актуальные проблемы правового и политического развития России» (г. Саратов, 19 апреля 2013 г.); Международной научной конференции «Мониторинг законодательства и правоприменительной практики: оценки, предположения, прогнозы» в рамках ежегодных XIII Муромцевских чтений (г. Москва, 18 апреля 2013 г.); Международной заочной научно-практической конференции «Современное общество, наука и образование: модернизация и инновации» (г. Москва, 31 октября 2013 г.); Международной научно-практической конференции магистрантов, аспирантов, докторантов и молодых ученых «Наука и современное развитие Российского государства и общества» (г. Саратов, 12 декабря 2013 г.); IV Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения» (г. Уфа, 8 февраля 2014 г.); Международной научно-практической конференции «Противодействие коррупции: государственная политика и гражданское общество» (г. Саратов, 24–25 сентября 2015 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Юридическая наука и правоприменение», проводимой в рамках ежегодных V Саратовских правовых чтений (г. Саратов, 1–2 июня 2012 г.).

По теме диссертации опубликовано 18 научных статей общим объемом 5,8 п.л., в том числе 4 — объемом 1,6 п.л. в российских рецензируемых научных журналах, в которых должны быть опубликованы основные

научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации.

Структура диссертации обусловлена ее целями и задачами. Работа состоит из введения; трех глав, включающих семь параграфов, заключения и библиографического списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

1.1 Децентрализация правового регулирования в условиях формирования гражданского общества в России

Существенные изменения во всех сферах общественной жизни влияют на процессы правового регулирования, в которых в полной мере раскрываются функциональные качества права.

Характер правового регулирования определяется рядом объективных и субъективных факторов: уровнем политического и экономического развития; правовой культуры отдельной личности и общества в целом; степенью зрелости общественных отношений; сформированностью социальных связей; объектом правового воздействия.

Объективные процессы формирования современного миропорядка подвигают к переоценке назначения и роли в социальной жизни главных акторов – государства и общества. В течение длительного времени государство брало на себя разрешение всех сколько-нибудь значимых вопросов, общество же было сторонним наблюдателем, пассивным «придатком» государства. Очевидно, что такая ситуация не отвечает современным потребностям национального и международного развития, особенно в условиях кризиса, сдерживает динамику развития правового и социального государства.

В условиях глобализации происходит усиление воздействия гражданского общества на государство. Как подчеркивает У. Харкерт, «глобальное гражданское общество забирает на себя часть властного влияния и определения государственной политики. Рост международных частных добровольных организаций, профессиональных сообществ, экологов, профсоюзов, церковных и других организаций является важным фактором, отражающим глобализацию «снизу». Глобальное гражданское общество

становится “третьей силой” наряду с государством и частным бизнесом» (Harcourt, 2001, p. 55).

Государство и гражданское общество, таким образом, претендуют на одну и ту же роль – на управление общественными процессам. Это возможно лишь при условии «демонополизации» государства в сфере экономики, государственного управления, политики. Модернизация государственного управления в рамках провозглашенной административной реформы выявила избыточные функции государства, которые необходимо трансформировать как по форме, так и по содержанию, передать некоторые государственно-властные полномочия негосударственным организациям¹.

Создавая общие блага, государство должно занять «нишу» в наиболее важных сферах (оборона, национальная безопасность и др.), передав часть своих функций на уровень негосударственных субъектов, «подтянув» тем самым структуры гражданского общества к участию в управленческих процессах². Задачи государства в рамках партнерства с гражданским обществом: установление общих, четких «правил игры», корректировка форм и методов деятельности субъектов публичной власти с целью установления баланса интересов между государством и различными составляющими гражданского общества, развития принципов автономии и сотрудничества, взаимной ответственности.

Результатом процессов децентрализации государственного управления является правовая децентрализация. Ее приметы – размывание границ между частными и публичными сферами, настойчивое проникновение частноправовых инструментов в государственную деятельность, появление новых субъектов юридической деятельности, которые, по сути, становятся «сотворцами» правового регулирования. Как верно подмечено

¹ См.: Романовская О.Б. Проблема делегирования государственно-властных полномочий субъектам частного права: современная практика и доктрина // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 148.

² См.: Талапина Э.В. Реформы государственного управления: сравнительно-правовой анализ // Правоведение. 2008 № 2. С. 238-253.

Т.В. Кашаниной, «децентрализация – явление, внутренне присущее правовому регулированию»¹. Она обеспечивает многомерность, гибкость, вариативность средств правового воздействия на многократно усложнившиеся и по структуре, и по содержанию общественные отношения, требующие корректировки процессов государственного управления и правового регулирования.

Между тем в науке децентрализацию в правовом регулировании связывают лишь с передачей правотворческих полномочий, принадлежавших ранее центральным органам государственной власти, другим субъектам права². Такая трактовка, на наш взгляд, не отражает в полной мере все многообразие процессов современной правовой децентрализации. Из поля зрения «выпадает» целый пласт правоприменительных отношений, которые, без преувеличения, составляют ядро механизма правового регулирования и в современных условиях нуждаются в детальном осмыслении.

При исследовании современных процессов правового регулирования необходимо справедливости ради отметить, что осмысление проблематики правового регулирования как «системы правовых средств, расположенных наиболее упорядоченным способом, оказывающих результативное воздействие на общественные отношения», находится в русле позитивистской парадигмы права, которая до сих пор является в юридической науке доминирующей.

Между тем в литературе обращается внимание на важнейшие проблемы, стоящие сегодня перед правовым регулированием: его неэффективность, несмотря на увеличение объема нормативного материала; отчуждение граждан от власти и права; появление радикальных

¹ Кашанина Т.В. Децентрализация в правовом регулировании. Структурный анализ: дис. ...д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 9.

² См.: Там же. С.11.

политических организаций¹. Устранение данных противоречий требуют учета социокультурных условий.

Вместе с тем представители юридического либертариизма отмечают, что инструментальный (позитивистский) подход к праву связан с марксистско-ленинской теорией и в настоящее время противоречит идеям, заложенным в действующей Конституции Российской Федерации, утверждающей принципиально иной тип правопонимания, базирующийся на идеологии естественных и неотчуждаемых прав человека.

С данным суждением следует согласиться, но лишь отчасти, поскольку правовое регулирование как многомерный юридический процесс, реализующийся в российском социальном пространстве, не может быть исследован комплексно в рамках одной концепции правопонимания.

В условиях, когда личность становится центром политической и правовой систем продуктивной в плане познания правового регулирования является методология антропологии права, учитывающая «человеческий фактор», выражающийся в правовой культуре и опосредующий правовое воздействие на массовое поведение людей². Значим и аксиологический инструментарий, согласно которому телеологической ценностью, обеспечиваемой правовым регулированием, признается личная свобода, проявлением и конкретизацией которой и выступают права человека.

Таким образом, теория правового регулирования должна исходить из обусловленности норм позитивного права правами личности и демократическим участием граждан. Без учета общественных ценностей позитивное право не будет приводить к желаемому результату. Правовое регулирование должно пониматься не только как инструмент упорядочения отношений, достижения цели, но и одновременно как процесс поддержки коммуникативных связей в обществе, где граждане являются юридически

¹ См.: Денисенко В.В. Теория правового регулирования в отечественной науке: поиск новой методологии // Вопросы правоведения. 2014. № 4. С. 70-85.

² Денисенко В.В. Теория правового регулирования в отечественной правовой науке: поиск новой методологии // Вопросы правоведения. 2014 № 4. С. 76.

равными и могут участвовать в процессах нормотворчества и правоприменения.

Используя потенциал известных концепций правопонимания, можно получить всесторонний анализ механизма правового регулирования в условиях современной социально-правовой децентрализации.

Для начала необходимо кратко охарактеризовать конструкцию «правовое регулирование», которая в теории юридической науки трактуется неоднозначно. Так, проводя исследование означенной проблемы, Н.А. Пьянов делает оговорку о том, что правовое регулирование может пониматься в широком (общесоциальном) и узком (юридическом) смыслах, как регулирование, осуществляемое естественным или позитивным правом¹. Представляется, что разделение и, тем более, противопоставление естественного и позитивного права нельзя считать продуктивной методологической посылкой. Очевидной истиной является то, что естественное право есть фундаментальная основа, критерий права позитивного².

Следует критически отнестись также к утверждению о том, что государственное регулирование может быть неправовым, когда оно закрепляет произвол³. Данный вывод вытекает из вышеупомянутой проблемы противопоставления права и закона. Рассуждая в этом ключе, В.А. Толстик справедливо утверждает: «Нет и не должно быть проблемы противопоставления права и закона. Есть и должна быть проблема несоответствия права (закона) каким либо ценностям. Закон не может быть неправовым. Можно и нужно говорить о том, что право (закон) не соответствует чьим-либо представлениям о справедливости, морали, каким-

¹ См.: Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права. Тема: «Правовое регулирование и его механизм» // Сибирский юридический вестник. 2003. № 1. С. 3.

² См. об этом: Байтин М.И. Вопросы общей теории государства и права. Саратов, 2006. С. 135-139.

³ См.: Пьянов Н.А. О правовом и государственном регулировании // Академический юридический журнал. 2010. № 4 (42). С. 13-17.

либо фактическим отношениям и т. п.»¹. С выводом ученого необходимо согласиться.

Научный анализ подходов к правовому регулированию позволяет выделить следующие его трактовки²: как «единство трех взаимосвязанных компонентов правотворчества, правореализации и применения юридической ответственности»³; как специфическое правовое воздействие (в том числе текстуальное) на общественные отношения с целью их упорядочения⁴; как подчинение поведения отдельных субъектов установленному в обществе правопорядку; как воздействие на волю людей⁵; как синоним правового воздействия⁶; как руководство общественными процессами при помощи права⁷.

Несмотря на многообразие смыслов правового регулирования, означенные позиции все-таки сходятся в том, что трактуют его прежде всего как воздействие права на общественные отношения с целью их упорядочения.

Анализируя признаки правового регулирования, следует отметить, что:

- 1) оно является видом социального регулирования, осуществляемого социальными нормами, среди которых важное место занимают правовые нормы. В связи с этим правовое регулирование – один из наиболее важных видов социального опосредования, специально-юридическое воздействие права на общественные отношения;
- 2) оно осуществляется правовыми

¹ Толстик В. А. От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание права // Государство и право. 2004. № 9. С. 15.

² См.: Осипов М.Ю. Понятие и соотношение правового регулирования и правотворчества. М., 2010. С. 168.

³ Сырых В. М. Логические основания общей теории права в 3 Т. Т1: Элементарный состав. М., 2003. С. 150.

⁴ Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М., 2004. С.24; Поляков А.В. Общая теория права. СПб., 2004. С. 623.

⁵ Орзих М.Ф. Право и личность. Киев-Одесса, 1977. С. 56.

⁶ Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. С. 16; Новик Ю.И. Психологические проблемы правового регулирования. Минск, 1989. С. 50-62.

⁷ Быстрижна Е. Лакатош М. Некоторые вопросы правового регулирования в социалистическом обществе // Советское государство и право. 1964, №2. С. 15.

средствами, которые, группируясь определенным образом, образуют механизм правового регулирования; 3) правовое регулирование – целенаправленное воздействие на общественные отношения. Целью является их упорядочение, приведение в состояния равновесия, бесконфликтности, установление порядка в обществе; 4) правовое регулирование есть результативное воздействие на общественные отношения. Результатом его является позитивные изменения общественной действительности, установление правопорядка и общественного порядка.

Таким образом, правовое регулирование представляет собой собственно юридическое воздействие права на общественные отношения. В целом его можно определить как упорядочение общественных отношений правовыми средствами. Понятие «упорядочение» в данном контексте представляет собой основное содержание и цель процесса правового регулирования. Будучи разновидностью социального регулирования, правовое регулирование осуществляется особыми юридическими средствами, которые в последнее время активно разрабатываются в юридической науке в связи с анализом инструментальной теории права¹.

Правовое регулирование не следует отождествлять с правовым воздействием. Правовое воздействие охватывает все формы социальной жизни. Правовое регулирование – сосредоточено в сфере действия права и по нему уже по объему, чем правовое воздействие. Его вполне можно рассматривать как ядро механизма правового воздействия.

Трактовка правового воздействия в его соотношении с правовым регулированием вполне обоснована. Помимо собственно юридических функций позитивное право, реализует оценочную, воспитательную, коммуникативную и другие функции. В настоящее время среди направлений общесоциального воздействия права на общественные отношения в качестве

¹ Данной проблеме посвящены работы А.В. Малько, В.А. Сапуна, К. В. Шундикова.

основных выделяют также информационное и ценностно-ориентационное воздействия¹.

Таким образом, правовое регулирование и правовое воздействие – явления не идентичные. Второе шире по объему, чем первое.

Правовое регулирование – наиболее важная специфическая форма воздействия права на общественные отношения, поскольку реализуется посредством системы юридических средств и опирается на принудительную силу государства. Между тем следует подчеркнуть, что вопросу о видах (формах)² правового регулирования в науке уделяется недостаточно внимания. Его осмысление важно для расширения теоретических представлений о механизме правового регулирования и последующего формирования целостной системы знаний о нем. В контексте предпринятого исследования имеет значение, прежде всего, негосударственное правовое регулирование, анализ которого, в свою очередь, будет способствовать достижению цели диссертационной работы – более детальному исследованию деятельности негосударственных правоприменяющих субъектов.

Изучая данный аспект проблемы, следует прибегнуть к методологическому приему научной классификации – выбрать для этого соответствующие основания. В данном случае к ним могут быть отнесены: средства правового регулирования; субъекты, его осуществляющие; степень централизованности правового регулирования; сфера его распространения и другие.

В зависимости от *субъектов*, осуществляющих правовое регулирование его можно подразделить на собственно *государственное* и *негосударственное* правовое регулирование³. Первое осуществляют органы

¹ См.: Спиридонов Л.И. Теория государства и права. Учебник. М., 1999. С. 202-203.

² Лат. forma – внешнее очертание, фигура, наружность, образ, а также план, модель, штамп. В философии данное понятие использовалось Цицероном и Августином в смысле вид (более узкий класс в рамках более широкого класса - рода).

³ Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права. Тема: «Правовое регулирование и его механизм» // Сибирский юридический вестник. 2003. № 1. С. 3.

государства, государственные организации и должностные лица в ходе правотворчества и правоприменения. Кроме того, государственное регулирование можно дифференцировать на *законодательное* и *подзаконное* регулирование; учитывая федеративный характер Российского государства, допустимо выделение *федерального* и *регионального* правового регулирования.

Негосударственное правовое регулирование реализуется различными субъектами: непосредственно населением, отдельными субъектами общественных отношений, негосударственными институтами.

Население в правовом регулировании участвует через процессы правотворчества. Отдельные индивиды, упорядочивая собственные связи, осуществляют правовое регулирование, например, заключая индивидуальные договоры (саморегулирование). Возможности институтов гражданского общества в правовом регулировании шире – участие не только в правотворчестве, но и в правоприменении.

Иногда в литературе отождествляются понятия правового и государственного регулирования¹. Право, в конечном итоге, устанавливается или санкционируется государством, вследствие чего оно является государственным регулятором общественных отношений.

С данным выводом вряд ли можно согласиться. Правовое и государственное регулирование суть не одно и то же. Правовое регулирование не всегда является государственным. В государстве могут уживаться, сосуществовать несколько правовых систем: каноническое право, религиозно-традиционное право, корпоративное право.

В зависимости от степени централизованности различают *централизованное* и *децентрализованное* правовое регулирование². Централизованное правовое регулирование имеет единый, общий источник –

¹ Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права. Тема: «Правовое регулирование и его механизм» // Сибирский юридический вестник. 2003. № 1. С. 3.

² Кашанина Т.В. Децентрализация в правовом регулировании. Структурный анализ: дис. ...д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 14.

государство; сфера его распространения – вся территория страны; оно осуществляется посредством нормативных правовых актов. В основе централизованного регулирования лежит преимущественно императивный метод, действующий в рамках разрешительного правового режима. Основным достоинством данного вида правового регулирования является обеспечение единообразия в регулировании общественных отношений на всей территории страны, минимизация государственных затрат в сфере установления законности и правового порядка. Однако необходимо признать, что следствием чрезмерной централизации является зарегулированность общественных отношений, мелочная опека и ограничение свободы участников социальных связей.

Децентрализованное правовое регулирование исходит из разных центров и реализуется на разных уровнях (субъекты Федерации, органы местного самоуправления, администрации учреждений, предприятий, организаций, трудовые коллективы, участники конкретных общественных отношений). Оно осуществляется посредством как нормативных, так и индивидуальных правовых актов.

Децентрализованное правовое регулирование позволяет субъектам проявить инициативу и самостоятельно урегулировать необходимые общественные отношения с учетом интересов региона, административно-территориального образования, организации и т.п. Предоставление такой свободы субъектам общественных отношений – свидетельство реализации принципа демократизма в сфере государственного управления. В то же время, необходимо отдавать отчет в том, что децентрализованное правовое регулирование не существует обособленно, оно должно соответствовать централизованному правовому регулированию, дополнять его.

Т.В. Кашанина обращает внимание на тот факт, что централизованное и децентрализованное регулирование соотносятся в различных сферах общественной жизни по-разному. В политической сфере, по мнению ученого, должно доминировать централизованное регулирование, в области

экономической – большая роль отводится децентрализованному регулированию, социальная область – это преимущественно сфера децентрализованного регулирования.

По сфере распространения (сфере действия права) ученые выделяют *общее, ведомственное, местное и локальное* правовое регулирование¹.

Общее – осуществляется, прежде всего, посредством законов и подзаконных нормативных актов. Оно имеет предельно широкую сферу распространения и может быть определено как *общегосударственное*.

Ведомственное правовое регулирование реализуется в определенной области государственного управления: промышленности, сельского хозяйства, транспорта, медицины и т.д. Основными средствами регулирования являются нормативные акты органов исполнительной власти.

Сфера распространения местного правового регулирования – административно-территориальные образования; основные инструменты – нормативные и индивидуальные правовые акты органов местного самоуправления.

Локальное правовое регулирование реализуется в масштабах отдельных учреждений, предприятий, организаций соответственно через действие собственных нормативных и индивидуальных правовых актов².

В то же время представляется верным дополнить данную классификацию *индивидуальным* регулированием, поскольку только в этом случае классификация получает логическую завершенность.

Таким образом, классифицируя правовое регулирование по сфере распространения (сфере действия права), получаем: общегосударственное, ведомственное, местное, локальное и индивидуальное правовое регулирование.

¹ См.: Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права. Тема: «Правовое регулирование и его механизм» // Сибирский юридический вестник. 2003. № 1. С. 5.

² См: Никитенко Ю.М. Локальная юридическая деятельность: общетеоретический анализ: автореф. дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С.12.

Исходя из *средств правового регулирования* выделяют нормативное и индивидуальное правовое регулирование¹; централизованное, локальное, индивидуальное (т.н. нормативно-правовое регулирование) и казуальное, имеющие своей целью воплотить нормы права в определенные действия².

Нормативное (централизованное) правовое регулирование является общим, поскольку распространяется не на единичные общественные отношения, а на все общественные отношения определенного вида.

Локальное регулирование, указывает Т.В. Кашанина – это проявление самоуправления коллектива, который принимает локальные акты в отношении своих членов. Возможно издание локальных актов управленческими органами коллектива, но при условии четкого определения вопросов, по которым коллективы передают им правотворческие полномочия. Локальное правовое регулирование, как верно подмечено, тяготеет больше к нормативному, хотя имеет место быть, добавим от себя, и индивидуальное правовое регулирование на уровне конкретной организации.

Индивидуальное регулирование – проблема дискуссионная, долгое время незаслуженно обделенная вниманием. Полемика по данной научной тематике развернулась в 80-е годы XX века. В юридической науке было высказано несколько точек зрения, как о сущности индивидуального регулирования, так и о его месте в системе правового регулирования.

Следуя за нормативным и дополняя его, индивидуальное правовое регулирование конкретизирует предписания правовых норм и может быть применимо к конкретным, единичным случаям. В то же время при наличии пробела в законодательстве и, следовательно, неурегулированности конкретного случая нормами позитивного права, он может быть

¹ См.: Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права. Тема: «Правовое регулирование и его механизм» // Сибирский юридический вестник. 2003. № 1. С. 4; Миннирес И.А. Индивидуальное правовое регулирование: понятие, правотворческая деятельность, правовые акты. Иркутск: Институт законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского, 2009.

² См.: Кашанина Т.В. Децентрализация в правовом регулировании. Структурный анализ: дис. ...д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 16.

регламентирован индивидуальными правовыми средствами (актом применения права). В данном случае ведущую роль играет индивидуальное правовое регулирование. Средства его реализации также носят индивидуальный характер. Это – индивидуальные правовые договоры (гражданские, трудовые и т. д.), акты применения права.

Систематизация признаков индивидуального правового регулирования позволяет отметить, что оно: 1) является самостоятельным видом правового регулирования; 2) дополняет нормативное или общее правовое регулирование; 3) является децентрализованным, в рамках которого возможно принятие решений по усмотрению компетентных субъектов; 4) реализуется через совершение односторонних юридических сделок либо выражается во властной деятельности уполномоченных субъектов; 5) направлено на урегулирование конкретных отношений, требующих юридического разрешения; 6) в рамках индивидуального правового воздействия обязанности субъектов права устанавливаются в индивидуальном порядке; 7) в процессе такого регулирования создаются индивидуальные правовые акты.

Индивидуальное правовое регулирование зачастую называют казуальным¹, поднормативным², ненормативным³. Данные термины, однако, не сводимы друг к другу, не являются взаимоисключающими, поскольку каждый из них отражает отдельные взаимодополняющие черты данного вида правового регулирования. Так, например, В.Л. Кулапов и Ю.В. Медная считают, что поднормативное правовое регулирование является связующим звеном между нормативным и индивидуальным⁴. Выказанную позицию следует поддержать.

¹ См.: Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 38.

² См.: Кулапов В.Л., Медная Ю.В. Поднормативное правовое регулирование. Саратов, 2009. С. 122.

³ См.: Минникес И.А. Индивидуальное правовое регулирование как научная проблема // Академический юридический журнал. Иркутск. 2006. № 1. С. 4-7.

⁴ Кулапов В.Л., Медная Ю.В. Указ. соч. С. 124.

По мнению В.М. Горшенева поднормативное регулирование объединяет правоприменительное (осуществляемое с помощью актов применения права) и автономное (заключение договоров и односторонних сделок)¹.

Другие ученые называют видами индивидуального правового регулирования: 1) автономное, осуществляемое при реализации права или путем совершения односторонних сделок; 2) координационное (например, заключение договора). Указанные разновидности индивидуального правового регулирования определяют как саморегулирование общественных отношений²; 3) субординационное правовое регулирование – деятельность государственных или иных властных компетентных субъектов, применяющих соответствующие нормы позитивного права в отношении других лиц³.

Понимание природы правового регулирования расширяется, если взглянуть на него с точки зрения типа правового регулирования, заданного способами воздействия права на поведение индивида.

Тип правового регулирования обусловлен наличием такого признака права, как нормативность. В теоретическом плане тип правового регулирования характеризуют как «укрупненный блок» в общем арсенале правового инструментария, соединяющий в единую конструкцию определённый комплекс правовых средств⁴, выражающий «степень жёсткости юридического воздействия, наличие известных ограничений и

¹ Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. С. 173.

² См.: Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М., 2003. С. 309-310.

³ См.: Минникес И.А. Индивидуальное правовое регулирование как самостоятельный вид правового регулирования // Российский юридический журнал. 2006. № 2. С. 19-25; Кашанина Т.В. указывает на то, что субординационное регулирование осуществляется органами государства в одностороннем порядке на основе их компетенции посредством индивидуально-императивного волеизъявления (Кашанина Т.В. Указ. соч. С. 15).

⁴ Алексеев С.С. Теория права. М., 1994. С. 171–172.

льгот, допустимый уровень активности субъектов, пределы их правовой самостоятельности»¹.

Тип правового регулирования демонстрирует общую направленность развития права, раскрывает и характеризует внешние и внутренние связи правовой системы в целом. Традиционно в науке тип правового регулирования трактуется как общий порядок регулирования, складывающийся в определенной области общественных отношений. В основе типов лежит сочетание двух способов регулирования – дозволения и запрета².

Стремясь внести определенную научную новизну, Е.К. Шевырин трактует тип правового регулирования как теоретическую конструкцию, фиксирующую научные положения о чертах, свойствах и строении процесса воздействия на общественные отношения правил, обеспеченных правовыми санкциями, способных оказывать преобразующее воздействие на поведение людей путем установления субъективных прав и возложения юридических обязанностей³.

С авторским определением вряд ли можно согласиться. Тип правового регулирования представлен здесь как выработанная правосознанием конструкция, лишенная функционального потенциала, в то время как правовое регулирование – это процесс, выражающий динамизм, физиологию права⁴. Кроме того, анализируемая трактовка не показывает специфику сферы воздействия права (частной или публичной), направленность правовых средств на расширение данной сферы путем предоставления общего дозволения или сужение, через регламентацию общего запрета.

¹ Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. С. 186.

² См.: Теория государства и права / под ред. С.С. Алексеева. М., 1985. С. 303.

³ См. об этом: Шевырин Е.К. Тип правового регулирования: теоретические и практические проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2008. С. 10.

⁴ См.: Общая теория государства и права / под ред. В.В. Лазарева. М., 2000. С. 141.

В литературе справедливо указывается, что для характеристики типа правового регулирования важными являются пространственные, временные и субъектный критерии¹. Рассмотрим их подробнее.

Пространственный критерий означает привязку типа правового регулирования к территории определенного государства, и проводимой им правовой политики. Применительно к современной России можно констатировать приоритет общедозволительного типа регулирования в рамках демократического политического режима.

Характер типа правового регулирования имеет также историческую обусловленность и зависит от уровня развития общества и государства. На разных этапах общественного развития типы регулирования могут сменять друг друга. Возможно их совместное присутствие. В данном случае, в зависимости от сферы общественных отношений приоритетное значение имеет либо разрешительный, либо дозволительный тип правового опосредования общественных связей.

Тип правового регулирования определяется областью общественных отношений и субъектным составом. Так, публичные отношения, если они развиваются в рамках разрешительного типа правового регулирования, строятся по принципу «дозволено то, что прямо разрешено законом». Уполномоченными субъектами здесь выступают должностные лица, государственные служащие, а граждане несут юридические обязанности. Характер интересов в публичной сфере – не материальный.

Там же, где правовые связи возникают между равноправными субъектами (гражданами или юридическими лицами), государство в лице особых уполномоченных субъектов несет юридические обязанности, а характер интересов – материальный, складывается общедозволительный тип правового регулирования, базирующийся на идее «не запрещенное законом – дозволено».

¹ См.: Проблемы теории государства и права / под ред. А.В. Малько. М., 2012. С. 449.

Тип правового регулирования, – по мнению В.А. Сапуна, – зависит от того, какое глубинное явление правовой действительности лежит в основе опосредования определенной области общественных отношений – общее дозволение или общий запрет¹. С.С. Алексеев уточняет, что общий запрет или дозволение являются исходными направляющими правовыми началами на том или ином участке общественных отношений².

Развивая данное положение, отметим, что формулой общедозволительного типа правового регулирования являются «общие дозволения – конкретные запреты». На данном участке общественных отношений основным правовым средством регулирования выступает субъективное право, юридическая свобода; презюмируется разрешенность всего многообразия возможных действий (за исключением прямо установленных запретов). Общие дозволения влекут за собой юридически значимые последствия и являются основанием для правомерного поведения.

Общедозволительный тип правового регулирования основан на принципе диспозитивности, который выражается в формальном закреплении дозволений, самостоятельности и равенстве сторон – участников правоотношений, свободе воли субъектов, «горизонтальной» конфигурации связей между субъектами, праве выбора субъектами средств достижения цели. Означенный тип правового регулирования открывает возможности для проявления правомерной активности граждан, их самостоятельности. Он наиболее характерен для сферы частного права.

Разрешительный тип правового регулирования, наоборот, закрепляет «общие запреты – конкретные дозволения». «Запретительное поле» в качестве базовых правовых средств использует запреты и юридические обязанности. Круг редких исключений в форме дозволений нормативно очерчен. Однако в отличие от общих дозволений, общие запреты не могут непосредственно порождать юридические последствия. Этот вывод следует

¹ См.: Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права. СПб., 2002. С. 61.

² См.: Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. С. 82.

из персонального характера юридической ответственности, которая наступает за нарушение конкретной правовой нормы. Разрешительный тип правового регулирования опосредует публично-властную сферу общественных отношений, составляет фундамент правового режима ограничения в отношении государственной власти¹, характеризует состояние юридической правомерности общественных отношений, формирующихся в области публичного управления.

Имеются и иные подходы к определению типа правового регулирования. Так, В.Д. Сорокин, отстаивающий существование единого метода правового регулирования (сочетающего способы правового регулирования: дозволения, обязанности и запреты) в зависимости от особенностей их соотношения выделяет три типа правового регулирования: гражданско-правовой, административно-правовой и уголовно-правовой. В каждом типе, рассуждает ученый, один из способов правового регулирования выступает в качестве преобладающего, а два других – выполняют функцию его обеспечения присущими им возможностями².

Действительно, типы правового регулирования в практическом смысле тесно связаны друг с другом. Однако традиционная классификация типов регулирования на дозволительный и разрешительный, демонстрирует довольно логичную цепочку связей между предметом правового регулирования (частное и публичное право), методами (диспозитивным и императивным) и типами правового регулирования (общедозволительным и разрешительным).

Современная наука продолжает дискуссию, затрагивающую понятия теории правового регулирования. Предлагается, в частности, рассматривать в качестве самостоятельных: институционный и дискретный методы правового

¹ См. об этом: Милушева Т.В. Пределы и ограничения государственной власти (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2013.

² См.: Сорокин В.Д. Правовое регулирование : Предмет, метод, процесс // Правоведение. 2000. № 4. С. 34 – 45.

регулируемые и основанные на них одноименные типы правового регулирования¹.

Аргументы ученых сводятся к тому, что институциональность и дискретность как парные категории, вполне реально отражают способы формирования норм и институтов в праве. Институционный метод позволяет придать правовой норме строго определенный характер и сводит к минимуму усмотрение властного субъекта; создает «жесткий» тип правового регулирования, свидетельствует о высоком качестве закона, опосредует публично-правовую сферу общественных отношений. Дискреционный метод, напротив, фиксирует возможность свободного усмотрения субъектов. Он применим, в первую очередь, при восполнении и преодолении правовых пробелов, коллизий, что придает правовому регулированию гибкость.

Представленную точку зрения следует, на наш взгляд, оценивать критически. Дискреция – от лат. «разделение» представляет собой прерывность пространства правового регулирования, где правовое регулирование теряет целостность, связанность и предсказуемость, приобретает латентный характер².

Правовое регулирование, основанное на сугубо дискреционных установлениях (например, нормах права, содержащих оценочные категории) на усмотрении публично-властных субъектов, фактически лишается качества нормативности, а воздействие опосредуемого ими социального регулирования, соответственно, качества правового. Таким образом, дискреционный метод правового регулирования нельзя признать самостоятельным, наряду с институционным. Решение правовой ситуации по усмотрению должно быть исключительным способом опосредования общественных отношений и иметь надежные правовые гарантии, обеспечивающие законность и справедливость принятого правового акта. Правоприменительное усмотрение создает угрозу злоупотребления правом.

¹ См.: Цыгановкин В.А. Институционный и дискреционный методы и типы правового регулирования // Юриспруденция. 2011. № 3. С. 118-126.

² Словарь <https://slovari.yandex.ru/>

Нельзя в полной мере согласиться и с тезисом автора о том, что дискреционный тип правового регулирования наиболее характерен и естественен для деятельности суда¹. Думается, что дискреционный тип правового регулирования вряд ли естественен для судебной деятельности, регулируемой процессуальным законодательством, которое отнюдь не является дискреционным, хотя отдельные возможности дискреции, конечно, присущи деятельности судей.

Еще один неординарный подход к правовому регулированию демонстрирует в своем диссертационном исследовании Е.К. Шевырин, который обосновывает тип правового регулирования как результат логической операции – типологии, осуществляемой в отношении правового регулирования как явления². Используя указанный методологический прием, ученый различает генетические и структурные типы правового регулирования. Первые выделяются на основе цивилизационного подхода и методов сравнительного правоведения и имеют разновидности: западный (правовые средства здесь выступают в качестве основного средства упорядочения общественных отношений, обладают собственной ценностью и значением) и незападный (где право является дополнительным инструментом, «приложением» к традициям, обычаям, морали и др.); романо-германский и англосаксонский типы правового регулирования.

Критериями структурного типа правового регулирования, по мнению автора, являются характеристики и способ установления правил, воздействующих на поведение людей, тип правовых санкций и порядок их реализации, особенности прав и обязанностей, установленных для участников общественных отношений³. Учитывая данные генетической

¹ Цыгановкин В.А. Институционный и дискреционный методы и типы правового регулирования // Юриспруденция. 2011. № 3. С. 120.

² См.: Шевырин Е.К. Тип правового регулирования: теоретические и практические проблемы : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Самара, 2008. С. 10.

³ См.: Шевырин Е.К. Тип правового регулирования: теоретические и практические проблемы : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Самара, 2008. С. 10.

типологии в рамках конкретной правовой системы, например, романо-германской, структурные типы правового регулирования подразделяются на публично-правовой и частноправовой типы.

Таким образом, проведенный теоретический анализ правового регулирования свидетельствует о том, что эволюция общественных отношений неизбежно приводит к усложнению правового регулирования и необходимости сочетания его видов и типов, что позволяет говорить о многомерности, полиструктурности правового регулирования в современной России.

В командно-административной системе управления государственное централизованное правовое регулирование общественных отношений было доминирующим, практически вытеснило локальные акты из массива нормативно-правовых актов государства вообще, заменив их подзаконными (ведомственными) актами, исходящими от правительства.

Очевидно, что государственное регулирование рыночных отношений, показывает свою недостаточную эффективность, так как в силу объективных причин не способно быть гибким, динамичным, учитывать особенности отношений, формирующихся в той или иной организации. Именно поэтому в начале либеральных реформ, активно развивался тезис о всемерном ограничении роли государства в хозяйственной деятельности, который по мере «созревания», «взросления» общественных отношений, прежде всего, в сфере экономики, был справедливо скорректирован с учетом сохранения регуливающей роли государства в некоторых стратегически важных сферах общественных отношений.

В условиях рыночной экономики государство передает некоторые функции на уровень структур гражданского общества. В связи с этим можно говорить о децентрализации государственного управления и правового регулирования, появлении в качестве дополняющего государственное, локальное, поднормативное, индивидуальное правовое регулирование,

саморегулирование, основанные на принципах: координации, конкуренции, свободы, независимости от государства.

Негосударственное правовое регулирование, охватывает значительную часть общественных отношений публичного и частного права; осуществляется с помощью правовых средств как регулятивного, так и охранительного характера; реализуется особыми субъектами (негосударственные субъекты, наделенные публично-властными полномочиями), охватывает все стадии процесса правового регулирования (правотворчество и правоприменение).

В то же время государственное и негосударственное регулирование должны действовать «в унисон». Абстрактность, «оторванность» государственного регулирования от конкретных отношений, развивающихся во времени и пространстве, должна дополняться «заземленностью», привязанностью индивидуального регулирования к условиям конкретного субъекта. В противном случае обеспечить гармоничное адекватное регулирование общественных отношений не удастся в силу определенной (организации).

Поэтому в качестве обратной связи негосударственное регулирование зачастую становится предпосылкой государственного регулирования¹. По мере выявления и оформления новых видов общественных отношений они оцениваются, осмысливаются, осознаются как правомерные или неправомерные, происходит «отбраковка» последних. Когда такие связи принимают более или менее массовый, устойчивый и закономерный характер возникает необходимость в их урегулировании сначала в рамках организации (в рамках локального регулирования), в основе которого лежит самоорганизация социальных связей, а затем уже и на уровне государства.

¹ См.: Потапов В.А. Государственное и локальное регулирование деятельности организаций в Российской Федерации // Публичные и частные интересы в российском законодательстве: сб мат. науч.-практ. конф. / Отв.ред. Ю.А. Тихомиров. М.: Юрист, 2005. С. 20-21.

1.2 Применение права как общетеоретическая категория

Применение права в теоретической юридической науке трактуется учеными-правоведами неоднозначно. Его рассматривают: как метод регулирования политических и правовых отношений, подразумевающий публичную юрисдикционную, исполнительно-распорядительную, контрольно-надзорную деятельность особых субъектов, суть которой – индивидуальное правовое регулирование общественных отношений¹; как публично-властную деятельность компетентного органа государства, направленную на вынесение индивидуального правового акта²; как процесс наделения специальных субъектов субъективными правами и юридическими обязанностями³.

В советский период к проблеме применения норм права обращались представители теоретической науки – И.Я. Дюрягин⁴, Ю.Н. Бро⁵, В.В. Вахтер⁶, Н.Н. Вопленко⁷, С.А. Алексеев⁸, В.В. Лазарев⁹, Ю.С. Решетов¹⁰, П.Е. Недбайло¹¹, А.С. Пиголкин¹²; В.В. Глазырин,

¹ См.: Вопленко Н.Н. Социалистическая законность и применение права / Под ред. М.И. Байтина. Саратов, 1983. С. 35.

² См., напр.: Правоприменение в советском государстве. М., 1985. С. 18; Вопленко Н.Н. Указ. соч. С. 32.

³ См.: Дюрягин И.Я. Применение норм советского права: Теоретические вопросы. Свердловск, 1973.

⁴ Дюрягин И.Я. Применение норм советского права и социальное (государственное) управление: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1975.

⁵ Бро Ю.Н. Изучение фактических данных и обстоятельств дела в процессе применения норм права : автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 1978.

⁶ Вахтер В.В. Общетеоретические вопросы понятия фактической основы применения норм советского права: автореферат дис. ... канд. юридических наук. Свердловск, 1979.

⁷ Вопленко Н.Н. Теоретические проблемы режима законности в применении норм социалистического права: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1984.

⁸ Алексеев С.А. Социальная ценность права в советском обществе. 1971.

⁹ Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960; Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов (вопросы теории). Казань, 1975; Он же: Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1982.

¹⁰ Решетов Ю.С. Механизм правореализации в условиях развитого социализма. Казань, 1980; Он же: Реализация норм советского права. Системный анализ. Казань, 1989.

¹¹ Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960.

¹² Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. М., 1962.

В.Н. Кудрявцев, В.И. Никитинский, И.С. Самощенко¹, С.С. Алексеев, Н.Г. Александров, Н.А. Власенко, В.М. Горшенев, В.Н. Карташов, Н.И. Матузов, А.В. Нечепурнов, Ф.Н. Фаткуллин, А.Ф. Черданцев, Л.С. Явич и др.; науки гражданского процесса – Н.А.Чечина², В.М. Мелихов³, Б.Н. Лапин⁴, Н.Г. Колотов⁵, Л.С. Самсонова⁶; науки гражданского права – Т.П. Лазарева⁷, С.Н. Братуся, М.И.Брагинский, Д.М. Генкин, О.С.Иоффе, Ю.Х.Калмыков, О.А. Красавчиков, И.Б.Новицкий, С.В. Поленина, Р.О. Халфина, Б.Б. Черепяхин, В.А.Тархов; науки административного права – Д.К. Сергеева⁸; науки уголовного процессуального права – Э.Ш. Кемулария⁹, П.С. Элькинд¹⁰; науки уголовного права – К.С. Хахулина¹¹, Е.В. Благов¹²; науки трудового права – М.Н. Сатолина¹³.

¹ В.В. Глазырин, В.Н. Кудрявцев, В.И. Никитинский, И.С. Самощенко «Эффективность правовых норм» (1980 г.)

² Чечина Н.А. Нормы гражданского процессуального права и их применение: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Л.,1965.

³ Мелихов В.М. Судебная практика и ее значение в обеспечении правильного применения гражданских процессуальных норм: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Л.,1980.

⁴ Лапин Б.Н. Эффективность применения норм гражданского процессуального права в стадии подготовки дел к судебному разбирательству: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Л.,1980.

⁵ Колотов Н.Г. Принятие решения как стадия процесса применения норм права: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск,1980.

⁶ Самсонова Л.С. Применение норм гражданского процессуального права: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск,1982.

⁷ Лазарева Т.П. Применение норм о штрафных санкциях в хозяйственных отношениях: автореферат дис. ... канд. юрид. наук законодательства. М.,1982.

⁸ Сергеева Д.К. Некоторые вопросы теории и практики применения законодательства о статусе депутатов Советов депутатов трудящихся в СССР: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М.,1976.

⁹ Кемулария Э.Ш. Проблемы применения уголовно-процессуального закона по аналогии: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М.,1983.

¹⁰ Элькинд П.С. Толкование и применение норм уголовно- процессуального права. М.: Юрид. литература, 1967.

¹¹ Хахулина К.С. Конкуренция уголовно-правовых норм и ее преодоление в процессе их применения : автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Казань,1984.

¹² Благов Е.В. Неправильное применение уголовного закона как основание к отмене или изменению приговора: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Казань,1985.

¹³ Сатолина М.Н. Применение норм советского трудового права о поощрениях и взысканиях: По материалам Белорусской ССР: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М.,1989.

В современный период к проблеме правоприменения обращаются: в области теории права (Е.А. Маркина¹, И.Н. Зуев², О.М. Лиска³), гражданского права (С.И. Вильнянский, В.В. Витрянский, О.Н. Садилов, Ю.К.Толстой, Е.А.Суханов, З.И. Цыбуленко, О.А. Чаусская⁴), семейного права (Е.О. Жучкова⁵), земельного права (Н.А. Алексеева⁶), уголовного права (Е.В. Благов⁷, О.А. Савельева⁸), уголовного процессуального права (В.М. Волженкина⁹, А.В. Пушкарев¹⁰, В.В. Малышева¹¹, Т.В. Шушанова¹², В.О. Белоносков¹³, М.А. Петухова¹⁴), административного права (М.Е. Труфанов¹⁵), финансового права (О.Р. Михайлова¹, В.В. Пачкун²)

¹ Маркина Е. А. Социально-политические аспекты применения норм права: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2000.

² Зуев И.Н. Юридический механизм реализации актов применения права: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004.

³ Лиска О.М. Учения о применении права в России во второй половине XIX - начале XX вв.: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

⁴ Чаусская О. А. Применение норм гражданского права: Вопросы теории и практики: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.

⁵ Жучкова Е.О. Проблемы применения норм семейного права в судебных спорах, связанных с расторжением брака: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

⁶ Алексеева Н.А. Правовые проблемы применения норм земельного права при разрешении земельных споров в Российской Федерации: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

⁷ Благов Е.В. Теория применения уголовного права: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.

⁸ Савельева О.А. Роль судебного толкования в применении уголовного закона: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

⁹ Волженкина В.М. Применение норм международного права в российском уголовном процессе : Проблемы теории и практики: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

¹⁰ Пушкарев А.В. Применение норм уголовно-процессуального права при обратной силе уголовного закона: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007.

¹¹ Малышева В.В. Уголовно-процессуальные правовые нормы: понятие, классификация, особенности применения: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

¹² Шушанова Т.В. Применение уголовно-процессуальных норм: концептуальные основы: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

¹³ Белоносков В.О. Толкование норм права в системе теоретической и практической деятельности в сфере уголовного судопроизводства: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.

¹⁴ Петухова М.А. Применение норм уголовно-процессуального права следователями органов внутренних дел в условиях регулирования уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003.

¹⁵ Труфанов М.Е. Применение норм административного права: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

трудового права (В.И. Попов³), права социального обеспечения (Е.Ю. Говорухина⁴), международного права (Б.Л. Зимненко⁵, Н.А. Цивадзе⁶, В.В. Терешкова⁷).

Относительно места и роли правоприменения в механизме реализации права, позиции ученых также расходятся.

А.В. Мицкевич отождествлял правоприменение с реализацией права⁸. П.Е. Недбайло связывал с правоприменением все формы реализации норм права через правоотношения.

В.М. Горшенев высказывал мнение, согласно которому правоприменение – лишь предпосылка использования, исполнения и соблюдения норм права⁹. Он отрицал самостоятельность правоприменения как формы реализации права, указывая на воздействующие качества правоприменения и на отсутствие в данном процессе результатов реализации¹⁰.

¹ Михайлова О.Р. Толкование некоторых норм налогового законодательства как стадия его применения : автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М.,2003.

² Пачкун В.В. Применение норм бюджетного права при рассмотрении финансово-правовых споров : на примере арбитражной практики: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

³ Попов В.И. Нормативные регулирование трудовых отношений и применение норм трудового права: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург,2000.

⁴ Говорухина Е.Ю. Применение норм права социального обеспечения: Вопросы теории и практики : автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.

⁵ Зимненко Б.Л. Применение норм международного права в судебной системе Российской Федерации: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М.,1999.

⁶ Цивадзе Н.А. Применение норм международного права судами Российской Федерации: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М.,2005.

⁷ Терешкова В.В. Применение норм международного права в судебной системе Российской Федерации: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Казань,1998.

⁸ См.: Мицкевич А.В. Юридическая природа актов правотворчества высших органов государственной власти и управления СССР : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук М., 1967. С.10.

⁹ См.: Мартьянов И.В., Рабинович П.М. Рецензия на книгу И.Я. Дюрягина «Применение норм советского права» // Правоведение. 1975.; Рабинович П.М. Рецензия на книгу В.В. Лазарева «Применение норм советского права» // Советское государство и право. 1973. № 6. С. 146 и др.

¹⁰ См.: Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. С. 54.

С.С. Алексеев утверждал, что применение права представляет собой способы воздействия, а не способ реализации права¹. Будучи деятельностью специальных органов, оно, по мнению ученого, является лишь этапом осуществления правовой нормы. Для полной ее реализации в дальнейшем необходима материализация субъективных прав и обязанностей в фактическом поведении субъектов. Такая точка зрения поддерживалась Л.С. Явичем, Н.Г. Александровым, Ю.Г. Ткаченко.

В.Н. Карташов, В.В. Лазарев, напротив, обращают внимание на самостоятельность правоприменения как формы реализации права², на его отличие от иных способов реализации по целевому назначению, специфике самой правоприменительной деятельности и форме, в которой она протекает³.

Вместе с тем, практически все ученые обращают внимание на тот факт, что формы реализации права тесно взаимосвязаны⁴.

Анализ различных точек зрения привел к выводу о том, что применение права все-таки нельзя ставить в один ряд с формами его непосредственной реализации. Следует согласиться с А.В. Авериним, который рассматривает правоприменение как комплекс мыслительных и фактических, организационных и юридических операций (действий) субъекта применения права, имеющий целью обеспечить нормальное течение процесса реализации правовых предписаний⁵.

Наиболее верной представляется позиция Т.В. Кашаниной, которая полагает, что применение права – не форма реализации права, а особый тип

¹ См.: Алексеев С.С. Теория права. Харьков, 1994. С. 148.

² См. об этом: Карташов В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов, 1989. С. 15.

³ См.: Лазарев В.В. Применение советского права. Казань, 1972. С. 33.

⁴ См.: Мицкевич А.В. Юридическая природа актов правотворчества высших органов государственной власти и управления СССР : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук М., 1967. С.10; Осипов А.В. Соблюдение норм советского права как форма их реализации : автореф. дис. канд. юрид. наук. Саратов, 1980. С. 7; Алексеев С.С. Теория права. Харьков, 1994. С. 174.

⁵ См.: Аверин А.В. Правоприменительная деятельность суда и формирование научно-правового сознания судей / под ред. М.И. Байтина. Саратов, 2003. С. 77.

осуществления права, имеющий свои формы: конкретизацию, контроль, разрешение споров, наложение санкций¹. Из такой позиции будем исходить и мы.

Для познания исследуемой проблемы в методологическом плане представляется верной точка зрения, согласно которой следует разграничивать понятия: «применение права» как стадию правового регулирования и «правоприменительную деятельность» как организационно-правовую форму его осуществления. Смысл такого разделения выражает важный принцип научного познания: рассматриваемое явление может быть познано лишь при его соотношении с понятиями более широкого плана, то есть с контекстом, в котором оно существует². Это обстоятельство необходимо учитывать, поскольку при неизменном содержании правоприменения, в современных условиях совершенствуются *механизмы* его реализации, меняются *субъекты* его осуществляющие. И тем не менее такое деление, конечно, носит условный характер, а указанные конструкции можно считать взаимозаменяемыми.

Кроме того, следует согласиться с высказанным в науке мнением о том, что категория «применение права» раскрывает лишь теоретические аспекты указанного явления, его статические характеристики. В то время как в понятии «правоприменительная деятельность» проявляются динамические свойства права, его процессуальный характер³.

Рассуждая в данном ключе, целесообразным представляется осмысление феномена применения права через призму юридической

¹ См.: Кашанина Т.В. Юридическая техника. М., 2007. С. 396.

² См.: Сапун В.А. Правоприменительная деятельность: особенности и структура // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3. С. 185-191.

³ См.: Самусевич А.Г. К проблеме соотношения понятий «правоприменительная деятельность» и «правоприменение» (теоретико-правовой анализ) // Вопросы современной юриспруденции : материалы XXVIII международной заочной научно-практической конференции. (28 августа 2013 г.) Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. 122 с. С. 84-90.

деятельности¹, интерес к исследованию которой в последнее время обусловлен изменениями, происходящими в различных сферах жизнедеятельности российского общества.

В литературе обращается внимание на то, что юридическая деятельность как правовая категория, обладает следующими присущими ей чертами: является разновидностью социальной деятельности; имеет публично-властную природу; обладает позитивным социально-преобразующим началом; влечет за собой нормативно-значимые результаты, формами выражения которых выступают нормативные правовые акты, правоприменительные акты, документы, имеющие правовое значение; осуществляется в нормативно определенной процедурной форме; подчинена цели объединить внутреннюю, субъективную сторону правового регулирования с внешне объективированными явлениями правовой действительности².

Экстраполируя означенные выше универсальные признаки юридической деятельности на правоприменительную деятельность, отметим, что она:

- 1) выступает разновидностью юридической деятельности;
- 2) осуществляется как в частной, так и в публичной сфере, но при этом имеет публично-властное содержание, так как направлена на реализацию общественного интереса;
- 3) обеспечивается силой государственного принуждения;
- 4) является организационно-правовой формой осуществления правоприменительных отношений, выражающейся в комплексе правоприменительных действий по реализации юридических предписаний;

¹ См., например: Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность / под ред. Н.И. Матузова. Саратов, 1989; Адильханова К.М. Роль юридической деятельности в правовой системе Российской Федерации : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2013; Никитенко Ю.М. Локальная юридическая деятельность: общетеоретический анализ : автореф. дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2013; Терехов Е.М. Оптимизация правоинтерпретационной деятельности в современной России: проблемы теории и практики : дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2015.

² См.: Адильханова К.М. Указ. соч. С. 10.

5) процедурно оформлена (в настоящее время государством установлена большая группа процессуальных норм, призванных обслуживать, регулировать и упорядочивать эту деятельность);

6) осуществляется государственными и негосударственными компетентными субъектами, обладающими властными полномочиями;

7) с функциональной точки зрения направлена на достижение определенных социальных целей, влекущих за собой наступление юридически значимых последствий, реализацию прав и законных интересов граждан, организаций, придание стабильности общественным отношениям;

8) результатом правоприменительной деятельности является юридический акт правоприменительного характера.

В структурном отношении правоприменительная деятельность представляет собой способы организации ее важнейших элементов – субъекта, объекта и содержания. Рассмотрим их подробнее.

Эволюция общественных отношений в сторону их разгосударствления требует уточнения тезиса о государственном характере *субъектов* правоприменительной деятельности, круг которых в современных условиях неизбежно расширяется. Децентрализация политических процессов привела к оформлению органов местного самоуправления, наделенных государством властными полномочиями на осуществление юридической деятельности.

Субъектов правоприменительной деятельности, в тоже время не следует отождествлять с *участниками*, роль которых заключается в содействии первым в осуществлении правоприменения. В качестве таковых могут выступать отдельные лица, их коллективы, организации, удовлетворяющие собственные потребности и интересы либо прямо указанные в законе (эксперты, переводчики и др.)¹.

Данный структурный элемент более детально будет рассмотрен во второй главе диссертационного исследования.

¹ См.: Карташов В.Н. Правоприменительная практика в социалистическом обществе. Ярославль, 1986. С. 17.

Объектом правоприменительной деятельности выступают общественные отношения, нуждающиеся в индивидуально-правовой регламентации со стороны публично-властного субъекта. Как верно подмечено, – цель правоприменения считается достигнутой, если общественные отношения, явившиеся предметом воздействия, приобрели по воле государственных органов или должностных лиц форму правоотношений, а юридические нормы реализовались в поведении субъектов-участников данного процесса. Благодаря такому воздействию общественные отношения приобретают управомачивающе-обязывающий характер¹.

Специфика данного вида правоотношений обусловлена: объективными факторами (наличием правоприменительной формы деятельности, а так же нормативной основы (правоприменительных норм)); их надотраслевым, межотраслевым характером; широтой охвата правового поведения (правоприменение рассчитано как на правомерное, так и на противоправное поведение субъектов); детерминированностью такого рода отношений особого рода юридическими фактами (материальными и процессуальными); особым субъектным составом, непосредственно заинтересованным в разрешении дела и управомоченными разрешать дело, но не заинтересованными в его результатах (последние в юридической литературе называются лидирующими субъектами²); их материально-процессуальной природой; наличием корреспондирующих друг другу прав и обязанностей субъектов: право компетентного органа разрешить дело и обязанность управляемого субъекта исполнить принятое решение.

Обращая внимание на юридическую природу процессуальных отношений, М.В. Горшенев указывал на правоприменительную деятельность как промежуточное звено между материальными и процессуальными

¹ См.: Чванов О.А. Механизм правоприменения : автореф. дис. канд. юрид. наук. Саратов, 1995. С. 16.

² См.: Галаган И.А., Василенко А.В. К проблемам теории правоприменительных отношений // Государство и право. 1998. № 3. С. 14.

правоотношениями¹.

Современные ученые, размышляя о трансформации теории правоприменительных отношений, все чаще предлагают различать публичные и частные правоприменительные отношения². Так, рассуждая по этому поводу, Е.Б. Лупарев обоснованно доказывает, что органы корпоративных образований применяют право по аналогии с государственными органами. Сегодня многие негосударственные субъекты оказывают публичные услуги: например, кредитные организации³.

В.Г. Севастьянов, исследуя альтернативные способы разрешения конфликтов, обращает внимание на отраслевое обособление частного юридического процесса, определяя его специфические черты: 1) обязательное наличие спора о праве или конфликта законных интересов сторон; 2) минимальное присутствие органов государства; 3) отсутствие единой процессуальной формы; 4) добровольность исполнения сторонами актов применения; 5) отсутствие по общему правилу в рамках альтернативного разрешения споров возможности принудительного исполнения (для этого необходимо обращение в компетентные органы государства)⁴.

Означенные критерии, безусловно, отражают специфику правоприменительной деятельности, имеющей место, например, в рамках третейского разбирательства, коммерческого арбитража (негосударственный характер правоприменяющего субъекта, отсутствие жесткой процессуальной формы, частно-правовая сфера реализуемых правовых отношений и др.).

В тоже время в юридической науке принято считать, что

¹ См.: Горшенев В.М. Юридическая процессуальная форма. Теория и практика. М., 1976.

² См.: Лупарев Е.Б. Эволюция теории правоприменительных отношений // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2011. № 1. С. 206.

³ См об этом: Вадбольская Е.В. правоприменительная деятельность в банковской системе Российской Федерации (финансово-правовые аспекты) : автореф. дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2011.

⁴ См.: Севастьянов Г.В. Теоретические основы альтернативного разрешения споров: концепция частного процессуального права / Хрестоматия альтернативного разрешения споров: Учебно-методические материалы и практические рекомендации / Сост. Г.В. Севастьянов. СПб., 2009. С. 119.

процессуальные отрасли права являются охранительными и играют обслуживающую роль по отношению к отраслям материального права. При этом значимость их не умаляется. Поэтому место юридического процесса в правовой системе, его объем и задачи определяются содержанием охранительного правоотношения, которое характеризуется властным вмешательством компетентного органа в механизм реализации материальных регулятивных правоотношений для поддержания их функционирования¹.

Перечисленные ранее критерии не отрицают, а некоторые, напротив, подтверждают публично-правовой характер правоприменительной деятельности. Так, наличие спора о праве является одним из основных признаков при построении системы государственной спорной юрисдикции. Кроме того, деятельность третейского суда основана на делегировании властных полномочий, поэтому наличие государственного контроля здесь жизненно необходимо и является гарантией законности. Изложенное свидетельствует о сложной природе исследуемого феномена. Необходима дальнейшая глубокая проработка теоретических оснований правоприменительной деятельности, складывающейся в частноправовой сфере.

Содержание правоприменительной деятельности составляют права и обязанности правоприменяющих субъектов, юридические процедуры, посредством которых реализуется правоприменительная деятельность.

Понятие юридической процедуры и юридического процесса являются для характеристики правоприменительной деятельности ключевыми. В контексте предпринятого исследования важно обратить внимание на их соотношение².

В науке по данному вопросу сформировалось три точки зрения. Согласно первой – юридический процесс и юридическая процедура являются

¹ Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991. С. 39.

² Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991; Протасов В.Н. Юридическая процедура. М., 1991; Яковенко О.В. Правовая процедура: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999.

синонимами (В. М. Горшенев, А. И. Ким, Ю.О. Лучин, Ю. И. Мельников, П. Е. Недбайло, В. С. Основин и др.).

Вторая позиция содержательно исходит из более широкой трактовки юридической процедуры по сравнению с юридическим процессом (Е. И. Бутенко, В.Н. Тарасов).

Третий подход трактует юридический процесс в широком смысле как совокупность процедур (В.И. Иванов, П.И. Кононов, Е.Н. Пастушенко)¹. Данной точки зрения будем придерживаться и мы.

Под процедурой будем понимать установленный законодательством порядок совершения юридически значимых правоприменительных действий.

Характеризуя процедуру, выделим следующие ее признаки: она является элементом юридического процесса, в рамках которого реализуются материально-правовые нормы различных отраслей права; представляет собой регламентированный законодательством порядок совершения юридически значимого действия; материализуется в виде комплекса действий, объединенных единой целью и направленностью на достижение юридического результата; находится в динамичном состоянии; являет собой совокупность процессуальных отношений, обладающих определенной спецификой².

К юридическим процедурам предъявляется ряд требований. Во-первых, они должны соответствовать принципу законности, во-вторых, быть достаточными и оптимальными для достижения планируемого результата, в-третьих, отвечать критерию синхронности и согласованности с основными материальными и процессуальными нормами, в-четвертых, быть простыми и доступными для понимания.

¹ См.: Солдатова О. Е. К вопросу о соотношении понятий «юридический процесс» и «юридическая процедура» // Молодой ученый. 2014. №15. С. 332-335;

² См. об этом: Пастушенко Е.Н. Правовые акты Центрального банка Российской Федерации: процессуальные аспекты финансово-правовой теории / под ред. Н.И. Химичевой, Саратов, 2006. С. 104-110.

Для понимания специфики функционирования негосударственных правоприменяющих субъектов, важно еще раз обратить внимание на процедурный характер данного вида юридической деятельности:

1) Процедура осуществляется как непосредственно субъектом, так и опосредованно, через деятельность должностного лица, правоприменительного органа. Юридический процесс реализуется опосредованно, специально уполномоченным лицом в рамках правоприменительной деятельности.

2) Процедурные нормы могут закрепляться как на нормативном, так и на индивидуальном уровнях (например, в регламентах органов местного самоуправления о предоставлении муниципальных услуг населению). Процессуальные нормы, напротив, закрепляются в централизованном, как правило, законодательном порядке. Более того, для юридического процесса характерна детальная регламентация.

3) Юридический процесс, в отличие от процедуры, регламентирован императивными правовыми нормами, тогда как процедура определяется чаще всего диспозитивными нормами;

4) Правовая процедура может осуществляться каждым дееспособным субъектом права. Юридический процесс осуществляется специально уполномоченными субъектами, которые обладают особым правовым статусом¹.

Из вышеозначенного следует, что правоприменительная деятельность негосударственными субъектами реализуется через преимущественно позитивные процедуры, которые в отличие от юридического процесса более разнообразны по характеру (рукотворны); связаны с нормами материального права; могут быть закреплены на уровне подзаконных правовых актов; не имеют систематизированного характера (скорее представляют комплекс действий); регламентированы преимущественно правоприменительной деятельности (гражданско-правовое, уголовно-правовое, административно-

¹ См.: Солдатова О. Е. Указ. соч. С. 334.

правовое и т. д. правоприменение).

Под способом правоприменения Н.Н. Вопленко понимает процессуально закрепленную, объективно сложившуюся организационно-правовую деятельность специальных субъектов, характеризующуюся однородностью действий по достижению целей властной реализации правовых норм¹. Наиболее типичные способы правоприменительной деятельности, по мнению правоведа: юрисдикционный, исполнительно-разрешительный, правоохранительный и поощрительный².

Т.В. Кашанина ведет речь о видах (формах) правоприменительной деятельности, к которым относит исполнительно-распорядительную, включающую конкретизацию и контроль, а также правоохранительную³. Исходя из этого критерия, И.С. Самощенко классифицирует правоприменительную деятельность на – оперативно-исполнительную и правоохранительную⁴.

По мнению А.Ф. Шебанова правомерно выделять правоисполнительную и правоохранительную деятельность⁵.

С.С. Алексеев исходит из подразделения ее на правоисполнительную и правообеспечительную, последняя в свою очередь подразумевает организационную, контрольно-надзорную и правоохранительную⁶.

Принимая во внимание имеющиеся в науке классификации способов, видов, форм правоприменительной деятельности, выскажем некоторые соображения по данному вопросу.

Наиболее верным представляется вести речь именно о способах правоприменительной деятельности или о видах (разновидностях) способов

¹ См.: Вопленко Н.Н. Способы правоприменения: понятие и основные черты // Вестник Волгоградского университета. 2008. Вып. 10. С. 35-36.

² См.: Вопленко Н.Н. Реализация права: Учебное пособие. Волгоград, 2001. С. 28.

³ См.: Кашанина Т.В. Юридическая техника. М., 2007. С. 398.

⁴ См.: Самощенко И.С. О правовых формах осуществления функций советского государства // Советское государство и право. 1956. № 3. С. 86.

⁵ См.: Шебанов А.Ф. Вопросы теории нормативных актов в советском праве : автореф. дис. д-ра юрид. наук. М., 1965. С. 30.

⁶ См.: Общая теория социалистического права. Свердловск, 1966. С. 73.

такой деятельности. В самом деле, анализ понятий «способ правового регулирования» и «способ правоприменительной деятельности» показывает их родовую связь. Из этого следует, что в основе способа осуществления правоприменительной деятельности лежит способ правового регулирования (родовое понятие) обусловленная государственной оценкой социально-значимых явлений, система правовых предписаний, фиксирующих комплекс правовых средств, приемов и процедур их использования, с помощью которых осуществляется регулятивное воздействие на сознание и волю людей с целью достижения социально-полезного результата¹. Структуру любого способа правового регулирования составляет комплекс конкретных правовых средств, приемов и процедур.

Именно сочетание различных способов правового регулирования, (запрещения, позитивного обязывания, дозволения) и образует определенный способ правоприменительной деятельности.

Спецификой способов правоприменения является их процессуальная природа, нормативно закреплённая процедурная «оболочка», без которой, в принципе, невозможна реализация указанных выше способов.

Способы правоприменительной деятельности можно дополнить, разделив их по направленности данной деятельности на: внешнюю и внутреннюю (внутриорганизационную, служебную). Так, юрисдикционное, правоохранительное правоприменение имеет внешний характер (участники правоприменения независимы от правоприменителя), а исполнительно-разрешительное и поощрительное (классификация Н.Н. Вопленко) – имеет преимущественно внутреннюю ориентацию (участники правоприменения связаны с правоприменителем, например, трудовыми отношениями).

В самом деле, характер субъектов применения права, если взять данный критерий за точку отсчета (в рамках настоящей работы это негосударственные субъекты), обуславливает определенный вид и способ правоприменения, который они реализуют.

¹ См.: Кулапов В.Л., Хохлова И.С. Способ правового регулирования. Саратов, 2010. С. 62.

Думается, что правоприменительная деятельность негосударственных субъектов в первую очередь не является юрисдикционной¹, осуществляется на основе правомерных юридических фактов (юридических актов – деятельность органов управления по реализации норм трудового законодательства, нотариуса, третейского судьи) в рамках юридических процедур. Эта деятельность гораздо реже связана с реализацией правоохранительной функции. Основаниями возникновения правоприменения данного вида субъектов являются: невозможность возникновения прав и обязанностей субъектов; необходимость совершения удостоверяющих или регистрационных действий; наличие спора о праве (например, в служебных отношениях).

Обобщая изложенное, отметим, что:

1. Применение права – вид юридической деятельности, обеспечивающей реализацию правовых предписаний в отношении индивидуально-определенных субъектов и обстоятельств. Понятия «применение права» и «правоприменительная деятельность» можно соотнести между собой как «содержание» и «форма». Такой вывод следует из разграничения применения права как стадии правового регулирования и правоприменительной деятельности как организационно-правовой формы его осуществления. Смысл такого разделения как уже упоминалось, вытекает из методологической посылки: рассматриваемое явление может быть познано лишь при его соотношении с контекстом, в котором оно существует. Относительно правоприменения отметим, что при его неизменном содержании, в современных условиях совершенствуются *механизмы* его реализации, меняются *субъекты* его осуществляющие.

Будучи разновидностью управленческой деятельности, правоприменение охватывает как сугубо юридические, так и организационные действия.

¹ См. об этом, например Петухов, П. А. Юрисдикционная деятельность в советском государственном управлении //Правоведение. 1980. № 5. С. 37 – 43.

2. Правоприменительная деятельность осуществляется соответствующими компетентными органами (субъектами), которые могут иметь статус органов государственной власти и должностного лица, а могут быть негосударственными (например, органы и должностные лица местного самоуправления, нотариусы уполномочены государством осуществлять применение права). Вопрос о субъектном составе правоприменительных отношений носит полемичный характер. В контексте настоящего исследования он является ключевым, поэтому в ходе изложения материала к нему не раз будем возвращаться.

3. Деятельность по применению права носит публично-властный характер. Ее основанием является одностороннее волеизъявление компетентного органа; обязательность к исполнению актов применения права, принятых к исполнению в соответствии с законом всеми лицами, которым они адресованы; обеспеченность исполнения актов применения права государственным принуждением.

Властный характер деятельности правоприменителя «привязан» к его компетенции, за рамки которой он выходить не может.

4. Правоприменительная деятельность осуществляется в специально установленных законом формах: контроля, надзора, разрешения спора о праве, наложения санкции, конкретизации.

Процедурно-процессуальные формы применения права необходимы с целью обеспечения режима законности¹. Такой вывод поддерживается многими авторами.

Как указывалось выше, правоприменительные отношения имеют материально-процессуальную правовую природу. Связующим звеном между материальными и процессуальными нормами в правоприменении как раз и

¹ См.: Дюрягин И.Я. Указ. соч. С. 12–16.

выступает правоприменительная деятельность (правоприменительный процесс)»¹.

В то же время в литературе отмечается не только обслуживающий, но и самостоятельный характер процессуальных отношений, имеющих свой предмет, цели, задачи, функции². Из этого посыла будем исходить и мы.

5. Следует отметить творческий характер правоприменительной деятельности, ее воспитательное значение. Взаимодействие с правоприменяющим субъектом, должно укреплять у личности чувство законности, справедливости и обоснованности выносимых решений. В связи с этим правоприменительная деятельность может рассматриваться как центр правового воспитания, формирования общей, правовой, нравственной культуры.

Правовая культура через применение права способствует возвышению личностных начал в праве, юридизации субъекта, формированию, накоплению и использованию им правового капитала³.

В связи с этим важнейшим является вопрос о правовой культуре правоприменяющего субъекта, который властен либо укрепить авторитет государства, либо окончательно разрушить его. Авторитет власти подрывается, в том числе и по причине несоблюдения данной властью ею же провозглашаемых законов⁴.

6. Важнейшая характеристика правоприменительной деятельности – повышенная социальная значимость и вследствие этого ответственность властного субъекта за ее отправление.

7. Итогом правоприменительной деятельности является

¹ См.: Горшенев В.М. О природе процессуального права // Правоведение. 1974. № 2. С.47-48; Теория юридического процесса / Под ред. В.М. Горшенева. Харьков, 1985. С.93.

² См., например: Шрамкова М.Н. Цели, средства и результаты процессуально-правового регулирования: общетеоретический аспект : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014.

³ См.: Кузьмина А.В. Содержание и функции правоприменительной культуры // Власть. 2011. № 4. С. 6.

⁴ См.: Лазарев В.В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1982. С. 29.

правоприменительный акт, который выносится по результатам рассмотрения конкретного дела и адресован конкретному адресату; имеет властный характер, так как функционирует на основании закона (воли государства); предписывает субъективное право и юридическую обязанность участникам спорного правоотношения; направлен на поднормативное индивидуальное регулирование общественных отношений; выступает инструментом реализации государственного принуждения, в котором переплетаются публичный и частноправовые элементы¹.

Резюмируя, можно констатировать, что применение норм права – это публично-властная, социально-значимая, ответственная деятельность компетентных субъектов по вынесению индивидуального предписания с целью реализации субъективных прав и юридических обязанностей сторон, обеспеченная в необходимых случаях принудительной силой государства.

¹См.: Кононенко Ю.А. Правоприменительная деятельность третейских судов Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. № 3 (16). С. 212–214.

ГЛАВА 2. СУБЪЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВА: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

2.1 Понятие и виды субъектов применения права

Одним из центральных элементов, интегрирующих содержание правоприменительной деятельности, является ее субъекты. Природа любого субъекта обусловлена системой общественных отношений, которыми он объективно определен. В теории права понятие субъекта права до сих пор остается малоисследованным, за исключением докторской диссертации С.И. Архипова, внесшего значительный вклад в представления о понятии «субъект права». Основные положения теории субъекта в его интерпретации касаются понимания субъекта права как правового лица; правовой воли; единого множества правовых связей, отношений; как целостной системы правовых представлений, чувств, эмоций, переживаний (индивидуальное правосознание); как высшей социально-правовой (само) ценности, определяющей в праве все иные ценности; как правового деятеля – источника всякой правовой активности, от которого исходят правовые акты, юридические действия, поступки и т.д. Многоаспектность понятия «субъект права», сведенная в единство дала автору возможность определить его как совокупность заключенных в специальную юридическую форму (в форму юридического лица или индивида) правовых качеств человека¹.

Кроме того к общим признакам субъекта права следует отнести: во-первых, признание в качестве такового в нормативно-правовых актах; во-вторых, наличие правосубъектности, в том числе таких свойств правоспособности, как внешняя обособленность, персонифицированность, а так же признака дееспособности – воледееспособности².

Наряду с понятием «субъект права» в науке употребляется выражение «субъект правоотношения». Вопрос о соотношении данных понятий является

¹ См.: Архипов С.И. Субъект права: теоретическое исследование: автореф. дис. ... д.ю.н. Екатеринбург, 2005. С 17-21.

² См. об этом Третьякова С.Б. Саморегулируемые организации как субъекты российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013.

в дореволюционной, советской и постсоветской юридической науке дискуссионным. Традиционная позиция ученых состоит в том, что указанные термины употребляются как синонимы¹.

Так, М.Н. Марченко рассматривает субъект права как лицо или организацию, за которыми государство признает способность быть носителями субъективных прав и юридических обязанностей². Кроме того, он отмечает, что в современной юридической литературе понятие «субъект права» чаще используется в качестве синонима термина «субъект правоотношений» или «участник правоотношений»³.

В тоже время есть сторонники разграничения данных понятий⁴. Их аргументы сводятся к тому, что: субъект права – вероятный участник правоотношений, реально не вступивший в них, пребывающий в статическом состоянии, а субъект правоотношения уже находится в процессе реализации своих прав и обязанностей, то есть в динамическом состоянии; они выступают адресатами разных стадий правового регулирования; субъект права, взаимодействуя с контрагентом становится субъектом правоотношения.

Например, Ц.А. Ямпольская полагала, что субъектами права являются носители прав и обязанностей, участвующие в правоотношении или могущие в нем участвовать, т.е. могущие стать участниками правоотношений⁵.

¹ См.: Кечекьян С.Ф. Правоотношение в социалистическом обществе. М., 1958; Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. Саратов, 1967. Вып. 1; Лаптев В.В. Субъекты хозяйственного права // Советское государство и право. 1975. № 4. С. 80-88; Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. М., 2006; Матузов Н.И. Теория государства и права. М., 2001.

² Марченко М.Н. Теория государства и права: Учебник. М.: Проспект, 2001. С. 591.

³ Там же. С. 591.

⁴ См., например, Братусь С.Л. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947; Петров Г.И. Советские административно-правовые отношения // Ученые записки Ленинградского юридического института им. М.И. Калинина. 1951. Вып. 6. С. 44-45. Бойцов В.Я. Система субъектов советского государственного права. Уфа, 1972. Слепнев А.В. Соотношение субъекта права и правоотношения // История государства и права. 2007. № 24. С. 38-40. Жильникова Е.В. Проблемы разграничения понятий «субъект права» и «субъект правоотношений» // Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. II. С. 74-77.

⁵ Ямпольская Ц.А. Субъекты советского административного права: Дис. ... д.ю.н. Т. 1. М., 1958. С. 112.

Р.О. Халфина считала, что понятие «субъект права» охватывает как потенциальные возможности, так и их реализацию. Кроме того, целесообразнее выделение более узкого понятия – «участник правоотношения»¹.

Различие между субъектами права и субъектами правоотношения проводил В.С. Нерсесянц. С его точки зрения субъекты (участники) правоотношения – это субъекты права, обладающие предусмотренными реализуемой нормой права правоспособностью, дееспособностью и деликтоспособностью. Субъектами права являются все адресаты права, находящиеся под действием права, признаваемые им в качестве абстрактного правового лица, возможного носителя прав и обязанностей, – свободные индивиды, хозяйственные образования, общественные и религиозные организации, отдельные государственные органы и государство в целом. В.С. Нерсесянц именует субъектов права лицами, персонами в праве².

Со спецификой предложенной дифференциации можно согласиться. Понятие субъект правоотношений шире по содержанию, субъект правоотношений является субъектом права, который по мере функционирования механизма правового регулирования трансформировался в субъект правоотношения. Иными словами любой субъект правоотношений является субъектом права, но субъект права является субъектом правоотношений лишь в потенции. Правоприменяющие субъекты вступают в механизм правового регулирования на стадии опосредованной реализации права и осуществляют свои действия именно как субъекты правоотношения.

Вышеизложенные общетеоретические представления современности о субъекте права, безусловно, применимы и могут быть использованы для анализа правоприменяющих субъектов.

Юридическая наука отдельно к исследованию правоприменяющих субъектов не обращалась. Исключение составляет кандидатская диссертация

¹ См.: Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 115 - 116.

² См.: Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: Учебник. М.: Норма, 2009. С. 509 - 510.

О.В. Литвишко¹. Такие исследования проводились в русле осмысления общих проблем правоприменения. Например, можно вспомнить в связи с этим научную полемику 1954-1955 гг. по проблемам правоприменения, развернувшуюся на страницах журнала «Советское государство и право». Обобщив позиции участников полемики относительно лиц, осуществляющих правоприменительную деятельность, П.Е. Недбайло отмечал: «Многие авторы утверждают, что только государственные органы и должностные лица применяют право. При этом некоторые из них находят, что применяют право не все государственные органы и не всегда, а лишь те и тогда, когда они выступают в качестве носителей властных полномочий»². Такая позиция была устоявшейся в науке длительное время.

Признавая за правоприменительной деятельностью государственно-властный организующий характер, советские правоведы не отделяли ее от государственной. Такая деятельность была подчиненной, зависимой от государства и предопределялась приоритетом внешнего регулирования, основанного на централизации, субординации и императивных началах.

В.Н. Карташов уже тогда наряду с субъектами правоприменительной деятельности выделял также *участников* правоприменительной практики – отдельных лиц или организации, которые в силу ряда причин способствуют субъектам в выполнении ими правоприменительных операций. Среди них – лица, возбуждавшие юридическое дело с целью реализации своих прав и обязанностей, свидетели, потерпевшие, эксперты, переводчики, третьи лица и др.³

Субъекты, осуществляя необходимые правоприменительные действия, могут вступать в различные отношения с участниками, причем,

¹ Правоприменяющие субъекты в ней представлены в традиционном ключе. (Литвишко О.В. Правоприменяющие субъекты (общетеоретическое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009)).

² См.: Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм / П.Е. Недбайло. М.: Юрид. лит-ра, 1960. С. 126.

³ См.: Карташов В.Н. Правоприменительная практика в социалистическом обществе. Ярославль, 1986. С. 7.

подчеркивается, что участники являются основными, ведущими носителями таких отношений без которых немислима правоприменительная практика¹.

Кроме того, уже в советской науке затрагивался вопрос о правоприменительной деятельности общественных организаций. Отдельные ученые-правоведы признавали, что принципиальных отличий правоприменительной деятельности негосударственных структур и государственных органов не существует (В.Я. Дюрягин, Н.И. Матузов, В.Н. Карташов). Роль негосударственных структур (органов самоуправления, разнообразных хозяйствующих субъектов, администраций предприятий, учреждений и др.) в процессах применения права обосновывал, например, В.Н. Карташев. Анализируя акты применения права, ученый акцентировал внимание на том, что их издают специальные субъекты в рамках своей компетенции². Однако дальнейшее развитие эта точка зрения в юридической науке советского периода, да и российского не получила. Практически во всех учебниках отмечается, что правоприменение – это деятельность государственных органов.

Активизация процессов становления институтов гражданского общества, децентрализация правового регулирования, перераспределение функций государства, в том числе и на уровень гражданского общества, актуализируют вопросы правоприменительной деятельности в части ее субъектного состава.

Научные изыскания последних лет демонстрируют полярные взгляды по этому вопросу. Так, Р.Р. Палеха указывает на то, что субъектами правоприменительной деятельности являются органы государственной власти, органы местного самоуправления, администрации предприятий и учреждений, должностные лица различных органов, а также, в отдельных случаях, общественные организации, действующие по поручению

¹ См.: Карташов В.Н. Правоприменительная практика в социалистическом обществе. Ярославль, 1986. С. 7.

² См.: там же. С. 8.

государства¹.

О.В. Литвишко, рассуждая в сугубо традиционном ключе, считает, что правоприменяющий субъект – лицо, реализующее управленческие функции на профессиональной основе, обладающее специальным правовым статусом, осуществляющее официальную государственно-властную деятельность, направленную на реализацию права посредством издания правоприменительных актов-документов, содержащих соответствующие его компетенции, обязательные персонафицированные правовые предписания, адресованные конкретным субъектам². Классифицируя правоприменителей в зависимости от характера государственной деятельности, он подразделяет их на руководителей и оперативных работников³.

О.Г. Сардаева, опираясь на классификацию В.Н. Карташова, причисляет к правоприменяющим субъектам органы государства, местного самоуправления, должностных лиц; лиц, участвующих в деле и заинтересованных в его исходе; а также лиц, содействующих применению права (экспертов, переводчиков и др.). Таким образом, в состав правоприменительных субъектов она включает: 1) специально уполномоченных субъектов правоприменения; 2) участников правоприменения; 3) иных независимых участников применения права⁴.

В.А. Кузьмина, указывая на необходимость персонафицировать и расширить границы современной правоприменительной субъектности, включает в их число не только традиционные органы – структуры государства, легитимные государственные служащие, выполняющие соответствующие правоприменительные функции по должности, но и юридически компетентных граждан, обладающих развитым правосознанием,

¹ См.: Палеха Р.Р. Природа правоприменения как особой формы реализации права: дис. ... канд. юрид. наук. Елец, 2006.

² См.: Литвишко О.В. Правоприменяющие субъекты (общетеоретическое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 8-9

³ Там же. С. 9.

⁴ См., например: Сардаева О.Г. Установление фактических обстоятельств дела как основа квалификации юридически значимого поведения : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 19.

структуры цивилизованного гражданского общества, не признающие актуальность государственного принуждения в правоприменительной практике и способные осуществлять двусторонние юридические партнерские отношения между заинтересованными физическими и юридическими лицами; многочисленные субъекты международного права, действующие на территории конкретного государства¹.

Крайнюю позицию в данном вопросе занимает О.В. Ядринцева, считающая, что отдельные граждане являются субъектами, применяющими право². С последним вряд ли можно согласиться. Во-первых, правоприменитель – компетентный субъект, реализующий соответствующую норму права в интересах другого лица. Во-вторых, в процессе применения права, осуществляется управленческое, организационное воздействие правоприменяющего субъекта, граждане в отношении самих себя таких функций осуществлять не могут. В-третьих, применять нормы права – это значит применять власть, а нередко – принуждение, санкции, наказание. Именно поэтому рядовые граждане не могут осуществлять правоприменительную деятельность.

Причины, обусловившие расширение круга правоприменяющих субъектов очевидны – объективные политические, экономические, культурные, социальные процессы, вызванные реформированием российской государственности и, как следствие, демократизацией политико-экономических и правовых институтов.

Включение в состав правоприменяющих субъектов граждан размывает существенные отличия правоприменения от других видов и способов реализации права. В то же время следует признать, что и узкое

¹ См.: Кузьмина А.В. О моделях восприятия правоприменительной реальности // Система права в Российской Федерации: проблемы теории и практики: Сборник научных статей. Материалы V ежегодной международной научной конференции, 19-20 апреля 2010 г. / Отв. ред. В.М. Сырых, С.А. Рубаник. М., 2011. С. 484-485.

² См. об этом: Ядринцева О.В. Индивидуально-договорное правоприменение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2006.

(традиционное) значение данного понятия не отвечает современным реалиям. Крайности, как говорится, не полезны.

В самом деле, изменения в экономической, социальной, политической и иных сферах жизнедеятельности общества свидетельствуют о том, что властный характер деятельности по применению правовых норм не всегда сопряжен с деятельностью только государственных органов. Осуществлять властные полномочия по применению норм права, могут и отдельные негосударственные органы. Например, децентрализация государственного управления привела к появлению таких субъектов, как органы местного самоуправления, которые, не являясь органами государственной власти, тем не менее, наделяются полномочиями на осуществление юридической деятельности. Налицо приоритет властных начал правоприменения над его государственной природой. В связи с этим можно заключить, что основной составляющей правоприменительной деятельности является *публично-властная деятельность лиц по реализации права*.

Сегодня государственное регулирование не может исчерпывающим образом опосредовать сложные по структуре и разнообразные по содержанию общественные отношения, формирующиеся на основе методов координации, автономии сторон. Поэтому государственное регулирование требует дополнения в форме саморегулирования, что неизбежно расширяет число правоприменяющих субъектов.

Правоприменяющие субъекты действуют исходя из *публичных* (не собственных) интересов. Именно по этой причине правоприменительная деятельность является социально-значимой для неопределенного круга лиц. Как считает Ю.А. Тихомиров, «интерес формирует правовую регуляцию, дает нормам реальную жизнь»¹. С этим высказыванием следует согласиться.

Анализируя понятие «публичный интерес», исходим из его словарного толкования как общего, общественного, социально-группового (сословного,

¹ См.: Интересы в праве: мнение молодых ученых // Журнал российского права. 2005. № 9. С. 149.

классового, коллективного)¹. Сфера «жизни» публичного интереса – такие социальные общности, как государство, общество в целом, коллектив.

Было бы ошибочным сводить публичный интерес к сугубо государственному. На это обращают внимание ученые-правоведы (М.В. Немытина, В.Ф. Яковлев и др.). Публичный интерес – прежде всего интерес общественный, который является следствием процессов социализации, выступает как интегральная совокупность, сплав наиболее значимых интересов личности².

Сопоставляя государственные и общественные интересы можно с уверенностью констатировать, что государственный интерес должен быть обусловлен общественным, в то же время не всякий общественный интерес выступает как государственный.

Субъекты правоприменения обладают специальной *правосубъектностью*, которая устанавливается нормативным правовым актом. Правосубъектность правоприменительных органов является активной и обозначается как «компетенция».

Ю.А. Тихомиров определяет компетенцию как объем публичных дел, законно возложенный на уполномоченного субъекта власти³. И.Н. Геращенко, исследуя понятие компетенции в публично-правовой сфере, указывает на ее элементы: базовые и сопутствующие. Первые включают в себя: предметы ведения, властные полномочия, соотношение с другими носителями компетенции. Вторые – цели создания и деятельности субъектов, выражающиеся в непрерывном решении возникающих задач посредством осуществления компетенции⁴.

Как верно подмечено, компетенционные нормы не являются формой закрепления каких-либо общественных отношений. Они возникают и

¹ <http://www.slovopedia.com/>

² См.: Здравомыслов А.Г. Проблема интереса в социологической теории. Л., 1964. С. 6–7.

³ См. Тихомиров Ю.А. Современное публичное право: монографический учебник. М., 2008. С. 187.

⁴ Геращенко И.Н. Корпорации как субъект публичного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.

действуют благодаря правотворческой деятельности государства, порождают правоотношения служебного характера. Учитывая, что правоприменяющий субъект реализует возложенные на него полномочия в рамках служебных правоотношений, можно предположить, что субъект правоприменения – динамично функционирующее лицо, является субъектом правоотношений и вступает в правовое регулирование на стадии реализации права.

Субъекты-носители компетенции имеют право и одновременно обязанность исходить в своих действиях из имеющихся в связи с их правовым статусом полномочий. Полномочия субъектов предписаны им правовой нормой, которая определяет юридический состав и содержание правоотношений. Исходя из этого – частноправовые и публично-правовые субъекты находятся в равном положении относительно предписания нормы права. Они должны и действуют лишь в рамках соответствующей нормы права, не выходя за ее пределы. Данный вывод дает возможность для более широкого толкования природы правоприменительных отношений, возникающих в частной и публичной сферах правового регулирования.

Правоприменяющие субъекты *несут юридическую ответственность* за законность, обоснованность принимаемых решений, их деятельность гарантирована государством, обеспечена государственным принуждением. Так, законодательством Российской Федерации установлена дисциплинарная ответственность правоприменителей за исполнение своих служебных обязанностей – прокурорских работников¹, судей².

Негосударственные правоприменяющие субъекты, несут юридическую ответственность наряду с государственными. Как отмечает Э.В. Талапина, «раздача» государственных полномочий (дерегулирование), один из лозунгов мировых административных реформ. Вместе с полномочиями государство

¹ Федеральный закон от 17.01.1992 №2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 05.10.2015) // СЗ РФ.1995, № 47, ст. 4472.

² Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (ред. от 06.04.2015, с изм. от 14.05.2015) // Российская газета. 1992. 29 июля.

распределяет и ответственность за выполнение регулирующих функций, которую несут новые субъекты регулирования»¹.

Например, нотариусы, осуществляющие частную деятельность, в соответствие с законом несут полную имущественную и дисциплинарную ответственность². Публично-правовой статус арбитражных управляющих обуславливает право законодателя предъявлять к ним специальные требования, касающиеся в том числе членства в профессиональном объединении, на которое государство также возлагает *ответственность* за обеспечение проведения процедур банкротства надлежащим образом³.

Обобщая вышеизложенное, можно определить *субъектов правоприменительной деятельности как лиц публичного и частного права, наделенных государством специальной правосубъектностью, властными полномочиями по реализации прав и законных интересов субъектов с целью достижения публичного интереса (общего блага) и вынесению акта применения права.*

К признакам таких субъектов можно отнести: учреждаются как частными лицами, так и государством т.е. имеют частно-правовую, публично-правовую и смешанную (частно-публичную) природу; наделены властными полномочиями на выполнение отдельных публичных функций; имеют специальную правосубъектность; основным интересом, который реализуют правоприменительные субъекты является публичный интерес, достижение общего блага; несут публично-правовую ответственность.

Круг субъектов правоприменительной практики многообразен, для детального изучения необходимо прибегнуть к их научной классификации, критерии которой отличаются большой вариативностью.

¹ См.: Талапина Э.В. Реформы государственного управления: сравнительно-правовой анализ // Правоведение. 2008. № 2. С. 238-253.

² Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 29.12.2014) // Российская газета. 1993. 13 март.

³ См.: Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2014) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.01.2015) // СЗ РФ. 2002, № 43, ст. 4190.

В зависимости *от места в политической организации общества* – государственные органы, и общественные организации; *по времени действия* – постоянные и временные; *по сфере действия* – федеральные, региональные и местные, локальные.

В зависимости *от количественного критерия* субъекты правоприменительной деятельности можно подразделить на: индивидуальные – должностные лица; лица, занимающие государственные должности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, гражданские служащие, муниципальные служащие, нотариус, мировой судья и др.; коллективные – органы публичной власти; организации (государственные и муниципальные предприятия и учреждения); некоммерческие организации (например, саморегулируемые организации, государственные корпорации, государственные компании).

В зависимости *от вида правового статуса* правоприменяющие субъекты могут быть государственными и негосударственными. К государственным субъектам традиционно относят органы государственной власти, должностных лиц. Негосударственные субъекты представлены органами МСУ, саморегулируемыми организациями и др. О них подробно будет идти речь в следующем параграфе.

По виду полномочий: субъекты, наделенные статусными публично-властными полномочиями (напр., должностные лица; судебные органы) и субъекты, наделенные отдельными делегированными полномочиями на осуществление правоприменительной деятельности (напр., органы местного самоуправления, саморегулируемые организации, обладающие особым статусом, в соответствии с которым они наделяются некоторыми публичными функциями государства, и соответствующей компетенцией для реализации публичных интересов).

По виду компетенции: общие и специальные. Органы общей компетенции – Правительство, специальной компетенции – прокуратура на

транспорте, саморегулируемая организация арбитражных управляющих; Государственные корпорации (например, Росатом).

По *направленности* правоприменительная деятельность может быть классифицирована на: внутриорганизационную и внешнюю. *Внутриорганизационная* – охватывает текущую деятельность, имеет властный характер и выражает публичную функцию управляющего лица (органа). В рамках данных отношений, органы управления организации (единоличный и (или) коллегиальный) призваны обеспечивать текущее руководство с целью реализации стоящих перед организацией задач.

В широком смысле, и это приходится признать, правоприменение как внутриорганизационная деятельность, свойственна всем субъектам, в том числе и негосударственным, осуществляющим функции работодателя. В то же время включение в состав правоприменяющих субъектов многочисленных юридических лиц, осуществляющих применение норм трудового законодательства при найме работников, вызывает возражения со стороны правоведов¹. В некотором смысле они оправданы, поскольку правоприменение, как уже указывалось ранее, особая деятельность компетентных субъектов, отвечающая определенным критериям, требующая профессионализма и навыков. Трудно представить, что правоприменение не так давно являющееся монополией государства, осуществляют огромное количество субъектов, имеющих иногда смутные представления о праве.

Согласно ст. 22 Трудового кодекса Российской Федерации «работодатель имеет право заключать, изменять и расторгать трудовые договоры с работниками в порядке и на условиях, которые установлены настоящим Кодексом, иными федеральными законами»². Законодательная формулировка «имеет право», указывается в литературе, дает основания

¹См.: Аверин А.В. О предопределенности правоприменения системной сущностью права // Система права в Российской Федерации: проблемы теории и практики: Сб. науч. ст. Матер. V ежегодной междунар. науч. конф. 19-22 апреля 2010 г. / отв. ред. В.М. Сырых, С.А. Рубаник. М.: РАН, 2011. С. 469.

² См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 02.04.2014)// Российская газета, № 256, 31.12.2001.

полагать, что в рамках трудовых правоотношений руководитель всего лишь использует свое право, а не применяет его. Критика связана также с тем, что его субъективное право на реализацию объективного права от имени государства, возникает у работодателя не в силу правового предписания, а вследствие уполномочивания его на это другим субъектом, что само по себе не образует правоприменения¹.

С данными выводами вряд ли можно согласиться. Во-первых, следует констатировать, что работодатель выступает от имени государства, так как юридическим основанием его полномочий является правовое предписание (закон), исходящее от государства. Во-вторых, работодатель осуществляет управленческие функции внутри организации, пользуясь своими властными полномочиями в рамках предоставленной ему компетенции.

Далее. Одним из критериев, позволяющим выявить правоприменительные полномочия субъекта является интерес. Очевидно, что непосредственная реализация права в форме использования предполагает активные действия субъекта в собственном интересе, в то время как работодатель действует в интересах иных лиц, желающих осуществлять трудовую деятельность в данной организации. Характер интереса, реализуемого работодателем – публичный, так как он осуществляется в отношении широкого круга лиц, с целью поддержания законности и правопорядка. Работодатель несет весьма серьезную ответственность за нарушение норм трудового законодательства, что повышает социальную значимость его деятельности. В-третьих, итогом применения норм права, как известно, является правоприменительный акт. В данном случае – это приказ о приеме на работу конкретного лица.

В связи с высказанными соображениями полагаем, что работодатель применяет нормы трудового законодательства, его деятельность является управленческой, внутриорганизационной. Особенно рельефно ее правоприменительный характер проявляется при реализации норм о

¹См.: Аверин А.В. Указ. соч. С. 470.

дисциплинарной ответственности. С точки зрения юридической техники конструкция анализируемой нормы не вполне удачна. Представляется уместным указать на то, что работодатель действует в пределах своих полномочий (единство прав и обязанностей), а не просто имеет право заключить, изменить или расторгнуть трудовой договор, но и обязан это сделать в случаях, указанных в законе (например, ст.93 Неполное рабочее время и т.п.). При уточнении этой позиции работодателей можно отнести к числу классических правоприменителей.

Внешняя деятельность любой организации осуществляется в плоскости горизонтальных отношений и направлена на осуществление непосредственных целей организации, ее основной деятельности.

Например, публичные услуги оказывают многочисленные кредитные организации. Для этого они вступают в отношения с органами государственной власти и местного самоуправления, юридическими и физическими лицами. Обладая профессиональными компетенциями, данные организации реализуют правовые нормы, прежде всего, в интересах других лиц (например, осуществляют валютный контроль); несут ответственность за ненадлежащее исполнение своих полномочий. Характер, объем деятельности означенных негосударственных структур детерминирован целями, задачами, функциями, закрепленными законодательно.

Резюмируя изложенное, отметим, что в условиях становления нового государственно-экономического порядка вопросы правоприменения, особенно в части субъектного состава, выходят на передний план научного осмысления.

Правоприменяющие субъекты – это лица, имеющие частно-правовую, публично-правовую, смешанную природу, наделенные специальной правосубъектностью, публично-властными полномочиями по применению норм права в отношении индивидуально-определенных лиц. Результатом правоприменительной деятельности является акт применение права, законность которого гарантирована государством, в форме юридической

ответственности, применяемой к правоприменителю.

2.2 Негосударственные субъекты правоприменительной деятельности

Как уже отмечалось ранее, Конституция Российской Федерации не запрещает передавать отдельные полномочия исполнительных органов власти негосударственным организациям, участвующим в выполнении функций публичной власти¹.

В условиях децентрализации государственного управления появились субъекты, которые имеют смешанный правовой статус (гибридные субъекты). Речь идет о так называемых государственных корпорациях, саморегулируемых организациях, которые имеют двойственную правовую природу. Они обладают признаками, свойственными как субъектам частного права, так и субъектам публичного права. На это обстоятельство обратил внимание Конституционный Суд Российской Федерации².

Остановимся на них более подробно. В юридической науке в последнее время развернулись споры вокруг так называемых юридических лиц публичного права³. По мнению Р. Книпер юридическое лицо есть не что иное как «нормативная, позитивно-правовая конструкция»⁴, что объясняет во многом закономерность перехода этого понятия частного права в публичное право⁵.

¹ Постановление Конституционного суда РФ от 19.05 1998 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства РФ о нотариате» // СЗ РФ. № 22.1998, ст. 2491.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 19 января 2005 № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 1, 2006.

³ См.: Чиркин В.Е. Юридические лица публичного права. М.: НОРМА, 2007; Тихомиров Ю.А. Современное публичное право: Учебник. М.: Эксмо, 2008; Понятие «юридические лица публичного права» применяется, например, в ст. 89 Гражданского уложения Германии, в ст. 11 ГК Италии.

⁴ Книпер Р. Закон и история. Алматы, 2005. С. 58-61.

⁵ Юридические лица публичного права: их место в гражданском праве и особенности правового регулирования // [Электронный ресурс]: сайт. URL:

Понятие «юридическое лицо публичного права» обсуждалось еще дореволюционными правоведами, так, Г.Ф. Шершеневич использовал данное понятие в своих работах и считал основным его признаком – казну¹.

Научный и практический интерес к данной конструкции сегодня вызван активным внедрением публичных функций государства во внутриорганизационные (корпоративные) отношения, связанные с регулированием, лицензированием, сертификацией, распределением бюджетных средств, а также в связи с новой Концепцией гражданского законодательства и уже внесенными в Гражданский кодекс Российской Федерации изменениями.

Так, М.И. Кулагин в своем труде «Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо» анализировал три вида юридических лиц в зарубежных странах: частного права, публичного права и «смешанные»². Специфических признаков юридического лица публичного права ученый не выделял, хотя и отмечал, что такие лица являются носителями государственной воли, публичных прав и обязанностей³.

В.Е. Чиркин называет юридическим лицом публичного права признанное публичной властью в этом качестве публично-правовое некоммерческое образование, имеющее наименование, другие идентифицирующие признаки, обладающее имуществом, имеющее права и обязанности и выступающее в правоотношениях в различных организационно-правовых формах с целью достижения общего блага путем законного применения публичной власти, сотрудничества с ней, давления на нее, несущее ответственность за свои правовые акты и действия⁴.

http://www.asv.org.ru/documents_&_analytik/analytics/methodological/ (Дата обращения: 31.05.2014 г.).

¹ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1911. С. 122.

² Кулагин М.И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо. М., 1987. С. 31-35. Цит. по: Чиркин В.Е. Юридическое лицо публичного права // Журнал российского права. 2005. № 5. С. 16-26.

³ Там же.

⁴ Чиркин В.Е. Юридическое лицо в частном и публичном праве // Законодательство и экономика. 2006. № 5. С. 11-17.

В качестве характеристик правовед отмечает, что «юридическое лицо публичного права» имеет публично-правовой статус; не всегда является организацией (к ним относятся и органы государства, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований); имеет особое целевое назначение – осуществление общественных интересов, общей воли определенного публичного коллектива населения, выражаемой, прежде всего, гражданами-избирателями; юридическое лицо публичного права – органы государства и муниципальных образований, государственные учреждения создается «сверху» в распорядительном порядке; обладает дискреционными полномочиями (в пределах закона) в отношении третьих лиц, не подчиненных этому органу или учреждению и не входящих в его состав (штат); имущество такого лица зачастую не находится в его собственности; оно не всегда имеет свой устав. В отличие от юридических лиц частного права органы государства и муниципальных образований не нуждаются в лицензировании или государственной регистрации; автономия в деятельности государственного и муниципального органа как юридического лица ограничена. Их деятельность осуществляется на началах подчиненности, в ней присутствует иерархия¹.

Вопрос о необходимости законодательного закрепления института юридического лица публичного права был одобрен на государственном уровне в Концепции развития корпоративного законодательства на период до 2008 года (одобрена Советом по конкурентоспособности и предпринимательству при Правительстве Российской Федерации 10 февраля 2006 года), где указывалось, что в российской практике существуют нетипичные формы юридических лиц, – например, Центральный банк Российской Федерации, Пенсионный фонд России, Фонд социального страхования, Фонд обязательного медицинского страхования и др. Не вписывается в общую логику законодательства о юридических лицах такая конструкция, как государственная корпорация. Назрела необходимость

¹ Чиркин В.Е. Указ. соч. С. 15.

закрепить в российском законодательстве категорию юридического лица публичного права, имеющуюся в большинстве развитых правовых порядков¹.

Данная категория, указывается в документе, должна включать юридические лица, действующие от имени публично-правовых образований (Российской Федерации, ее субъектов, муниципальных образований) и/или в публичных интересах, но не являющиеся при этом органами государственной власти или местного самоуправления. Такие субъекты смогут создаваться в различных общественно значимых целях и наделяться хотя бы в некоторой степени властными полномочиями (например, Агентство по страхованию вкладов). Данные юридические лица должны обладать целевой правоспособностью, а возможность осуществления ими предпринимательской деятельности должна быть специально оговорена соответствующим законом².

Однако позже, в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации законодатель продекларировал отказ от категории «юридическое лицо публичного права» ввиду отсутствия ее исторической обусловленности и преемственности, которая имеет место, например, в законодательствах Австрии, Германии, где, тем не менее, данное понятие имеет разное содержание³.

Подчеркнув тот факт, что государственная корпорация является не организационно-правовой формой юридического лица в смысле Гражданского кодекса Российской Федерации и гражданского права вообще, а специальным способом создания уникальных по своему правовому (частноправовому и публично-правовому) статусу субъектов права, авторы Концепции ратовали за исключение законодательной возможности создания юридических лиц в самостоятельной организационно-правовой форме

¹ Концепция развития корпоративного законодательства на период до 2008 года // Закон. 2006. № 9. С.27.

² Там же.

³ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

госкорпораций путем отмены норм Федерального закона «О некоммерческих организациях».

Действующий Гражданский кодекс Российской Федерации реализовал в своих нормах «половинчатый» подход к формализации статуса нетипичных юридических лиц, выполняющих публичные функции, закрепив в п. 3 ст. 50 публично-правовые компании как организационно-правовую форму некоммерческого юридического лица, не раскрывая их статус более подробно, поскольку в дальнейшем предполагается принятие специального Федерального закона «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации».

Очевидно, что под видом публично-правовых компаний усматриваются попытки сохранения государственных корпораций и государственных компаний, правовой статус которых сегодня определен специальными законами и ст. 7.1 и 7.2 ФЗ «О некоммерческих организациях» и практически выведен из под действия общих норм Гражданского кодекса Российской Федерации о юридических лицах. Хотя критика данной ситуации содержалась в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, п.6 ст. 3 ФЗ от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ сохранил ее в неизменном виде.

В научной литературе точка зрения об отсутствии конституционных оснований для формализации конструкции «юридическое лицо публичного права» находит подтверждение. Одновременно обращается внимание на тот факт, что создание индивидуальных законодательных актов в отношении отдельных юридических лиц, создающих уникальные правовые статусы, приводит к возникновению практически неконтролируемой органами государства деятельности, коррупции, неэффективного использования средств, умаление принципа равенства участников гражданского оборота.

Поэтому для этих «уникальных» субъектов необходимо создать единую «правовую матрицу»¹.

Данное противоречие возможно решить лишь путем унификации правил игры в отношении «штучных» юридических лиц, участвующих в современном экономическом обороте России. Это возможно лишь путем законодательного оформления конструкции «публичное юридическое лицо», как организационно-правовой формы участия в имущественном обороте субъектов, создаваемых по инициативе государства. Как верно подмечено, единые правила их участия в гражданском обороте должны быть урегулированы единым нормативным правовым актом, особенности же, которые касаются их публичной правосубъектности, могут определяться специальными актами².

Пока ученые и практики спорят о целесообразности конструкции юридического лица публичного права, формы некоторых из них, как уже упоминалось, законодательно закреплены. Речь идет о государственной корпорации³, статус которой используется при необходимости ограничения имущественных рисков при участии государства в гражданском обороте, в том случае, когда государство и иные публичные образования участвуют в тех или иных правовых отношениях (например, Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)⁴, Государственная

¹ Вайпан В.А. К вопросу о юридических лицах публичного права // Право и экономика. 2011. № 3. С. 4-6.

² См.: Рудакова В.Д. О путях реализации теории публичного юридического лица в российском законодательстве // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 1. С. 46.

³ Основные признаки правового статуса государственных корпораций регламентированы Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (ст. 7.1), а также федеральными законами об их учреждении.

⁴ Федеральный закон от 17 мая 2007 г. № 82-ФЗ «О банке развития» (ред. от 21.07.2014) // СЗ РФ. 2007, № 22, ст. 2562.

корпорацию по атомной энергии «Росатом»¹, Российская корпорация нанотехнологий и др.²).

В Федеральном законе «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»»³ законодатель указал в ст. 2 Закона, что корпорация «Росатом» «уполномоченный орган управления», «наделенный полномочиями от имени Российской Федерации осуществлять государственное управление использованием атомной энергии в соответствии с гл. IV Федерального закона от 21.11.1995 № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии», государство тем самым включило Росатом в систему государственного управления, передав властные полномочия некоммерческой организации, которой по своим видовым характеристикам является «Росатом». К такому выводу приводит содержание ст. 4 Закона о «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»», выделяющей цели деятельности корпорации: проведение государственной политики, осуществление нормативно-правового регулирования, оказание государственных услуг, управление государственным имуществом в соответствующей области.

Федеральный закон «О Банке развития» регламентирует правовой статус государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)». Согласно ч. 3 ст. 3 Закона, фиксирующей цели деятельности и функции Внешэкономбанка, данная госкорпорация осуществляет в том числе и правоприменительные функции, например, в части валютного контроля, контроля за соблюдением юридическими лицами требований, предусмотренных условиями проектов, реализуемых с участием

¹ Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» (ред. от 04.06.2014) // СЗ РФ. 2007. № 49. ст. 6078.

² Федеральный закон от 19.07.2007 № 139-ФЗ «О Российской корпорации нанотехнологий» (ред. от 31.05.2010) // СЗ РФ. 2007, №30, ст. 3753.

³ Федеральный закон от 01.12.2007 № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии "Росатом"» (ред. от 31.12.2014) // СЗ РФ. 2007, № 49, ст. 6078.

Внешэкономбанка и др.¹. Вместе с тем в Законе прямо не указано на статус Внешэкономбанка как субъекта государственного управления, нет положений о передаче ему государственных полномочий, хотя цели и функции его деятельности в целом на это указывают.

Анализ законодательного регулирования деятельности государственных корпораций приводит к выводу, что корпорация – субъект, учреждение и развитие которого обусловлено задачами и целями государства по урегулированию экономических отношений на конкретном историческом этапе.

Верно подмечено, что преждевременно отказываться от такой организационной формы юридического лица, как корпорация. В то же время с целью противодействия коррупции и иным злоупотреблениям в экономической сфере необходимо ужесточить требования, предъявляемые к созданию и деятельности государственных корпораций; ввести дополнительные критерии обоснованности передачи им дополнительных активов, полномочий, функций; усилить антимонопольное регулирование и контроль.

Другой разновидностью негосударственных субъектов, создаваемых субъектами частного права – гражданами, принадлежащими к определенному виду профессии, а также юридическими лицами, осуществляющими определенный вид деятельности, наделенные со стороны государства публично-властными полномочиями выступают, например, нотариальные и адвокатские палаты, саморегулируемые организации арбитражных управляющих, независимых оценщиков и др.

Анализируя статус саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, Конституционный суд Российской Федерации развил собственную позицию о делегировании государственно-властных полномочий в Постановлении от 09.12.2005 № 12-П «По делу о проверке

¹ См.: Федеральный закон от 17.05.2007 № 82-ФЗ «О банке развития» (ред. от 21.07.2014) // СЗ РФ.2007. № 22, ст. 2562.

конституционности абзаца восьмого п. 1 ст. 20 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева»¹.

Рассматривая саморегулируемые организации через призму субъекта государственного управления, Конституционный Суд Российской Федерации выделил их важные признаки: во-первых, закрепление статуса СРО – это усмотрение государства; во-вторых, данные организации имеют публично-правовой статус и обладают публичными полномочиями: нормотворческими, исполнительно-распорядительными, контрольными; в-третьих, создание СРО в том числе преследует цель – вовлечение граждан в управление делами государства на началах самоорганизации, самоуправления и саморегулирования (ст. 32 Конституции Российской Федерации); в-четвертых, Судом обращается внимание на двойственную правовую природу СРО арбитражных управляющих: «с одной стороны, это некоммерческие организации, и регистрируются они в порядке, предусмотренном ст. 3 Федерального закона «О некоммерческих организациях»², с другой стороны – с даты включения в единый государственный реестр саморегулируемых организаций арбитражных управляющих они приобретают особый публично-правовой статус саморегулируемой организации арбитражных управляющих (п. 1 ст. 21 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”»³.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации характеризует данный субъект права в некоторой мере взаимоисключающими свойствами: автономностью, публично-правовым предназначением, двойственностью правового статуса и др.⁴.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 N 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева» // СЗ РФ. 2006. № 3, ст. 335.

² Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (ред. от 24.11.2014) // СЗ РФ. 2007, № 49, ст. 6076.

³ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности банкротстве» (ред. от 29.12.2014, с изм. и доп., вступ. в силу с 29.01.2015) // СЗ РФ. 2002. № 43, ст. 4190.

⁴ См.: Романовская О.В. Указ, соч.

Согласно ФЗ «О саморегулируемых организациях» саморегулирование представляет собой самостоятельную и инициативную деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности и содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности, а также контроль за соблюдением требований указанных стандартов и правил (п. 1 ст. 2 ФЗ). При этом объем государственного регулирования снижается, но его значимость не умаляется: государственное регулирование сегодня опосредует наиболее важные, стратегические общественные отношения, затрагивающие публичные интересы.

В условиях саморегулирования организациям передается «публичная функция, ранее осуществлявшаяся государством»¹. Как справедливо считает О.В. Романовская, государство тем самым вовлекает граждан в процесс упорядочивания общественных отношений, наполняя их статус активным элементом. На СРО государство, таким образом, перекладывает часть своих публично-правовых функций².

В. С. Плескачевский считает саморегулируемые организации детищем «административной реформы» и указывает, что «во всем мире значительная часть контрольных и правоустанавливающих функций лежит именно на них»³.

Похожее мнение высказывает Е.А. Павлодский, указывающий, что юридическое лицо может быть отнесено к саморегулируемым организациям в том случае, если к нему переходят полномочия по осуществлению государственного управления⁴. Солидарную позицию высказывают

¹ Денисов С.А. Саморегулирование или самоорганизация // Гражданское право современной России / Сост. О.М. Козырь и А.Л. Маковский. С. 35-36.

² См.: Романовская О.В. Проблемы делегирования государственно-властных полномочий субъектам частного права: современная доктрина и практика // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 149.

³ Плескачевский В.С. Все СРОчно в бизнес // Законы России. 2009. № 2. С. 7.

⁴ См.: Павлодский Е.А. Саморегулируемые организации: мода или тенденции // Право и экономика. 2003. № 3. С. 46-47.

И.В. Перегудов и Ю.В. Тай¹. Юридическая практика, а именно практика Конституционного Суда Российской Федерации подтверждает данные выводы².

На двойственную правовую природу саморегулируемых организаций арбитражных управляющих указал Конституционный Суд Российской Федерации³: с одной стороны, это некоммерческие организации, регистрируемые в порядке, предусмотренном ст. 3 Федерального закона «О некоммерческих организациях», с другой – с даты включения в единый государственный реестр саморегулируемых организаций арбитражных управляющих они приобретают особый публично-правовой статус (п. 1 ст. 21 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»); контролирует профессиональную деятельность членов саморегулируемой организации в части соблюдения требований законодательства, федеральных стандартов, стандартов и правил профессиональной деятельности; рассматривает жалобы на действия члена саморегулируемой организации, исполняющего обязанности арбитражного управляющего в деле о банкротстве; применяет меры дисциплинарного воздействия, предусмотренные Федеральным законом и внутренними документами саморегулируемой организации, в отношении своих членов, в том числе исключение из членов саморегулируемой организации.

Саморегулируемые организации: создаются по инициативе частноправовых субъектов, осуществляющих ту или иную профессиональную или предпринимательскую деятельность; имеют форму юридического лица (некоммерческой организации), обладают обособленным

¹ См.: Перегудов И.В., Тай Ю.В. Саморегулируемые организации арбитражных управляющих // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2003. № 7. С. 133-135.

² Лабутин С.Ю. Саморегулирование как альтернатива лицензированию (эффективные формы регулирования строительной отрасли) // Законодательство. 2008. № 3. С. 35.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 января 2005 № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 1, 2006.

имуществом; наделяются законом имущественными правами и обязанностями, являются участниками частноправовых (имущественных) отношений; отвечают своим имуществом по обязательствам (за исключением средств компенсационного фонда и иных случаев, установленных законодательством), выступают истцами и ответчиками в суде, несут административную и имущественную (гражданско-правовую) ответственность.

Как субъекты публичного права саморегулируемые организации: имеют государственные полномочия (по разработке стандартов и правил и иных регуляторов профессиональной и предпринимательской деятельности, а так же государственных полномочий по контролю над их соблюдением и др. (входят в состав компетенции)); регистрируются в реестре саморегулируемых организаций; несут позитивную и негативную ответственность (административную); имеют специализированные органы, осуществляющих контрольные полномочия саморегулируемой организации и рассматривающие дела о применении в отношении членов саморегулируемой организации мер дисциплинарного воздействия.

Интересы и цели, лежащие в основе создания и деятельности саморегулируемых организаций, определяют содержание их правосубъектности. Исследуя ее составляющие элементы: правоспособность и дееспособность, деликтоспособность можно сделать вывод об особых качествах правосубъектности саморегулируемых организаций.

Во-первых, правосубъектность саморегулируемых организаций является специальной, обусловленной целями их создания и частно-публичным характером деятельности, которая состоит с одной стороны в упорядочивании общественных отношений в сфере осуществления профессиональной и предпринимательской деятельности; а с другой – в создании лучших условий для реализации осуществления профессиональной и предпринимательской деятельности.

Во-вторых, комплексный характер правосубъектности обусловлен

присутствием в ее составе субъективных прав и юридических обязанностей присущих как гражданско-правовой правосубъектности (имущественные права и обязанности, осуществляемые в рамках диспозитивных отношений); так и публичной правосубъектности (напр., властные полномочия по разработке и утверждению стандартов и правил предпринимательской и профессиональной деятельности и иных регуляторов; реализации контролирующей функции; применению мер дисциплинарного воздействия в отношении своих членов и др.), реализуемых в плоскости императивных отношений).

В-третьих, обособленность как специфическое качество правоспособности (имеется в виду имущественная обособленность, присущая в первую очередь лицам частного права), наличие идентифицирующих признаков (наименования), организационное единство.

В-четвертых, волепоспособность, как свойство дееспособности, выражающееся, например, в создании саморегулируемой организации ее членами, а не государством, что свойственно для субъектов частного права, в реализации органами управления функций контроля и привлечения к дисциплинарной ответственности.

В-пятых, особый порядок возникновения правосубъектности путем регистрации, получения специального разрешения, аккредитации.

В литературе дается определение саморегулируемой организации – как лица, созданного по инициативе субъектов частного права в установленном нормами права специальном порядке, наделенного комплексной правосубъектностью, а так же компетенцией, реализуемой посредством частноправовых и императивных публично-правовых отношений, в целях удовлетворения публичного и сбалансированного с ним частного (корпоративного) интересов¹.

¹ См.: Третьякова С.Б. Саморегулируемые организации как субъекты российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013. С 7.

Проводя научную классификацию саморегулируемых организаций возможно исходить из следующих критериев: *момент возникновения правосубъектности* (организации созданные с момента регистрации в реестре, организации созданные с момента получения разрешения и др.); *организационно-правовую форму некоммерческих организаций* (некоммерческие партнерства, ассоциации (союзы), общественные организации (объединений)); *субъектный состав* (СРО субъектов профессиональной деятельности, СРО субъектов предпринимательской деятельности, смешанные СРО) и др.¹.

Адвокатская палата, согласно ст. 29 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» является негосударственной некоммерческой организацией, основанной на *обязательном* членстве адвокатов одного субъекта Российской Федерации, создается, в частности, в целях представительства и защиты интересов адвокатов в органах государственной власти, органах местного самоуправления, общественных объединениях и иных организациях, контроля за профессиональной подготовкой лиц, допускаемых к осуществлению адвокатской деятельности, и соблюдением адвокатами кодекса профессиональной этики адвоката (п.4 ст. 29).

Саморегулирование как часть негосударственного регулирования обладает следующими признаками:

– имеет поднормативный характер, т.е. осуществляется дополнительно к государственному регулированию, задающему общие параметры правового воздействия; опосредует общественные отношения, неурегулированные либо недостаточно урегулированные нормами действующего законодательства;

– саморегулирование имеет «собственное» волевое содержание и автономное поле регулирующего воздействия, что подчеркивает самостоятельный характер по отношению к государству;

¹ См.: Третьякова С.Б. Указ. соч.

– саморегулирование основано на взаимосогласовании тех или иных аспектов упорядочиваемых общественных отношений непосредственно их участниками;

– в рамках саморегулирования формируются права и обязанности для лиц – субъектов саморегулируемых организаций, для тех, кто не включен в процесс саморегулирования, могут создаваться только субъективные права;

– субъекты саморегулирования обладают правотворческими полномочиями в пределах нормативного регулирования¹.

Внешний характер имеет правоприменительная деятельность частнопрактикующего нотариуса, который также выступает от имени государства, осуществляет публичные функции, несет юридическую ответственность. Так, в Постановлении Конституционного суда Российской Федерации от 19.05 1998 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» регламентировано, что нотариальные палаты выполняют публично-правовое предназначение, а это, в свою очередь, предопределяет особый статус организации и вид юридического лица, отличный от общественного объединения.

Например, нотариус применяет нормы материального и процессуального права в случае совершения исполнительных надписей на документах, устанавливающих задолженность. При совершении нотариальных действий нотариусу предоставлены полномочия по санкционированию принудительного осуществления нарушенных прав. Акт, создаваемый нотариусом, имеет природу правоприменительного акта, приобретает силу исполнительного документа в рамках исполнительного производства.

В контексте исследования правоприменительной деятельности

¹ См.: Лескова Ю.Г. Саморегулирование как негосударственное правовое регулирование // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. I. С. 132-137.

негосударственных субъектов особого внимания заслуживает практика функционирования третейского суда, к которому все чаще обращаются участники современного гражданского оборота¹. Данные субъекты разрешают споры о оправе в рамках процедур, обеспечивающих упрощенное, экономичное, доступное и оперативное производство по гражданским делам, полную реализацию механизма мирного досудебного урегулирования споров.

Анализ законодательства о третейских судах позволяет прийти к выводу, что их деятельность вполне обоснованно может быть квалифицирована как правоприменительная. В качестве обоснования представим следующие аргументы: во-первых, третейский суд на основании закона и соглашения сторон наделен компетенцией по разрешению определенных правовых споров (ст. 17 «Компетенция третейского суда»). Третейский судья – физическое лицо, избранное сторонами или назначенное в согласованном сторонами порядке для разрешения спора в третейском суде. Федеральный закон «О третейских судах в Российской Федерации» предъявляет к третейскому судье определенные требования (ст. 8). Основными из них в контексте рассматриваемой проблемы являются наличие высшего юридического образования, что говорит о профессиональной основе исполнения обязанностей третейским судьей. Важно также то, что третейским судьей не может быть физическое лицо, полномочия которого в качестве судьи суда общей юрисдикции или арбитражного суда, адвоката, нотариуса, следователя, прокурора или другого работника правоохранительных органов были прекращены в установленном законом порядке за совершение проступков, не совместимых с его профессиональной деятельностью. Данное требование ставит третейского

¹По данным ВЦИОМ уровень доверия представителей российского юридического сообщества и участников разбирательств к третейскому институту составляет 6,3 балла из десяти возможных. Институт третейского разбирательства в России: мнение юридического сообщества. Сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) . Пресс-выпуск № 2409 . / [Электронный ресурс] . – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114500>.

судью на уровень вышеперечисленных компетентных правоприменителей, к которым российским законодательством предъявляются повышенные требования (к образованию, ответственности и т.д.).

В-вторых, можно отметить процессуальную форму деятельности третейского суда. Третейский суд разрешает споры о праве, руководствуясь законодательством Российской Федерации, правилами международных договоров, договором сторон между собой. Кроме того, нормативным основанием его деятельности является Закон о третейских судах, локальные акты постоянно действующих третейских судов. Несоблюдение указанных правовых предписаний неизбежно влечет незаконность принятого судом решения и является основанием для его отмены компетентным судом или отказа в выдаче исполнительного листа (п. 3 ст. 421 ГПК РФ, п. 4 ст. 233 АПК РФ) на принудительное исполнение решения третейского суда (п. 3 ст. 426 ГПК РФ, п. 4 ст. 239 АПК РФ). Таким образом, действуя на основании закона в широком смысле и соглашения сторон, третейский суд выполняет важную публично-государственную задачу – разрешает спор о праве, исследует, оценивает доказательства, выносит решение и тем самым упорядочивает общественные отношения¹.

В-третьих, третейские суды разрешают споры о праве. Согласно законодательству Российской Федерации третейские суды вправе рассматривать любые гражданско-правовые споры (прямо не запрещённые законом, например, дела о банкротстве), в том числе споры, возникающие при заключении и исполнении торговых сделок с участием иностранных лиц. Стороны, между которыми возник спор, вытекающий из гражданских правоотношений, могут обратиться в один из созданных третейских судов, подав исковое заявление.

Следует согласиться с мнением о том, что различия между гражданским, арбитражным и третейским процессами не являются принципиальными, их

¹ См.: Курочкин С.А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. М.: Волтерс Клувер. 2007. С. 181.

объединяет правоприменительная природа и субъектный состав участников спора¹.

Традиционно в науке юрисдикция толкуется через призму деятельности компетентных (уполномоченных на основании федеральных законов) органов по рассмотрению правовых вопросов и вынесению юридически обязательных решений². Разрешая споры о праве, третейские суды осуществляют властную правоприменительную деятельность, которая направлена на реализацию норм материального права в рамках охранительных правоотношений. Именно поэтому деятельность третейского суда по разрешению юридических дел считается юрисдикционной.

Многие ученые не без оснований считают деятельность третейских судов разновидностью правосудия, даже несмотря на то, что традиционно правосудие трактуется как специфическая форма осуществления властных полномочий, которая реализуется сугубо органами судебной власти, завершается принятием судебных решений, обязательных для исполнения всеми лицами, в отношении которых они выносятся³,

По авторитетному мнению Е.А. Суханова, третейский суд также как и государственный суд общей юрисдикции представляет собой орган судебной защиты гражданских прав, и в этом смысле реализует правосудие, а не оказывает сторонам «юридические услуги» и тем более не ведет «предпринимательскую деятельность» в смысле абз. 3 п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации и налогового законодательства.

Отсутствие упоминания о третейских судах в действующем законодательстве о судеустройстве может быть объяснено лишь тем, что они не являются государственными и не входят в судебную систему (иерархию

¹См.: Курочкин С.А. Дискуссия о частном процессуальном праве // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 1. С. 40.

²См.: Скворцов О.Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: Проблемы. Тенденции. Перспективы. С.198.

³См.: Дмитриев Ю.А., Черемных Г.Г. Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека // Государство и право. 1997. № 8. С.48

государственных судов)¹.

Полномочия по рассмотрению и разрешению спора третейские суды получают от государства (через законодательную регламентацию их деятельности) и от сторон спорного материального правоотношения (через заключение арбитражного соглашения). Нормами законодательства государство делегирует третейским судам часть своих полномочий по осуществлению правоприменительной деятельности в сфере разрешения споров, возникающих из гражданских правоотношений, а также задает границы и минимальные стандарты, при соблюдении которых выносимые акты будут признаваться наравне с правоприменительными актами других органов².

Третейские суды, как уже отмечалось, не входят в судебную систему Российской Федерации. Однако осуществление третейскими судами своей деятельности невозможно без взаимодействия с государственными судами. С целью определения четкой процессуально-правовой взаимосвязи третейских судов с государственными судебными инстанциями Закон вводит понятие «компетентный суд», именно в него подлежат направлению копии документов. В компетентный суд следует обращаться с целью принятия обеспечительных мер, рассмотрения вопроса об оспаривании решения третейского суда, получения исполнительного листа на принудительное исполнение решения, вынесенного в результате третейского разбирательства, и т. д.

Несмотря на близость систем третейского судопроизводства и государственных судов, третейское разбирательство все-таки базируется на несколько иных принципах (например, закрытость, конфиденциальность третейского разбирательства).

¹См.: Суханов Е.А. Третейские суды в системе торгово-промышленных палат: состояние дел и перспективы развития // Хозяйство и право. 2003. № 1. С.73.

²См.: Курочкин С.А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: Теория и практика. Волтерс Клувер. М., 2007. С.36.

Принцип конфиденциальности выступает институциональным принципом третейского разбирательства. С одной стороны, рассматриваемый принцип проявляется в отсутствии публичности процедуры рассмотрения дела в третейском суде, а также в том, что вынесение и оглашение им решения осуществляются только в присутствии сторон. С другой стороны, названный принцип находит выражение в обеспечении тайны сведений, выявленных сторонами в процессе разбирательства дела¹. Поэтому согласно ст.22 Закона третейский суд не может ни самостоятельно без согласия сторон разглашать сведения, ставшие ему известными в ходе третейского разбирательства, ни принудительно быть допрошен в качестве свидетеля о таких сведениях.

К сожалению, закон обходит молчанием аспект последствий неисполнения третейскими судьями обязанности по неразглашению информации. Учитывая противоправный характер раскрытия третейскими судьями информации без согласия сторон и возможность наступления отрицательных имущественных и репутационных последствий судейского неправомерного поведения, весьма оправданной представляется позиция Кашиной М.Е., согласно которой отсутствие санкций в Законе «О третейских судах в Российской Федерации» не мешает сторонам прибегнуть к защите своих прав с использованием гражданско-правовых конструкций возмещения убытков и компенсации нематериального вреда². Ст. 8 Закона раскрывает основные требования, предъявляемые к третейскому судье. Одно из обязательных условий для осуществления функций третейского судьи связано с отсутствием у лица судимости или привлечения к уголовной ответственности. Закон позволяет согласовать сторонам или определить правилами третейского разбирательства дополнительные требования, предъявляемые к квалификации третейского судьи. Например, не лишним

¹См.: например, Дегтярев С.Л. Емалтынов А.Р. Действие принципа конфиденциальности на различных этапах третейского разбирательства// Российский судья.2007. № 4. С.14.

²См.: Кашина М.Е. Конфиденциальность как принцип и специфическая черта третейского разбирательства // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. №6. С.38.

будет выглядеть требование о наличии у третейского судьи определенного стажа работы по юридической профессии, необходимого для разрешения сложных вопросов права и правильного толкования нормативно-правовых актов.¹

Правила третейского разбирательства устанавливаются в формализованных правилах постоянно действующего третейского суда (уставах, положениях, регламентах). При этом согласно ст. 19 Федерального Закона «О третейских судах в Российской Федерации», правила третейского разбирательства, согласованные сторонами, не могут противоречить обязательным положениям Закона. Ст.6 Закона определяет систему источников права, на основе которых третейский суд разрешает споры. Вопрос об отнесении Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации к таковым остается дискуссионным, однако, их использование оказывает третейскому суду помощь в вопросах толкования и применения норм права.

В законодательстве Российской Федерации отсутствуют нормы, предусматривающие ограничения компетенции третейских судов, связанные с субъектным составом спорящих сторон. Это подтверждается и уже сложившейся арбитражной практикой. Например, третейские суды рассматривали споры с участием органов власти субъектов Российской Федерации и органов муниципальных образований².

Подведомственность дел третейскому суду определяется в Законе широко. Так, в п.2 ст.1 Закона «О третейских судах в Российской Федерации» закреплено, что в третейский суд может по соглашению сторон третейского разбирательства передаваться любой спор, вытекающий из

¹ См.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону "О третейских судах в Российской Федерации" с обзором судебно-арбитражной практики (постатейный) / Р.С. Бевзенко, С.Б. Зайнуллин, О.Н. Курскова и др.; под ред. А.Н. Лысенко, А.А. Хорошева. М.: Деловой двор, 2011. С.94.

² См.: Постановления ФАС: Западно-Сибирского округа от 27 апреля 2006г. по делу № Ф04-1643/2006(21748-А46-12); Московского округа от 29 июня 2007г. № КГ-А40/5932-07 по делу № А40-10852/07-30-78; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 9 декабря 2009 г. по делу № А53-18946/2009 // Справочная система Консультант Плюс.

гражданских правоотношений, если иное не установлено федеральным законом.

В-четвертых, итогом третейского разбирательства является решение третейского суда, выполнение которого для сторон является обязательным (ст. 31 ФЗ, ст. 38 Регламента Третейского суда для разрешения экономических споров при торгово-промышленной палате Российской Федерации¹), а в случае не исполнения решения сторонами в добровольном порядке, оно подлежит принудительному исполнению по правилам исполнительного производства (ст. 45 ФЗ). Решению третейского суда присущи общие для актов применения права черты: оно выносится по результатам рассмотрения конкретного дела и адресовано конкретному субъекту; имеет властный характер, так как выражает волю третейского суда как особого социального образования (органа), функционирующего на основании закона (воли государства) и соглашения сторон; предписывает субъективное право и юридическую обязанность участникам спорного правоотношения; является средством реализации государственного принуждения; должно соответствовать требованиям закона, соглашения сторон, регламенту деятельности третейского суда².

Таким образом, есть все основания считать решение третейского суда правоприменительным актом, который выносится третейским судом по результатам рассмотрения дела, разрешает дело по существу и воплощает индивидуально-властное веление в отношении сторон. Решение третейского суда, как и решение государственного суда, должно отвечать принципу законности.

Что касается вопросов ответственности судей третейского суда, то данный вопрос в отношении названных субъектов не решен, что вызывает

¹См.: Регламент третейского суда для разрешения экономических споров при торгово-промышленной палате Российской Федерации. Утв. Приказом Торгово-промышленной палаты РФ от 22 июня 2006 года № 48.

²См.: Кононенко Ю.А. Правоприменительная деятельность третейских судов Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. № 3 (16). С. 212–214.

дискуссию, как в юридической науке, так и на практике. Действительно, одним из важнейших признаков правоприменительной деятельности является вопрос об ответственности за ненадлежащее правоприменительное решение. В связи с этим отсутствие норм об ответственности третейского судьи можно считать пробелом действующего законодательства о третейских судах, который должен быть устранен посредством введения, например обязательного страхования ответственности судей. В Послании Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. В.В. Путин, поручил «в короткие сроки разработать и внести в Госдуму законопроект о кардинальном совершенствовании третейского судопроизводства»¹.

В литературе имеются интересные исследования правоохранительной деятельности негосударственных субъектов². В последнее время активизировался процесс формирования негосударственной составляющей правоохранительной системы появлением новых форм, таких как казачество, частные охранные и детективные предприятия, службы безопасности предприятий и др.), наряду с существовавшими ранее добровольными народными дружинами, внештатные сотрудники милиции и др.

Характеризуя субъектов правоохраны, В.Б. Белорусов отмечает, что в качестве субъектов негосударственной правоохранительной системы выступают граждане и создаваемые ими организации, контролируемые государством и нацеленные на защиту и охрану в пределах данной им компетенции жизни, здоровья, прав и свобод граждан, юридических лиц.

Для отнесения того или иного субъекта к числу правоохранительных необходимо выполнение в конкретной ситуации правоохранительных функций, от имени государства, в его интересах и под его защитой, т.е. имеющих публичное выражение и значение.

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2013 "Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию"// "Российская газета", N 282, 13.12.2013.

² См.: Белорусов В.Б. Административно-правовой статус негосударственных субъектов правоохранительной деятельности в Российской Федерации : автореф. дис. д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 7

В науке выделено три группы субъектов, критериями классификации является их принадлежность к той или иной организационно-правовой форме, исходя из коллективной и индивидуальной ее составляющей: индивидуальные субъекты (частные детективные и охранные предприятия, служба безопасности предприятий, третейский суд); коллективные субъекты (общественные формирования граждан добровольные народные (пожарные) дружины, казачьи объединения, общественные пункты охраны порядка, уличные, сельские, квартальные, домовые комитеты; советы профилактики и др.); смешанные субъекты (субъекты выполняющие правоохранительные функции как индивидуально, так и совместно с государственными правоохранительными органами): внештатные сотрудники правоохранительных органов; частные детективы, граждане, сотрудничающие с органами на конфиденциальной основе; патентные поверенные, частные нотариусы¹.

Особую группу составляют субъекты, наделенные государством юрисдикционными полномочиями по рассмотрению дел об административных правонарушениях – административные комиссии; комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав².

Соглашаясь в целом с высказанной точкой зрения о возможности выделения негосударственной правоохранительной деятельности и ее субъектов, все-таки полагаем, что необходимо уточнить, что граждане вряд ли являются ее субъектами. Скорее речь необходимо вести об индивидуальных субъектах такой деятельности, наделенных специальным статусом, компетенцией по реализации правоохранительной деятельности.

Вместе с тем, Конституционный суд Российской Федерации не определил специфику, отдельные нюансы передачи определенных властных

¹ Белорусов В.Б. Административно-правовой статус негосударственных субъектов правоохранительной деятельности в Российской Федерации : автореф. дис. д-ра юрид. наук. М., 2005.

² Там же.

полномочий негосударственным субъектам, объем и вид полномочий, которые могут быть переданы.

Очевидно, что, передавая государственно-властные полномочия, необходимо сформировать механизмы контроля и ответственности субъектов, обладающих данными делегированными полномочиями. В противном случае процесс делегирования полномочий противоречит Конституции Российской Федерации и не отвечает положениям доктрины правового государства.

В сфере уголовно-правового регулирования, законодатель предпринял успешную, на наш взгляд, попытку расширения понятия должностного лица, используемого в прим. 1 к ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации, распространив его на представителей государственных корпораций¹. Представляется целесообразным охватить понятием должностного лица и представителей нотариальной, адвокатской палаты, саморегулируемых организаций.

Таким образом, назрела необходимость формирования целостной концепции делегирования публично-властных полномочий. Закон должен однозначно регламентировать: в каких случаях и на каких условиях возможна передача полномочий негосударственным субъектам, в каких формах и объемах она может быть осуществлена. «Передача функций государства другим структурам есть вопрос конституционный, затрагивающий интересы всего нашего общества. И решать его необходимо, во-первых, на основании закона и посредством закона, во-вторых, с максимальной открытостью, учитывая мнение всех заинтересованных сторон, и, в-третьих, при передаче публичных функций государство должно сохранить за собой осуществление контроля за исполнением переданных

¹ См.: Ст. 8, Федеральный закон от 01.12.2007 г. № 318-ФЗ(ред. от 29.12.2012) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» // «Российская газета», №272, 05.12.2007.

функций, чтобы в случае ущерба общественным интересам принять адекватные меры», – подчеркивают С.Е. Нарышкин и Т.Я. Хабриева¹.

Важно также отметить, что передача публично-властных полномочий – должна осуществляться в исключительных случаях.

Правовой статус субъекта частного права приобретает при этом элементы публичности и во многом становится схожим со статусом органа государственной власти. Следует согласиться с тем, что компетенция такого субъекта должна отвечать принципу: дозволено только то, что прямо разрешено законом; реализация государственных полномочий – обязанность субъекта, невыполнение которой является противоправным деянием. Субъект публичной власти не может по своему личному усмотрению отказаться от выполнения возложенных на него функций. Государство при этом должно разделять бремя обеспечения деятельности при выполнении государственных полномочий².

Обобщая изложенное, отметим, что в условиях активного формирования институтов гражданского общества, децентрализации государственного управления, государство наделяет публичными функциями негосударственных субъектов – нотариусов, третейские суды, нотариальные, адвокатские палаты, саморегулируемые организации арбитражных управляющих и др., поручая им, в том числе, выполнение правоприменительной деятельности в отдельных сферах общественных отношений. Характер их правоприменительной деятельности различен по объему, направленности, степени императивности и т.д. В то же время указанные субъекты наделяются государственными функциями и в их деятельности в той или иной мере отражаются традиционно сложившиеся в науке признаки правоприменительной деятельности: направленность на

¹ См.: Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я. Административная реформа в России: некоторые итоги и задачи юридической науки // Журнал российского права. 2006. № 11. С. 11–18.

² См.: Романовская О.Б. Проблема делегирования государственно-властных полномочий субъектам частного права: современная практика и доктрина // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 148.

реализацию чужих интересов; принудительный характер; процессуальная форма; наличие юридической ответственности в случае ненадлежащего правоприменения; наличие официального правоприменительного акта как итога правоприменительной деятельности.

ГЛАВА 3. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПУТИ ЕЕ ПОВЫШЕНИЯ

3.1 Качество правоприменительных актов как условие и результат правоприменения

Условием эффективности правоприменительной деятельности является качественное состояние нормативных актов, а результатом ее выступают акты применения права.

Акты применения права, как и другие разновидности индивидуальных правовых актов, не достаточно изучены российской юридической наукой. В поле зрения ученых, как правило, находятся нормативно-правовые акты. Частично такое положение дел вызвано сложностью и многоаспектностью проблемы. И.А. Миннекес справедливо отмечает, что при исследовании вопросов индивидуальных правовых актов, ученые неизбежно сталкиваются с проблемой множественности индивидуальных правовых актов, отсутствии их систематизации. Кроме того, направленность индивидуальных правовых актов на регулирование многообразных общественных отношений, требует учет специфики этих отношений. В связи с этим создать унифицированный алгоритм для многих индивидуальных актов затруднительно¹.

В юридической литературе авторы как правило единодушно выделяют признаки, присущие всем индивидуально-правовым актам, а именно: они не содержат в себе нормы права, предназначены для индивидуально-правового регулирования, т.е. направлены на разрешение конкретных ситуаций; адресованы персонально определенным субъектам; с их помощью происходит установление, изменение или прекращение юридических прав и обязанностей участников общественных отношений в индивидуальном порядке; они носят ярко выраженный волевой характер.

Справедливо подчеркивается при этом, что индивидуальным актам

¹ См.: Миннекес И.А. Индивидуальное правовое регулирование: (теоретико-правовой анализ) : автореф. дис. д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 17.

могут быть присущи и дополнительные признаки. Но в любом случае главное их предназначение заключается в том, что индивидуальные веления получают в индивидуальных правовых актах объективированное выражение.

Отсюда индивидуально-правовой акт-документ – это ненормативный юридический акт, содержащий в себе веление индивидуального характера, обращенный к конкретному субъекту и направленный на урегулирование *конкретных ситуаций, требующих юридического разрешения.*

Правоприменительный акт как разновидность индивидуально-правовых актов (вся система этих актов) играет исключительно важную роль в механизме правового регулирования, поскольку обеспечивает властную конкретизацию нормативных предписаний применительно к конкретным ситуациям и субъектам. Несмотря на это обстоятельство, проблема правоприменительных актов остается малоисследованной.

Накопилось много вопросов, как в общей теории права, так и в отраслевых юридических науках, касающихся темы актов применения права. Зачастую они решаются не однозначно, а некоторые проблемы вообще остаются «за кадром». Нет единообразия, например, в решении вопроса о месте ненормативного договора в системе индивидуальных актов. Одни ученые относят их к правоприменительным актам¹. Другие – полагают, что индивидуальные договоры занимают самостоятельное место в системе индивидуальных правовых актах наряду с односторонними автономными актами; правоприменительными актами и актами казуального толкования.

Последняя точка зрения представляется более убедительной. Индивидуальный договор не следует относить к правоприменительным актам по причине того, что: акт применения права исходит от специально уполномоченных компетентных органов, в то время как договор может быть заключен любыми участниками общественных отношений, обладающими правосубъектностью; применение права – властная деятельность, а

¹ См.: Ядринцева О.В. Индивидуально-договорное правоприменение. Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата юридических наук Нижний Новгород, 2006. С. 6.

заключение индивидуального договора, как правило, происходит в рамках обычного правомерного поведения; договор является элементом саморегуляции общественных отношений, а правоприменительный акт – нет¹.

Акты саморегулирования (автономные решения и договоры) как средства децентрализованного правового регулирования дают возможность не только конкретизировать нормы объективного права, но и непосредственно устанавливать субъективные права и обязанности, прямо не предусмотренные нормами права (Ю.П. Бурило). Правоприменительные акты, как результат деятельности компетентного субъекта, ограничены нормами права.

В юридической науке акты применения права в самом общем виде, определяются как самостоятельный вид правовых актов, представляющих собой официальный акт-документ, принятый соответствующим управомоченным органом или должностным лицом по какому-либо делу в отношении конкретного субъекта (субъектов) на основе соответствующей правовой нормы. Присущие им характерные черты:

- являются индивидуально-определенными, т.е. относятся к конкретным лицам, которых можно назвать поименно, в отличие от нормативных актов, которые обезличены (неперсонифицированы);

- являются властными и обязательными для исполнения, поскольку исходят от государства либо с его согласия от негосударственных субъектов (делегированные) полномочия; за их неисполнение могут быть наложены санкции;

- не содержат в себе нормы права, поэтому не являются источником и формой права; их назначение, как уже отмечалось, не создавать, а применять нормы права;

- осуществляют локальное (казуальное) правовое регулирование,

¹ См.: Миннекес И.А. Указ соч.

конкретизируют общие предписания; выступают в качестве юридических фактов (т.е. порождают конкретные правоотношения между тем, кто применяет норму и тем, кому она адресована);

- исчерпываются, как правило, однократным применением и на иные ситуации и на других субъектов не распространяются;

- обеспечиваются государственным принуждением¹.

В.Н. Карташов добавляет к перечисленным еще несколько важных характеристик актов применения права:

- представляют собой разновидность актов реализации права, занимая свое место среди договоров, сделок, заявлений и других индивидуальных юридических актов;

- официально закрепляют и оформляют правоприменительное решение. Являясь специфической знаковой системой, правоприменительный акт, делает такое решение доступным для восприятия. В самом деле, именно данная разновидность правовых актов включает в себя все основные элементы, как содержания правоприменения (юридические действия, средства и способы их осуществления, результаты действий и т.д.), так и ее внутренней (процессуальной) формы.

В виду многочисленности исследуемых правовых актов нет единства взглядов ученых и по вопросу их классификации. Если не вдаваться в особенности различных подходов к их типологии, то можно в обобщенном виде, исходя из отдельных оснований, представить следующую классификацию. По *функциональному назначению* различают акты-регламентаторы и правоохранительные (правообеспечительные) акты; по *форме* (акты-документы и акты-действия); по *отраслям права* (уголовно-правовые, административные, гражданско-правовые, финансовые и т.д.); по *субъектам правоприменения* (акты государственных органов власти и акты негосударственных органов); по *времени действия* (однократного

¹ См.: Матузов Н.И. Применение и толкование права. Коллизии в праве / Теория государства и права. Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2013. С. 465-466.

применения и длящиеся).

Массив правоприменительных актов – правонаделительных, оперативно-распорядительных, правоохранительных, юрисдикционных – особо выделяется среди правовых актов управления. В юридическом обороте системы государственного управления (исполнительной власти) активно используются административные акты, являющиеся разновидностью юридического акта. По характеристике Ю.Н. Старилова «институт правового акта управления должен существовать на основе принципов права и принципов публичного управления (организации и функционирования управления) и способствовать осуществлению как функций управления (функций государства, функций исполнительной власти), так и функций правового регулирования»¹.

Каждый правовой акт управления занимает определенное место в иерархической системе такого рода документов, издаваемых представителями системы исполнительных органов власти. Думается, что по данному признаку (признаку управленческой деятельности) к данным актам примыкают и акты управленческих органов негосударственных структур, в том числе органов местного самоуправления, разнообразных хозяйствующих субъектов, поскольку, как было показано в предыдущих разделах настоящей работы, правоприменением могут заниматься и негосударственные органы. «Органы управления акционерных обществ, индивидуальные и иные частные фирмы, в соответствии с действующим законодательством осуществляют прием на работу и увольнение персонала, издаются акты о взыскании и поощрении. Выносят другие правоприменительные решения»².

Правоприменительные акты данного вида, принятые в режиме усмотрения, обязаны находиться под особым контролем. Они, во избежание произвола должны быть ограничены четким содержанием, формой и

¹ Старилов Ю.Н. Административное право. Воронеж, 2001. Ч. 2. С. 55.

² Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: учебное пособие в 2 томах. Т. I. Ярославль: ЯрГУ, 2005. Т.1. (Серия «Ярославская юридическая школа начала XXI века»). С. 295.

процедурой принятия. С.Н. Бабаев в свете изложенного справедливо подчеркивает, что для прокурора в случае выявления незаконного правового акта управления важно определиться с его *видом*, так как от этого напрямую зависят дальнейшие действия прокурора¹.

Правоприменительный акт отличается четкой, определенной законом *формой*. Именно форма, по мнению Н.Н. Вопленко, дает наименование, своеобразный словесный «портрет» системе правоприменительных актов. Наиболее типичными по форме актами применения права являются приговоры, решения и определения судов, постановления следователей, приказы о поощрении и наказании работников. Форма подчеркивает официальный характер и юридическую значимость правоприменительного акта. Анализ формы акта позволяет установить: от какого органа или должностного лица он исходит; в отношении какого он издан; сущность решаемого вопроса; правовые последствия, вытекающие из разрешенного дела².

Между тем, именно в актах управления зачастую происходит путаница, причиной которой является законодательная неопределенность, имеющая место в последние годы. Так, в литературе совершенно верно обращается внимание на ошибочность отнесения приказов, как, впрочем, и распоряжений, к разновидности нормативных правовых актов.

Типовой регламент внутренней организации федеральных органов исполнительной власти³ (ст. 5) гласит, что нормативные правовые документы издаются в форме *приказа* или в иной форме, установленной законодательством в соответствии с «Правилами подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их

¹ См.: Бабаев С.Н. Прокурорский надзор как способ обеспечения законности правовых актов управления: монография. Воронеж. 2005. С. 61.

² См.: Вопленко Н.Н. Очерки общей теории права. Волгоград. 2009. С. 436.

³ Постановление Правительства РФ от 28 июля 2005 г. № 452 «О Типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти» (в ред. от 15.06.2009) //СЗ РФ, 2005, № 31, ст. 3233; Российская газета, 2009, 24 июня.

государственной регистрации»¹ (далее по тексту – Правила). Согласно данному документу, нормативные правовые акты издаются не только в форме *приказов*, но также в форме *постановлений, распоряжений, правил, инструкций и положений*.

Из данного перечня – *постановления и распоряжения* – ассоциируются с деятельностью Правительства Российской Федерации². Регламент Правительства Российской Федерации содержит требования к подготовке постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации³. В то же время ни в наименовании раздела Регламента, ни в его содержании *формы* разрабатываемых документов не упоминаются, что говорит о недифференцированном подходе к методике их подготовки.

В Правилах также отсутствуют индивидуальные характеристики актов, разделение по субъектам правотворчества и по методике их разработки. В субъектах Российской Федерации при формировании региональных систем правовых актов предпринимались попытки сформулировать дефиниции указанных документов. Однако полученные определения не отличаются особой точностью и четкостью.

Противоречивый характер имеют определения *постановлений и распоряжений*. Такое положение, как представляется, есть следствие отнесения данных видов документов к различным субъектам правотворчества, а также понимание их как нормативных, так и ненормативных документов.

¹ Постановление Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» (с изм. на 24.03.2009) //СЗ РФ, 1997, № 33, ст. 3895; Российская газета, 2009, 27 марта.

² См.: ст. 155 Конституции РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993), ст. 23 Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (в ред. от 28.12.2010) // Российская газета, 1997, 23 дек.; 2010, 28 дек.

³ Постановление Правительства РФ от 1 июня 2004 г. № 260 «О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации». (в ред. 2011 г.)

Еще хуже дело обстоит с такой формой документов, как *приказы*. По мнению С.В. Бошно, доказательством необходимости регистрации приказа, является отнесение его к нормативному правовому акту, а также регулирование приказом отношений с участием граждан. Автор указывает, что приказы как внутренние документы не должны регистрироваться в Минюсте России¹.

Между тем общепринятым является то положение, что приказ – документ локальный, имеющий дисциплинарную направленность, что обусловлено наличием властно-подчиненных отношений. Приказ необходим для реализации полномочий должностного лица по отношению к лицам ему подведомственным. Со сторонними гражданами органы власти не вступают в подобные отношения.

Таким образом, приказ – ненормативный, правоприменительный акт локального организационно-распорядительного характера, исходящий от властного субъекта (начальника, руководителя), адресованный подчиненным, зависимым от него лицам, издаваемый на основе принципа единоначалия.

Локальный характер приказного акта соответствует природе данного документа. Эта позиция находит подтверждение в действующем законодательстве. Так, совершенно обоснованно в Дисциплинарном уставе таможенной службы Российской Федерации отмечается, что приказ – это «письменное или устное распоряжение начальника таможенного органа, отданное в пределах его должностных полномочий и обязанностей для исполнения подчиненными сотрудниками». Данная концепция приказа должна обрести устойчивость. Использование формы приказа в качестве нормативного правового акта, адресованного гражданам, организациям и учреждениям, недопустимо.

¹ См.: Ермолаева А.В. Методология подготовки нормативных актов федеральных органов исполнительной власти (документоведческий аспект) // Власть. 2011. № 11. С. 76-80.

Комментируя данную ситуацию в отношении постановлений и распоряжений высшего должностного лица и высшего исполнительного органа государственной власти, следует отметить, что на практике в актах субъектов Российской Федерации довольно часто сочетаются нормативные положения и предписания индивидуального характера.

В литературе справедливо отмечается, что на законодательном уровне нет определенности ни с понятием документа, ни с понятием правового акта в целом, ни с определением критериев официального документа, ни с понятием нормативного правового акта, ни с определенностью терминологии официальных источников в части употребления этих терминов. И, что очень важно, отсутствует законодательное закрепление юридических форм и видов документов¹.

Среди ученых-правоведов нет единой позиции относительно необходимости принятия *смешанных* актов. Издание актов, содержащих разнородные по юридической природе предписания – как нормативные, так и индивидуальные, аргументируется нецелесообразностью применения нескольких документов, регулирующих один и тот же вопрос.

Ученые считают, что выделять смешанные акты в самостоятельный вид актов наряду с нормативными и индивидуальными нет достаточных оснований, поскольку для определения их юридической природы необходимо ориентироваться в первую очередь на их важнейшее преобладающее качество – *нормативность*, и уже исходя из этого определять соответствующую форму². Данным обстоятельством частично объясняется отсутствие различных методик подготовки означенных видов документов, что еще раз ставит вопрос о целесообразности закрепления двух, как правило, аналогичных по наименованию видов документов, как за

¹ См.: Малько А.В., Гайворонская Я.В. Теория правовых актов: необходимость и пути создания // Государство и право. 2012. № 2. С.

² См.: Алехин А.П., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации. М., 1994. Ч. 1. С. 187.

высшим должностным лицом, так и за высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

По мнению А.В. Малько и Я.В. Гайваронской категории общих (о переносе выходного дня, об очередном призыве на военную службу) и смешанных актов могут рассматриваться в доктрине в качестве *нетипичных* и должны быть включены в общую систему правовых актов во-первых потому, что они получили широкую распространенность в практике управления, во-вторых, по своему содержанию они могут затрагивать права, свободы, обязанности широкого круга лиц. Авторы считают, что издание обозначенных актов оправдано потребностями юридической практики: необходимостью оперативного властного вмешательства, требованиями экономичности правового регулирования, необходимостью комплексного урегулирования вопроса не только за счет установления общих правил, но и путем дачи конкретных поручений, назначения ответственных лиц, установления определенных сроков¹.

Н.И. Матузов обращает внимание на условность, не абсолютность деления правовых актов на: нормативные и ненормативные. Есть такие, которые содержат в себе как признаки индивидуальной определенности, так и черты нормативности. Ученый приводит в пример приказ министра обороны о призыве на воинскую службу. С одной стороны, такой приказ является правоприменительным актом, поскольку он применяет в данном случае нормы Конституции Российской Федерации и законов о воинской и альтернативной гражданской службе, а с другой стороны, такой приказ относится к сотням и тысячам субъектов – индивидуальных и коллективных и, тем самым, регулирует обширный пласт общественных отношений².

¹ См.: Малько А.В., Гайворонская Я.В. Теория правовых актов: необходимость и пути создания // Государство и право. 2012. № 2. С. 21; См. также: Гайворонская Я.В., Балковая В.Г. Правовые акты Российской Федерации: общетеоретический аспект исследования: монография. Владивосток, 2009.

² См.: Матузов Н.И. Теория государства и права. Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2013. С. 465-466.

Т.В. Кашанина более категорична в своем суждении относительно нецелесообразности принятия смешанных актов. Применительно к корпоративным смешанным актам, то есть актам, в которых содержатся предписания и нормативного, и индивидуального характера, она пишет, что это далеко не лучшая форма изложения корпоративных норм. Смешанные акты порождают неясность относительно юридической природы отдельных предписаний, постоянного или временного характера действия их отдельных положений и т.п.¹.

Сочетание в одном документе постоянных и разовых (временных) предписаний по мнению С.В. Бошно может вводить в заблуждение относительно действия их во времени. Прекращение норм временного характера требует их исключения из акта, нормативная часть которого продолжает действовать, что практически весьма затруднительно. Научно-обоснованными правилами законодательной техники установлен запрет на включение в нормативные правовые акты разовых (индивидуальных) норм.².

Обращает на себя внимание целый комплекс актов применения права, изучение которых ждет своего часа – корпоративные акты. Индивидуально-правовые акты в корпорации составляют более объемную группу юридических документов, нежели группа нормативных актов. Они носят ярко выраженный правоприменительный характер.

В условиях расширяющегося круга субъектов юридической деятельности, за счет включения в их состав кроме органов государства и их должностных лиц, органов местного самоуправления, различных по видам собственности и организационно-правовым формам юридических лиц, юридических лиц публичного права, количество и разновидность таких актов

¹ См.: Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник, — 2-е изд., пересмотр. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 286.

² Бошно С.В., Пытикова Т.А. Приказ: нормативный или правоприменительный акт? // Юрист, 2005, № 10. С. 25.

значительно возросло. Необходим тщательный анализ правовых актов-документов, принимаемых на локальном уровне.

Следует четко разграничивать три основные их группы: локальные нормативные акты; коллективные договоры и локальные ненормативные правовые акты. Последние в свою очередь подразделяются на единоличные и договорные. При этом, как справедливо подчеркивает Ю.М. Никитенко, правоприменительная деятельность должна быть рассмотрена не только сквозь призму применения исключительно локальных норм, но и как деятельность, подразумевающая исполнения положений, установленных в централизованном порядке, что позволяет выделить такие ее виды, как учредительная, юрисдикционная, учетная, организационно-распорядительная, деятельность по систематизации локальных правовых актов¹.

Зачастую не принимаются во внимание классические признаки правоприменительных актов (ненормативный, властно-обязательный характер; способность устанавливать, изменять или прекращать права и обязанности в отношении определенного круга лиц; персонифицированность; однократность применения).

На практике правоприменительными актами нередко именуют различного рода «казенные бумаги» (по выражению Н.И. Матузова): справки, квитанции, различного рода накладные, доверенности и т.п. – все то, что выступает оперативными средствами взаимодействия между гражданами, организациями, а также и между собой.

Современное законодательство не устанавливает единообразную унифицированную форму индивидуального правового акта, что с точки зрения Ю.Н. Старилова, чревато ошибками в правоприменительной деятельности. Так, нередко в производстве арбитражных судов находятся иски о признании недействительными актов проверок, осмотров, протоколов,

¹ См.: Никитенко Ю.М. Локальная юридическая деятельность: общетеоретический анализ : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 25.

или освидетельствования и т.д. Однако указанные документы не могут являться предметом рассмотрения арбитражного суда, поскольку не влекут каких бы то ни было юридических последствий для лиц, в отношении которых они составлены. Можно сделать вывод, что данные акты правоприменительными не являются.

Ю.А. Тихомиров указывает на то, что необходимо устранить препятствия применению нормы права к конкретным обстоятельствам путем непрерывного требования избыточных документов и согласований.

Условием повышения эффективности правового регулирования является задействование инструментов юридической техники в правоприменительной сфере.

Подведем некоторые итоги.

Изучение отдельных разновидностей правовых актов и отсутствие комплексного учения о правовых актах тормозят процесс законодательного регулирования вопросов, связанных с правотворчеством и правоприменением.

Обращает на себя внимание тот факт, что зачастую происходит игнорирование правил юридической техники при составлении индивидуальных актов вообще, и актов применения права, в частности. В настоящее время теоретические вопросы техники создания индивидуальных актов разработаны гораздо в меньшей степени по сравнению с техникой законодательной и кодификационной.

Значимым направлением развития правотворчества должна стать унификация юридических понятий и терминов, обеспечивающая единообразие их толкования независимо от отраслевой принадлежности.

Следует ликвидировать разночтения в употреблении таких форм правовых актов федеральных органов исполнительной власти как *приказ*, *постановление*, *распоряжение* и употреблять их исключительно как форму правоприменительных актов. Возникла необходимость внести изменения в «Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов

исполнительной власти и их государственной регистрации», исключив указанные наименования документов из числа нормативных.

Ввиду важнейшей роли в системе государственного управления правовых актов управления необходима разработка их теоретических основ. Научное обоснование будет нацелено на повышение уровня правовой культуры, обеспечение возможности более полной защиты прав граждан, оптимизации процессов управления исполнительными органами.

Особое внимание должно быть уделено локальным правоприменительным актам.

Принятие смешанных актов должно иметь место в исключительных случаях. Необходимо установить четкие пределы компетенции властных органов в части издания актов строго определенных видов и форм и закрепить их с помощью принятия федерального закона «О системе правовых актов». Федеральный закон «О нормативных правовых актах» по-прежнему ждет своего часа.

Квинтэссенцией теории правовых актов должна стать аксиома о соотношении их формы и содержания. Следует разработать и законодательно закрепить классификацию всех правовых актов, особое внимание при этом уделить правоприменительным актам.

Правовой мониторинг необходимо использовать более широко, именно благодаря анализу законодательства и практики его применения возможна выработка рекомендаций и предложений по корректировке законодательства.

Только комплексный подход к проблеме позволит преодолеть деформации как правотворчества, так и правоприменения.

3.2 Мониторинг правоприменительной практики

Перспективным направлением повышения качества правовых актов является мониторинг. Он позволяет обеспечить социальную обусловленность нормативно-правового акта, его востребованность обществом.

В 2007 г. при Совете Федерации Федерального Собрания России создан центр мониторинга законодательства и правоприменительной практики (Центр мониторинга права). В том же году Правительство Москвы начало работу по формированию правового мониторинга в Москве.

Правовой мониторинг получил новый импульс благодаря принятию Указа Президента Российской Федерации «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации», утвердившего «Положение о мониторинге правоприменения в Российской Федерации»¹. Согласно данному документу осуществление мониторинга в целях выполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации, а также постановлений Европейского Суда по правам человека, в случаях, когда необходимо принятие, корректировка или отмена законодательства возложено на Министерство юстиции России. Также была разработана и утверждена «Методика осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации»².

Указ Президента в рамках мониторинга предусматривает комплексную и плановую деятельность федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации по сбору, обобщению, анализу и оценке информации с целью обеспечения принятия

¹ Указ Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. ст. 13. № 1235.

² Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 4 марта 2011 г. № 51 «Положение о Департаменте законопроектной деятельности и мониторинга правоприменения»; Постановление Правительства Российской Федерации от 19 августа 2011 г. № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011.

(издания), изменения или признания утратившими силу (отмены) нормативно-правовых актов.

На развитие правового мониторинга повлияла серия докладов, о состоянии законодательства и практики его реализации в сфере внутренней и внешней политики подготовленных в Совете Федерации в 2006-2012 г. Практика формирования мониторинговых докладов была воспринята и субъектами Российской Федерации. К сожалению, начиная с 2012 г. подготовка мониторинговых докладов была прекращена, а данная функция передана Министерству юстиции Российской Федерации. Как верно отмечает В.Б. Исаков, доклады стали слишком сильным раздражителем для российской бюрократии, поскольку в них отражалось немало нелицеприятных фактов, которые не хотелось выносить на публичное обсуждение¹.

В научном аспекте теория правового мониторинга сегодня активно разрабатывается Ю.Г. Арзамасовым, С.В. Бошно, И.В. Жужговым, Я.Е. Наконечным, В.Л. Негрбовым, Н.Н. Толмачевой. Защищена кандидатская диссертация по данной проблеме². В Москве прошла международная конференция на эту тему, материалы которой опубликованы³.

Если обратиться к терминологическому анализу правового мониторинга, то следует отметить, что в науке он толкуется неоднозначно. С.А. Варкова определяет мониторинг многофункционально как начальную стадию правотворческого процесса, средство юридической оценки эффективности законодательства; средство, способствующее выявлению нарушений законности⁴. В целом, соглашаясь с позицией ученого, следует возразить в

¹ См.: Исаков В.Б. Правовая аналитика: учебное пособие. М., 2015. С. 206-207.

² См.: Варкова С.А. Мониторинг законодательства и правоприменительной практики: теоретико-правовое исследование. Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Москва, 2013.

³ См.: Мониторинг законодательства и правоприменительной практики: оценки, предложения, прогнозы: Муромцевские чтения: Материалы XXIII Междунар. науч. конф. Москва, 18 апреля 2013 г. / Под ред. Н.И. Архиповой, С.В. Тимофеева. М.: РГГУ, 2013.

⁴ См.: Варкова С.А. Указ. соч.

части толкования мониторинга лишь как стадии правотворческого процесса. Думается, что мониторинг охватывает и правотворчество, и правоприменение, и непосредственную реализацию права, представляет собой надправовое явление, осуществление которого в конечном итоге повышает качество и эффективность права.

В литературе отмечается, что мониторинг правоприменения подразумевает анализ не только практики применения законодательства, но и его качества, эффективности¹. Следовательно, мониторинг правоприменения необходимо понимать в широком смысле как сбор, анализ, обобщение информации о состоянии законодательства и практики его применения с целью выявления соответствия между целью и результатом правового регулирования.

Именно в таком ключе (в широком смысле) Ю.А. Тихомиров трактует *мониторинг закона* как «систему постоянного наблюдения, анализа и воздействия на правовую сферу, на все стадии жизни закона – от зарождения идеи, определения предмета регулирования до реализации норм и контроля за эффективностью по их применению»².

Целями правового мониторинга являются: 1) определение эффективности действия правовых норм; 2) оценка эффективности правоприменительной деятельности; 3) выявление коллизий, дублирования, пробелов в правовом регулировании общественных отношений; 4) определение степени урегулированности предметов ведения, закрепленных в Конституции Российской Федерации; 5) выявление векторов развития отраслей российского законодательства, анализ и обобщение зарубежного

¹ См.: Тиунов О.И. О взаимосвязи правового мониторинга международных и внутригосударственных актов // Мониторинг законодательства и правоприменительной практики: оценки, предложения, прогнозы: Муромцевские чтения: Матер. XIII Междунар. науч. конф. Москва, 18 апреля 2013 г. / под ред. Н.И. Архиповой, С.В. Тимофеева, М., 2013. С. 32.

² Тихомиров Ю.А. О мониторинге закона // Президентский контроль. 2004. № 8. С. 28.

опыта регулирования социальных отношений для последующего использования в законотворческой деятельности в Российской Федерации¹.

В условиях плюрализма методологических приемов исследования в юриспруденции, заслуживает внимания предпринятый И.Л. Честновым социолого-антропологический анализ мониторинга в контексте изучения феномена законности. Законность в указанном ключе, по его мнению представляет собой: во-первых, выявление потребностей общества в нормативном правовом регулировании общественных отношений; во-вторых, объективацию своих потребностей в адекватной форме через норму права; в-третьих, реализацию формы права в правопорядке². В отличие от традиционного подхода законность постулирует не только точное и неукоснительное соблюдение нормы права, но и предъявляет требования к нормативным правовым актам, иным формам внешнего выражения нормативности права с точки зрения их соответствия потребностям общества.

В антропологическом смысле правовой мониторинг подразумевает выявление оценок того или иного нормативного правового акта правоприменителем и конкретным человеком, находящимся по «разные стороны» в процессе его реализации. Важен мониторинг мнения населения относительно действия соответствующего нормативного правового акта, выявление его «узких мест», вызывающих неудовольствие широких слоев общества³. Такой подход дополняет традиционное качественное и количественное изучение законодательства необходимостью выявления смыслов и интересов, в соответствии с которыми осуществляет действия конкретный человек.

¹ См.: Хабриева Т.Я. Современные юридические технологии в теории и практике правотворчества и правоприменения // Эффективность законодательства и современные юридические технологии (матер. заседания Международной школы-практикума молодых ученых-юристов. Москва 29-31 мая 2008 г.) / Отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., 2009. С. 5-6.

² См.: Честнов И.Л. Мониторинг юридической практики в контексте режима законности // С. 39-40.

³ См.: Честнов И.Л. Указ. соч. С. 40.

Следует также согласиться с высказанным в литературе мнением о том, что формой правового мониторинга может являться научная доктрина. Хотя доктрина не является признанным в Российской Федерации источником права, она способна влиять на развитие концепции законодательства и содержание законопроектов, в частности, в терминологическом плане. Согласно научной доктрине мониторинг направлен на совершенствование практики применения законодательства и повышение его качества. Для достижения данной цели необходим универсальный подход, в рамки которого следует включать и международно-правовой мониторинг.

Заслуживает внимания идея создания досье нормативно-правового акта, высказанная участниками межрегионального научно-практического семинара «Мониторинг законодательства и правоприменительной практики в субъектах Российской Федерации: опыт и пути совершенствования»¹.

Досье закона начинает формироваться с появлением «первых проблесков законодательной инициативы»² и постепенно накапливается за счет включения в него экспертных отзывов (учтенных и неучтенных), дискуссий в процессе первого (и последующих) чтений. Но, и это самое главное, состоит в том, что досье закона продолжает накапливаться, когда закон начинает применяться на практике. Изучение досье закона в процессе его реализации позволит увидеть, какие инициативы не были учтены. Может быть, их следует включить в скорректированный текст нормативного правового акта. Кроме того, наличие такого досье позволит более точно определить смысл норм данного закона с точки зрения его историко-правового толкования, что также важно для внесения изменений в закон и для его эффективной реализации.

В юридической литературе нет единого мнения по вопросу классификации мониторинга. Так, *в зависимости от объема тематики*

¹ Межрегиональный научно-практический семинар «Мониторинг законодательства и правоприменительной практики в субъектах российской Федерации: опыт и пути совершенствования». М., 2008.

² Там же. С. 35.

ученые выделяют постоянный, периодический, временный мониторинг; в зависимости от поставленной цели и задач правового мониторинга его можно классифицировать как способ оценки решения задач или как средство анализа деятельности государственных органов¹. Обстоятельно дифференцирован правовой мониторинг Ю.Г. Арзамасовым и Я.Е. Наконечным².

Другие авторы, кроме вышеупомянутых называют еще, исходя из различных оснований, такие виды, как: комплексный или отраслевой; государственной или общественный; федеральный или региональный, локальный (муниципальный и корпоративный); внешний или внутренний; обязательный или рекомендательный; ретроспективный, текущий или прогнозный; включенный или невключенный; оперативный или плановый; постоянный, временный или точечный; мониторинг в процессе правотворчества, либо в процессе соблюдения и исполнения норм права; либо в процессе официального толкования норм права, либо в процессе правоприменения.

В контексте предпринятого исследования интерес вызывает, прежде всего, мониторинг правоприменительной практики, самостоятельная теоретическая конструкция которого в теории права только начинает разрабатываться. Работы, посвященные именно такому виду мониторинга, пока немногочисленны³. Конечно, мониторинг правотворчества не следует отрывать от мониторинга правоприменения (они как сообщающиеся сосуды, одно без другого существовать не может). В то же время это самостоятельный и очень важный вид мониторинга юридической практики –

¹ См.: Тихомиров Ю.А. Управление на основе права. М., 2007. С. 385.

² См.: Арзамасов Ю.Г., Наконечный Я.Е. Концепция мониторинга нормативно-правовых актов. М., 2011.

³ См.: например, Варкова С.А. Мониторинг законодательства и правоприменительной практики: теоретико-правовое исследование. Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Москва, 2013; Берг Л.Н. Мониторинг правоприменительной практики // Бизнес, менеджмент и право. 2009. № 1.

практики правоприменения. Мониторинг права значим только в том случае, если действие нормативного акта оценивается во взаимосвязи с правоприменительной практикой.

Л.Н. Берг считает, что мониторинг правоприменительной практики можно определить как постоянно осуществляемую деятельность субъектов мониторинга, связанную со сбором и анализом информации в отношении органов государственной власти, органов местного самоуправления с целью выявления соответствия определенному стандарту правоприменительной деятельности данных органов и вынесенных на ее основе правоприменительных актов.

Из представленного определения следуют признаки мониторинга правоприменительной практики:

- 1) постоянность осуществления мониторинга;
- 2) проведение его специальными субъектами – государственными органами, органами местного самоуправления или уполномоченной в силу своей компетенции специализированной экспертной организацией;
- 3) основные векторы мониторинга правоприменительной практики охватывают сбор, анализ конкретной информации в отношении различных видов правоприменительных актов, а также непосредственно в отношении самого правоприменительного процесса;
- 4) целью мониторинга правоприменительной практики является выявление соответствия конкретных правоприменительных актов, правоприменительной деятельности определенным, заранее установленным стандартам¹.

Изучение мониторинга правоприменительной практики уместно в связи с обоснованием необходимости осуществления его негосударственными субъектами и учета его результатов в качестве обязательных при оптимизации правового регулирования. Значимость правового мониторинга,

¹ См.: Берг Л.Н. Мониторинг правоприменительной практики // Бизнес, менеджмент и право. 2009. № 1. С. 15.

реализуемого негосударственными субъектами, не до конца осознается государственными структурами. Именно это обстоятельство, по нашему мнению, не способствует вовлечению институтов гражданского общества в процессы управления делами государства. Тем самым тормозится динамика формирования гражданско-правовой активности, что в конечном итоге препятствует повышению эффективности правового регулирования общественных отношений.

В контексте предпринятого исследования проблемы правоприменительной деятельности негосударственных субъектов важно обратить внимание на принципы, пронизывающие мониторинговую деятельность. Данные принципы как верно указывается в литературе, выражают характер и направленность действий всех субъектов мониторинга нормативно-правовых актов¹.

Проблематика принципов мониторинга права является недостаточно разработанной в науке. Между тем, формализация принципов проведения правового мониторинга является весьма значимой. Участники мониторинга, а это не только государственные, но и негосударственные субъекты, должны быть сориентированы на ключевые критерии мониторинговой деятельности которые задаются принципами.

Немногочисленные нормативно-правовые акты субъектов Федерации содержат тот или иной набор принципов проведения мониторинга.

Так, законом Калужской области «О мониторинге правоприменения нормативно-правовых актов мониторинга правоприменения нормативных правовых актов Калужской области» предусмотрены принципы: плановость; непрерывность; целенаправленность, системность и комплексность; полнота, всесторонность и объективность; гласность (информационная открытость)².

¹ См.: Арзамасов Ю.Г., Наконечный Я.Е. Концепция мониторинга нормативно-правовых актов. М., 2011. С. 19.

² Закон Калужской области № 407-ОЗ от 21.03.12 «О мониторинге правоприменения нормативно-правовых актов мониторинга правоприменения нормативных правовых актов Калужской области» // СПС «Консультант».

В соответствии с Постановлением Законодательного собрания Приморского края «О положении и порядке проведения мониторинга правоприменения нормативных правовых актов Приморского края, принятых Законодательным собранием Приморского края» закрепляются принципы: целенаправленность; объективность; планирование; гласность¹.

Постановление Государственного совета Чувашской Республики «О положении о мониторинге правоприменения в Государственном совете Чувашской Республики» и Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики № 634 «Об организации мониторинга правоприменения в Чувашской Республике» от 28.12.2011 не содержат принципов осуществления мониторинговой деятельности.

Думается, что данный процесс должен быть систематизирован и приведен к единому «знаменателю». Для этого как представляется необходимо «узаконить» принципы мониторинговой деятельности на уровне федерального нормативно-правового акта, разделив их на содержательные и организационные, общие и специальные, как это предлагается в научной литературе².

По нашему мнению среди принципов проведения мониторинга, в качестве основных (содержательных) следует назвать: законность, гласность, демократизм, научность, профессионализм; организационный характер имеют принципы системности, плановости и др.

В связи с темой настоящего исследования интерес представляет принцип демократизма, имеющий множество проявлений: наличие демократических процедур разработки законов и иных нормативно-правовых актов; учет общественного мнения, предложений, рекомендаций, оценок

¹ О положении о порядке проведения мониторинга правоприменения нормативных правовых актов Приморского края, принятых Законодательным собранием Приморского края: Постановление Законодательного собрания Приморского края № 422 от 31.10.2012 // Законодательство Российской Федерации. URL: [http:// lawsrf.ru/region/documents/498600/](http://lawsrf.ru/region/documents/498600/) (дата обращения: 22.04.15).

² См.: Прокопьева И.В., Иванов И.И. Понятие и принципы мониторинга правоприменения: теоретико-правовой аспект // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2. С. 157.

граждан, средств массовой информации по содержанию, корректировке нормативно-правовых актов и др. Важнейшее проявление принципа демократизма заключается, на наш взгляд и в проведении правового мониторинга негосударственными правоприменителями и обязательность учета результатов такого мониторинга.

Между тем, в Указе Президента Российской Федерации «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» указывается на государственные корпорации, институты гражданского общества, с учетом предложений которых Министерством юстиции Российской Федерации ежегодно разрабатывается план мониторинга. Вместе с тем, возникает вопрос о целесообразности выделения лишь государственных корпораций в качестве таких субъектов. Их статус в правовом плане определен недостаточно четко, он индивидуален у каждой государственной корпорации.

Юридическую деятельность сегодня осуществляют многочисленные негосударственные субъекты, о которых речь шла в предыдущем разделе работы и которые в силу наделения со стороны государства властными полномочиями в правоприменительной сфере могли бы стать полноценными участниками мониторинга правоприменительной практики. В связи с этим считаем, что в качестве субъектов мониторинга необходимо привлекать и негосударственных субъектов, в первую очередь тех, которые наделены государством правоприменительными полномочиями.

Мировой практике известно несколько форм организации правового мониторинга: централизованный, децентрализованный и смешанный. В первом случае мониторинг осуществляется специально созданной для этого структурой. Во втором – правовой мониторинг осуществляется любым заинтересованным субъектом по собственной инициативе. Смешанная форма осуществления мониторинга предполагает наделение полномочиями по его проведению некоторых субъектов (органов государственной власти, учреждений, организаций) по поручению либо в рамках своей компетенции.

Учет результатов мониторинга права, осуществляемого такими субъектами должен стать обязательным. Вовлечение структур гражданского общества в мониторинговую деятельность позволило бы использовать интеллектуальный потенциал общества, способствовало снижению степени отчужденности между властью и населением, остроты социальной конфликтности, повышению уровня общественного согласия; преодолению традиций правового нигилизма с помощью формирования чувства сопричастности к значимым процессам правотворчества, правореализации, ответственности за их результаты.

Значимым проявлением принципа демократизма является гласность мониторинговой деятельности. По сути реализация принципа гласности является неременным условием осуществления мониторинга негосударственными субъектами правоприменительной деятельности.

Безусловно, в сфере «пристального внимания» мониторинга находится технико-инструментальная составляющая законодательства и правоприменения: приемы и способы юридической техники изложения и оформления правовых актов. Вместе с тем, технический аспект мониторинга не должен умалять содержательную сторону законодательства, подразумевающую социальную обусловленность, нуждаемость населения в том или ином законе.

Согласно нормативным документам мониторинг правоприменения осуществляется в том числе органами государственной власти субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, по сбору, обобщению, анализу и оценке информации для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены нормативных правовых актов. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления также могут осуществлять мониторинг по собственной инициативе.

Проект плана мониторинга правоприменения в Российской Федерации ежегодно разрабатывается Министерством юстиции Российской Федерации.

Органы государственной власти субъектов Российской Федерации при подготовке предложений к проекту плана мониторинга учитывают в пределах своей компетенции предложения институтов гражданского общества, в том числе средств массовой информации о принятии (издании), изменении или признании утратившими силу (отмене) законодательных и иных нормативно-правовых актов Российской Федерации, поступившие в соответствующий орган.

Следует отметить, что по информации Минюста России более чем в 40 субъектах Российской Федерации приняты правовые акты, регулирующие порядок организации и проведения мониторинга правоприменения. Серьезной проблемой остается организация взаимодействия между федеральными органами государственной власти и органами власти субъектов Российской Федерации в процессе правоприменительного мониторинга. Это касается всех его этапов: сбора, обобщения, анализа информации о недостатках законодательства, а также доведение его до компетентных органов. Причиной малой эффективности такого взаимодействия является, во-первых, неупорядоченность информации, предоставленной субъектом Российской Федерации; во-вторых, отсутствие системы реагирования федеральных органов исполнительной власти на обращение субъектов Российской Федерации по поводу выявившихся проблем при правоприменении того или иного нормативного акта.

Правовой мониторинг в субъектах Российской Федерации – это важнейший инструмент, позволяющий создать единое правовое пространство. Он обеспечивает как свободу законодательного регулирования на территории субъектов Российской Федерации, так и унификацию законодательных решений, возможность использования наиболее эффективных из них на всей территории России.

Очевидно, что мониторинг законодательства и правоприменительной практики должен осуществляться в комплексе. Однако на сегодняшний день деятельность государственных институтов в этой сфере не скоординирована,

не является обязательной, осуществляется при отсутствии методологической основы, вследствие чего она не дает достоверных результатов, необходимых для планирования законотворческой деятельности, определения ее стратегии и системного развития, и не влияет на результаты правоприменения. В этом аспекте представляется важной работа по координации законодательных инициатив субъектов Российской Федерации. В частности, может быть полезен советский опыт, когда функционировала специальная комиссия законодательных предположений¹.

Кроме того, тормозит решение задачи обеспечения целостности, непротиворечивости и системности законодательства отсутствие закона о нормативных правовых актах Российской Федерации. И в этом смысле регионы значительно опережают федеральное законодательство. В некоторых субъектах Российской Федерации приняты законы о нормативно-правовой базе, в ряде регионов – законы о постоянном и непрерывном мониторинге правового пространства.

В Саратовской области мониторинг правоприменения набирает обороты. В частности в отношении ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» мониторинговый анализ привел экспертов к выводу о необоснованности предоставления льгот инвалидам по безвозмездному пользованию платными автостоянками. Это ограничивает права предпринимателей на осуществление хозяйственной деятельности и существенно осложняет ведение бизнеса.

Институт мониторинга пока не заработал в полную силу, в частности по причине отсутствия официальной информации относительно действующих в правовом поле нормативных и правоприменительных актов. Между тем, результатом мониторинга является взаимосвязанная информация о недостатках законодательства, включая предложения по их устранению (в соответствии с классификатором правовых актов и информация о

¹ См: Чеснокова М.Д. Мониторинг законодательства и правоприменительной практики: опыт субъектов Российской Федерации // Журнал российского права. 2010. № 8. С. 89-95.

недостатках правоприменительной деятельности (в том числе, нарушение должностным лицом закона, несовершенство в механизме действия закона), направляемая в форме электронного документа и информационных писем в компетентные государственные органы. И не смотря на то, что первый шаг в заданном направлении уже сделан – Министерство юстиции России создало Портал о состоянии законодательства и правоприменения как постоянно действующий информационно-аналитический интернет-ресурс, пока еще нет полной ясности об информации, которая должна будет размещаться на нем.

Заслуживает внимания и всяческой поддержки предложение ученых о внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 29.11.2000 № 904 «Об утверждении Положения о порядке ведения федерального регистра нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, Приказ Минюста России от 31 мая 2012 года «Об утверждении методических рекомендаций по проведению правовой экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации», посредством включения норм, обязывающих при ведении регистров нормативных правовых актов проводить анализ акта не только на соответствие его законодательству, но и изучать и оценивать практику его применения, а также экспертные заключения общественных организаций.

Следует законодательно закрепить обязанность для органов юстиции федерального и регионального уровней размещать в открытом доступе результаты мониторинговой деятельности органов государственной власти, местного самоуправления, негосударственных субъектов. Обнародование результатов мониторинга и обязательность учета его результатов, во-первых, повысят степень его значимости, а во-вторых, в перспективе дадут реальные результаты – повышение эффективности правового регулирования.

Кроме того, заслуживает одобрения предложение по формированию единой электронной информационно-аналитической системы «Мониторинг законодательства и правоприменения». Это позволит придать системность работе по сбору, анализу, оценке правовой информации и повысить

эффективность взаимодействия между органами государственной власти разных уровней и институтами гражданского общества¹.

В заключении отметим, что мониторинг правоприменительной практики как самостоятельная теоретическая конструкция нуждается в тщательной научной разработке. В то же время, очевидно, что мониторинг правоприменительной практики должен быть вплетен в концепцию правового мониторинга в целом. В практическом плане оба вида мониторинга должны представлять собой системное явление, быть звеньями единой системы, объединенные общей целью, принципами.

Что касается субъектов правового мониторинга то, очевидно, что кроме органов государственной власти ими должны быть и негосударственные субъекты, в первую очередь наделенные публичными властными полномочиями в правотворческой и правоприменительной сферах.

Широкое и системное использование правового мониторинга в конечном итоге будет способствовать повышению эффективности правового регулирования и в целом оптимизирует функционирование национальной правовой систем, встроенных в глобальный миропорядок.

3.3. Правовая культура субъектов правоприменительной деятельности

Исследование любого социального института, а тем более государственной власти, невозможно вне культурного контекста. Легитимность власти формируется в некоем культурном пространстве политической деятельности. Как верно подмечено «символизм государственной власти – свидетельство широкого использования в практике властных взаимодействий идеальных ресурсов: религиозных, моральных, эстетических и иных².

¹ См.: Варкова С.А. Указ. соч. С. 13.

² Поярков С.Ю. Идеология легитимности российской государственной власти // Право и политика. 2009. № 5. С. 970.

Правовую культуру органов публичной власти (государственной и муниципальной) и, в частности, правоприменителей, следует рассматривать как важнейшую предпосылку всех российских реформ и преобразований, стержневое условие преодоления кризисных явлений в экономике, государственном управлении, правовом регулировании, международно-правовом взаимодействии в условиях глобализации.

Нельзя не отметить тот факт, что в последнее время проблема правовой культуры представителей власти и общества в целом обратила на себя внимание. С этим связано принятие постановлений и приказов различных ведомств по утверждению кодексов профессиональной этики. Пример тому – Приказ Россельхознадзора от 28 марта 2011 г. № 98 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Россельхознадзора»; Приказ ФМС РФ от 25 февраля 2011 г. № 42 «О Кодексе этики и служебного поведения государственных служащих Федеральной миграционной службы»; Приказ Минобрнауки РФ от 22 июня 2011 г. № 2047 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения федеральных государственных гражданских служащих Министерства образования и науки Российской Федерации».

Подобные документы издали и Министерство транспорта Российской Федерации, и Министерство по чрезвычайным ситуациям Российской Федерации и др. Однако, думается, что вопросы этики государственных служащих и повышения правовой культуры в целом заслуживают законодательного урегулирования на федеральном уровне. Д.А. Медведевым утверждены основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан. Формирование нравственно совершенной личности было и остается одним из центральных направлений воспитания всех граждан, работников различных профессий.

Современная наука находится в поисках новых аргументов в обосновании универсальности правовой культуры, охватывающей не только

правовую, но и иные формы социальной жизни, являющейся условием, средой функционирования права и государства, в которой названные феномены жизнедействуют¹.

Более чем верно утверждение А.В. Полякова о том, что правовая культура есть суммативный продукт процесса правовой коммуникации, одновременно *условие и пространство ее бытия*.

Следует согласиться с мнением ученых, которые предлагают толковать содержание правовой культуры распространительно, как организующий фактор в механизме социального действия права, выходящем за рамки правового регулирования. Правовая культура, обоснованно утверждается ими, находит выражение в общесоциальных функциях права: воспитательной, образовательной, коммуникативной.

Правовая культура раскрывается в способах поведения, в формах отношений, в юридическом языке, состоянии правового сознания, в развитии юридической науки и т.д. Исходя из этого, правовую культуру можно рассматривать как *процесс* и как конечный *результат*.

Как *процесс* правовая культура представляет собой определенного высокого качества юридическую деятельность: правотворческую, правоприменительную, правоохранительную, правозащитную, договорную и др.; она формируется, в рамках такой деятельности, является показателем ее эффективности. В тоже время правовая культура выступает одновременно условием осуществления правовых процессов.

В науке предпринимаются попытки исследовать правовую культуру с точки зрения деятельностного подхода. Так через призму правовой культуры юридическая деятельность представляет собой совокупность не только

¹ См.: Нехайчик В.К. Правовая культура как элемент механизма административно-правового воздействия // Правовые культуры. Жидковские чтения: матер Всерос. науч. конф. Москва, 25 марта 2011 г. / Под ред. Г.И. Муромцева, М.В. Немытиной. М.: РУДН, 2012. 438 с. 242-248.

поступков (внешнего выражения), но и мыслей, чувств (внутреннего мира) личности.

Если обратиться к правоприменительным субъектам, то внешним выражением их юридической деятельности должно быть сугубо правомерное социально-активное поведение, а правовое сознание должно опираться на нравственно-правовые установки: справедливость, гуманизм, господство права, верховенство закона, связанность государства и личности взаимными правами и обязанностями – все эти принципы в полной мере и в первую очередь распространяются на профессионально-юридическую сферу. В противном случае правоприменитель, демонстрирующий антиправовое поведение, может способствовать формированию не правового, а противоправного сознания, например коррупционного, и быть проводником преступной морали в обществе.

В связи с этим в литературе предлагается расширить понятие правовой культуры за счет включения в ее объем антиценностей, как следствия правоприменительной антикультуры – применения права в корыстных целях, приносящего материальные или иные дивиденды¹. Данный вопрос носит дискуссионный характер. Не разделяя в целом данную точку зрения, все-таки отметим необходимость дальнейшего осмысления подхода к правовой культуре как феномену, охватывающему и деструктивные правовые явления, особенно в условиях масштабной коррупции, бюрократизма, конфликта интересов, злоупотребления служебными полномочиями, очевидна².

Точное и неукоснительное исполнение правоприменителями возложенных на них функций выступает в качестве важной гарантии прав

¹ См.: Кузьмина А.В. Содержание и функции современной правоприменительной культуры // Власть. 2011. № 4. С. 6.

² По мнению некоторых ученых, правовая культура есть особое видение правовой жизни, охватывающее все ее стороны (в том числе и отрицательные). В связи с этим возникает возможность измерения уровней правовой культуры (индивид не может быть полностью лишен правовой культуры, но она может быть очень низкой). Поэтому первоочередное значение приобретают прикладные исследования в области правовой культуры (Обзор всероссийской научной конференции «Правовая культура на рубеже столетий» Волгоград, 2001).

личности. Это, в свою очередь, налагает на представителей государственной власти особую ответственность. Как считает А.С. Бондарев, и с ним следует согласиться, юридическая ответственность – часть правовой культуры, она обеспечивает внутренний контроль субъекта права, основанный на усвоении ими обязывающих или запрещающих правовых норм в силу осознания их индивидуальной и общественной ценности¹.

Как конечный *результат* правовая культура выражается через качество правовых актов (нормативных, правоприменительных, актов толкования, договоров и др.), основными критериями которых является эффективность, результативность, законность, достижение согласованности воле субъектов – участников правовой деятельности.

Отсюда, правовая культура совершенно обоснованно мыслится как условие функционирования механизма действия права, элемент и инструмент правового воздействия. Узким и поверхностным представляется суждение о том, что правовая культура лишь показатель эффективности механизма правового регулирования, и не может рассматриваться как самостоятельный элемент данного механизма².

Проблемы правовой культуры властных субъектов продуктивно исследовать через понятие «государственность», которое дает ответ на вопрос о современном состоянии государственно-правовых институтов, качестве правового регулирования, уровне законности через призму социокультурной среды, в которой формируются и функционируют государство, государственная власть, право.

Вопрос о государственности в науке полемичен в силу своей междисциплинарности и лингвистической сложности. В широком смысле данное понятие употребляют И.Л. Честнов, Л.Н. Морозова, А.Н. Головистикова, Ю.А. Дмитриев, О.И. Цыбулевская. Так, И.Л. Честнов

¹ См.: Бондарев А.С. Правовая культура С. 23.

² См., например: Шергин А.П. К концепции механизма административно-правового регулирования // Административное и административно-процессуальное право. Актуальные проблемы. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. С. 105-106.

включает в содержание государственности само государство, предгосударственные образования (например, при первоначальном образовании государства), национально-государственные и иные автономные образования политического характера»¹.

Л.Н. Морозова охватывает понятием государственность государство; экономический строй; социальную, духовно-нравственную (культурную) организацию общества; правовую, информационную системы; человека как основную цель существования государственности².

В узком смысле предлагают рассматривать феномен государственности Ю.В. Ким, Е.В. Чиркин, В.Н. Корзенников. Некоторые ученые ставят знак равенства между государством и государственностью.

Более верной представляется точка зрения, согласно которой государственность – показатель качественного состояния государственно-правовых институтов в определенном обществе, отражающий разнообразные социальные, экономические культурно-исторические, информационные процессы, предопределяющие их свойства, особенности, вектор развития, трансформации и т.п.

Правовая культура – явление конкретно-историческое, однако предыдущий тип правовой культуры не пропадает в одночасье с исчезновением носителей правовой культуры, а продолжает воздействовать (позитивно или негативно) на носителей правовой культуры в последующее историческое время на поведение, деятельность, государственно-правовые и в целом общественные процессы через предметы правовой культуры (правовые институты, формы поведения, язык и т.п.).

Формирующийся «новый» юридический культурный пласт является преемником прежнего. В нем находят закрепление наиболее рациональные, доказавшие свою состоятельность предметы правовой культуры, вместе с тем возможны и противоположные варианты.

¹ См.: Честнов И.Л. Природа и этапы развития государственности // Известия высших учебных заведений. 1998. № 3. С. 35-47.

² См.: Морозова Л.М. Теория государства и права: Учебник. М., 2008 С. 178.

Учитывая высказанные соображения, можно констатировать, что наряду с позитивной особенностью российского правосознания – величайшей духовностью, прочной нравственной основой, в нем присутствуют дефектные проявления в виде нигилистического отношения к праву, которое усилилось в советский период, явилось следствием советской политической демагогии, уверенности граждан в бессилии и избирательности советского закона, несправедливости правосудия. Означенные негативные проявления унаследованы сегодняшней правовой действительностью и в том числе субъектами, применяющими право. К сожалению, данные негативные тенденции нарастают. Международное движение по противодействию коррупции Transparency International представило ежегодный «Индекс восприятия коррупции». Россия опустилась на шесть позиций и заняла 136 место вместе с Нигерией, Ливаном, Ираном, Камеруном и Киргизией.

Как известно, само государство необходимо лишь постольку, поскольку оно обеспечивает, защищает, гарантирует права человека. Не случайно уже свыше трех тысяч россиян обратились за защитой своих прав в Европейский суд, так как у себя дома они не смогли найти справедливость. И жалуются граждане в основном на свое «родное» государство, его чиновников. Граждане не чувствуют защиту со стороны правоохранительных структур, которые в своей деятельности допускают непростительные нарушения, дискредитируют себя, теряют доверие общества.

В России критически низкое доверие к закону, в том числе и потому, что сам закон порой несовершенен, применяется он зачастую непоследовательно, неполно. Как отмечает министр юстиции России А. В. Коновалов: «...у нашего народа исторически не сформировались правовая культура и уважение к закону. Поэтому, когда есть возможность закон обойти, мало кто этим пренебрегает. Для того, чтобы люди почувствовали, что такое закон, поняли, как он работает, осознали его эффективность, свою защищенность законами, нужно, чтобы

законодательство было максимально приближено к запросам социальной среды»¹.

Комплексом правового нигилизма в разной степени страдают практически все граждане и структуры. Поражена этим недугом и сама власть – снизу доверху. Сегодня как никогда, стране нужна четкая государственная концепция борьбы с правовым нигилизмом, продуктивная целевая программа мер и действий всех властных и общественных структур, должностных лиц и граждан. Дальнейшее невнимание к этой проблеме грозит тяжелыми последствиями.

Тесная связь права и политики позволяет классифицировать российскую правовую культуру в зависимости от специфики государственного режима и выделить *демократический, тоталитарный и авторитарный* вид правовой культуры, которые коррелируют с аналогичными типами культуры политической, довлеющей над правовой. Учитывая переходный характер современного российского общества, в науке правовую культуру определяют как *культуру переходного типа, с присущими ей разноректорными, зачастую противоречивыми ценностными мотивациями и ориентациями*².

Данный вывод вполне обоснован и подтверждается всей политико-правовой реальностью: разрушением системы социальной защиты населения, резким имущественным расслоением общества, коррумпированностью государственно-властных структур, непоследовательной политикой государства, снижающей его авторитет и легитимность, низкое качество законодательства, особенно в экономической сфере правового регулирования, низкий уровень законности и др. В силу указанных причин у

¹ Коновалов А.В. Народный контроль закона // Российская газета. № 5510 от 23 июня 2011 г.

² См.: Петручак Л.А. Правовая культура современной России: теоретико-правовое исследование : автореф. дисс. д-ра юрид. наук. Москва, 2012; Балаклеец И.И. Правовая культура в условиях модернизации России: реалии, тенденции и перспективы: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Казань 2012.см. также: Цыбулевская О.И. Государственная власть: нравственное измерение // Правовая культура. 2014. № 2(17). С. 21-30.

значительной части населения отсутствует осознанная мотивация к соблюдению закона. В таких условиях правовая культура зачастую приобретает *политический подтекст* с серьезными протестными и антагонистическими настроениями по отношению к существующей политико-правовой реальности¹.

Резюмируя изложенное, отметим, что в Российском обществе сегодня сложился переходный, преимущественно авторитарный тип правовой культуры, в лоне которого формируется соответствующий тип юридической (правоприменительной) деятельности, характеризующийся «ручным» управлением, лоббированием интересов определенных групп субъектов; излишней бюрократизацией, политической конъюнктурой.

Переходный период можно признать завершенным лишь при установлении определенного качества правовой системы, когда основные ее элементы: законодательство, правоприменение, приобретают стабильность. В этих условиях как указывается, весомыми становятся субъективные факторы, обеспечивающие целенаправленную работу по формированию правосознания, особая роль в данном процессе должна отводиться государству, выполняющему правовоспитательную функцию².

Правовая культура характеризует, прежде всего, субъектов права – носителей правовой культуры, правового сознания и правомерного поведения, которые через свое индивидуальное сознание, поведение, общественные и правовые отношения, юридический язык создают (опредмечивают) материальные и духовные юридические ценности (правовые нормы, правовые акты, отношения, юридическую деятельность, юридическую науку и д.п.).

Правоприменитель является с одной стороны носителем правовой культуры как личность, правовой культуры, выработанной им в процессе

¹ Там же.

² См.: Кунев А.Н. Законность и правовая культура в условиях становления правового государства (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

обучения и профессиональной деятельности. А с другой – субъектом формирования общественной правовой культуры, поскольку он вырабатывает и интерпретирует правовые факты, дает оценки правовым явлениям и утверждает тем самым правовые ценности или антиценности.

К сожалению, или к счастью, – отмечают С.В. Поленина и Е.В. Скурко – в российской правовой культуре, «разрыва» между профессиональной и обыденной правовой культурой практически не наблюдается¹. Действительно, правовая культура опирается на первоначальные акты социализации, которые, в свою очередь не были бы возможны без базовой культуры личности. Человек не способен вне культурного контекста усвоить упорядоченный образ жизни, овладеть языком и научиться человеческим способом удовлетворять свои потребности.

Исследуя правоприменительную культуру, А.В. Кузьмина определяет ее как – предельно адекватную рефлексию правовых ресурсов с целью их творческого использования для достижения максимально значимых результатов². Данное автором определение, верное по сути, является в то же время весьма широким. Им можно охватить не только процесс правоприменения, но и правотворчество, правоохранительную деятельность.

Автор совершенно обоснованно выделил три существенных признака правоприменительной культуры: культура мышления, культура поведения и результативность правоприменительного процесса.

Важнейшим аспектом правоприменительной культуры является правовое мышление, выражающееся в качественном, адекватном, системном осмыслении феномена права (рефлексии правовых процессов, противоречий, коллизий, которые влияют на деятельность по применению права).

¹ См.: Поленина С.В., Скурко Е.В. Право и культура // Российская юстиция. 2007. № 12. С. 2-3.

² См.: Кузьмина А.В. Содержание и функции современной правоприменительной культуры // Власть. 2011. № 4. С. 7.

Ключевыми феноменами в правовом мышлении ученый указывает логику, креативность, интуицию.

Субъекты правоприменительной деятельности как верно подмечено в литературе, должны уметь аргументировать свою позицию, показывать глубокое понимание не только содержания норм права, но и его духа и смысла. Особенно актуально это в условиях пробельности и коллизионности законодательства, наличия в нем все возрастающего количества оценочных понятий. Итогом правоприменительной деятельности являются позитивные изменения в правовом поле и за его пределами, возникающие под непосредственным или опосредованным влиянием не просто правоприменительной деятельности, а той, которая отличается своей культурностью по содержанию и форме¹.

Опираясь на выводы философской науки, следует отметить, что мышление правоприменителя, оценка им происходящего должна опираться на: автономию воли, чувство собственного достоинства, умение относиться к людям, как равным по праву. Особенно важен здесь принцип автономии воли, образующий фундамент нравственного сознания индивида².

Правоприменитель должен принимать решения самостоятельно, без какого-либо давления извне и сам нести за него ответственность. Такое возможно лишь в условиях подлинно демократического государства. В России же правоприменяющие субъекты зачастую действуют по навязываемым им извне правилам. Между тем, «право начинается тогда, – писал Э.Ю. Соловьев, – когда признается способность и возможность человека «быть господином самому себе»»³.

¹ См.: Кузьмина А.В. Там же; см. также: Цыбулевская О.И., Рясина А.С. Нравственно-оценочные категории в современном российском праве. Саратов: Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина, 2015.

² Философия права / под общ. ред. В.П. Сальникова. М., 2002. С. 161.

³ Соловьев Э.Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция: Философский альманах. М., 1990. С. 208.

Правоприменительная культура проявляется в поведении субъектов, в стиле правоприменительной деятельности¹. Правоприменительная деятельность способствует возвышению личностных начал в праве, юридизации личности, формированию, накоплению и использованию правового капитала.

«Поведенческое творчество» правоприменителя рождается в условиях правоприменительного усмотрения, широта которого зависит от сферы деятельности, социально-активного мотивированного поведения субъекта, применяющего право². Возможность усмотрения осложняет искусство применения права, в силу отсутствия однозначных нормативных ориентирующих рамок. В таких условиях должны «включаться» нравственные установки, ограничения, помогающие правоприменителю принять максимально адекватное в рамках законности и справедливости решение, гармонично сбалансированное с точки зрения интересов сторон.

Результативность правоприменительной культуры связана с ее целями: достижение максимально законного, целесообразного и полезного для сторон правоприменительной деятельности результата.

Особое значение приобретает правовая культура правоприменителей-государственных служащих, судей, прокуроров, поскольку уже сама их деятельность формирует уровень правовой культуры общества. Умение регулировать, контролировать и моделировать собственную жизнедеятельность и профессиональное поведение, нравственная позиция правоприменителя, оказывают воздействие на уровень доверия не только к нему как субъекту деятельности, но и к государственным структурам в целом.

Базовым элементом правовой культуры правоприменяющего субъекта является профессиональное правовое сознание, которое может подвергаться

¹ Там же.

² См.: Аверин А.В. Правоприменительная деятельность суда и формирование научно-правового сознания судей: Проблемы теории и практики / под ред. М.И. Байтина. Саратов, 2003.

деформациям в силу специфики деятельности субъектов применяющих право, связанной со сложными морально-психологическими условиями.

В контексте изложенного имеет смысл вновь обратиться к определению сфер юридической деятельности, так как именно от этого зависит достоверный результат выявления уровня правосознания правоприменителя и степень эффективности его деятельности.

В основе данной дифференциации помещен такой критерий как интерес, который позволяет разграничить сферы: публично-правовую и частноправовую. Если юрист представляет интересы государства, органов местного самоуправления, общественных объединений, то деятельность его носит публично-правовой характер. Если лицо, реализующее юридическую деятельность представляет частные интересы (от интересов экономических корпораций до интересов физических лиц) и обращается за помощью адвокатов, в правозащитные организации или государственные бюро (а, может быть, и в юридическую клинику), то речь идет о частноправовой сфере.

В литературе обращается внимание на определенную сложность выполнения функций в частноправовой сфере в условиях, когда еще не сбалансированы публичный и частный интересы. В России в советские времена, как известно, отрицалось деление права на частное и публичное. Соответственно преобладание публичного интереса пока еще присутствует и в сфере правозащитной деятельности. При этом, конечно, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что сама сфера «влияния» юридической корпорации, состоит в ее «включенности» в публичную власть¹.

В самом общем виде сферу практического приложения юридической профессии можно разделить и по кругу субъектов, наделенных полномочиями осуществлять в различных формах (организационно-правовых, процессуальных и других) правоприменительную деятельность.

¹ См.: Профессиональные навыки юриста /под ред. М.В. Немытиной. М., 2014. С. 31.

Дифференцируя означенных субъектов на государственные и негосударственные, можно предположить, что уровень правосознания данных групп субъектов различен. Правоприменители – судьи, прокуроры, следователи, судебные приставы отличаются, как правило, высоким уровнем правовых знаний (правовой идеологии), позволяющей вырабатывать взвешенные оценки права и законодательства и действовать (к сожалению, не всегда) в соответствии с ними.

Непрофессиональные правоприменители (предприниматели, арбитражные управляющие, должностные лица местного самоуправления и др.), не имеющие юридического образования и не обладающие необходимым уровнем правовых знаний, но по роду своей работы занимающиеся, по сути, юридической – правоприменительной деятельностью, обнаруживают низкий уровень правосознания, зачастую страдают правовым инфантилизмом. В то же время, как ни парадоксально, правовая культура правоприменителей – представителей государства далеко не всегда находится на должной высоте. Можно сделать вывод, что в большинстве своем нарушения в их профессиональной деятельности носят умышленный характер.

В связи с этим первоочередной задачей государства является закрепление в нормативно-правовых актах, регламентирующих сферу юридического образования, необходимых требований к образовательным учреждениям, осуществляющим подготовку будущих юристов-правоприменителей, направленных на формирование правовых установок, оказывающих влияние на их профессиональное поведение, позволит не только повысить уровень правовой культуры общества, но и разрешить противоречия, возникающие в сфере реализации субъективных прав личности.

Профессиональная роль юристов в деле укрепления законности отчетливо проявляется во всех сферах правового регулирования, поскольку именно этот механизм они призваны обслуживать, обеспечивая его эффективное функционирование.

Необходимо, чтобы юридическая практика не формально, а на деле опиралась на достижения современной юридической науки. Сегодня с сожалением приходится констатировать, что мнение юристов, как профессиональной группы, в должной мере не учитывается, а ведь именно они должны активно участвовать в процессах правотворчества, совершенствования законодательства, выработать рекомендации по оптимизации правоприменительной практики¹.

Правовая культура правоприменителя должна развиваться в плане её повышения, а также совершенствования её взаимодействия с институтами гражданского общества России. И.И. Балаклеец обоснованно предлагает закрепить в Федеральном законе «О полиции» с целью отображения в его нормах основных граней правовой культуры сотрудников органов внутренних дел, принцип правокультурности как ориентир их деятельности².

Кроме того, целесообразно на федеральном уровне регламентировать организационно-правовые основы системы всеобщего, непрерывного и последовательного правового обучения и воспитания населения, в частности: разработать и утвердить Концепцию гражданско-правового образования и развития правовой культуры в Российской Федерации.

В развитие данной Концепции необходима конкретизация ее положений через принятие федеральных и региональных целевых программ правового просвещения и повышения правовой культуры граждан и должностных лиц. Важнейшее значение в означенной сфере отводится Федеральному закону «О государственной политике Российской Федерации в области юридического образования, правового обучения и воспитания»³.

Особое значение в процессе реализации государственной политики в указанной сфере целесообразно придать устранению несоответствий между

¹ См.: Кунев А.Н. Законность и правовая культура в условиях становления правового государства (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

² Балаклеец И.И. Правовая культура в условиях модернизации России: реалии, тенденции и перспективы : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012.

³ См. Там же.

нормативными декларациями и фактическим положением дел в области преподавания прав человека¹.

Справедливо замечено, что правовая культура и правовое сознание – основа современной политико-правовой парадигмы, обуславливающая цель, средства и результаты общественного развития². Позитивные изменения в данном проблемном поле будут ощутимы в том случае, когда российское общество обретет уверенность в эффективности, стабильности справедливости правовой политики государства, подлинном равенстве, социальной защищенности.

Место и роль правоприменительной культуры обусловлена также ее функциями в механизме социального действия права.

Правоприменительная культура тесно взаимодействует с нравственной культурой. В реальной жизни их трудно разграничить. Многие правовые нормы изначально содержат в себе нравственные принципы. В настоящее время, когда происходит трансформация морали и из «добродетельной» (при которой упор делался на моральную личность (И. Кант), она превращается в институциональную и возвышается над человеком (Г.В. Мальцев), как никогда повышается роль этических кодексов (такого рода документы еще называют «Кодекс профессиональной этики», «Декларация этических норм», «Хартия профессиональных принципов», «Деонтологический кодекс»).

Как пишет в своей статье А.А. Малиновский: «этический кодекс является важнейшим нормативным актом, регламентирующим профессиональную деятельность наравне с действующим законодательством. Его знание и соблюдение – это не только условие профессионального успеха и быстрого карьерного роста для каждого специалиста, но и настойчивое

¹ См.: Балаклеец И.И. Правовая культура в условиях модернизации России: реалии, тенденции и перспективы : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012.

² См.: Петручак Л.А. Правовая культура современной России: теоретико-правовое исследование : автореф. дисс. д-ра юрид. наук. Москва, 2012.

требование общества ко всем представителям социально значимых профессий»¹.

Судейское сообщество само заинтересовано в разработке подобного рода документов. Здесь существенную роль играет репутационный фактор. Кодекс призван защитить судью от необоснованных нападков относительно поведения судей в профессиональной и внесудебной деятельности.

Данные кодексы своими предписаниями дополняют положения законодательных актов, регламентирующих поведение аудиторов, врачей, журналистов, юристов, чиновников. Что касается главных правоприменителей – судей, то в отношении них в настоящее время действует «Кодекс судейской этики». Это уже третий документ судейского сообщества, определяющий этические правила. Первым таким документом для современной России был Кодекс чести судей Российской Федерации, утвержденный Постановлением Совета Судей Российской Федерации от 21 октября 1993 года. Кодекс чести коренным образом изменил ситуацию в судейском сообществе и определил нравственный статус российских судей. На основе данных принципов и с учетом национальных особенностей 2 декабря 2004 года VI Всероссийским съездом судей был принят кодекс судейской этики. Данный кодекс значительно повлиял на укрепление судебной власти, формирование независимого, нравственного судейского корпуса.

Вместе с тем Постановлением Совета Судей Российской Федерации от 30 ноября 2006 года № 172 «О практике применения Кодекса судейской этики» отмечен ряд недостатков. Так, рамочный характер норм кодекса, множество оценочных категорий допускающих большое усмотрение

¹ Малиновский А.А. Кодекс профессиональной этики: понятие и юридическое значение // Журнал российского права. 2008. № 4; См. также Цыбулевская О.И. Профессиональные этические кодексы в российском обществе // Вестник Поволжской академии государственной службы, 2012, № 1 (30), С. 112-117; Tsybulevskaya Olga, Kasaeva Tatyana Professional Ethics Standards in the Russian Legal Field // Law and Modern States / 2013. № 3. S.32-39.

правоприменителя, вызывают необходимость четких и взвешенных рекомендаций в их толковании. В Перечне поручений Президента Российской Федерации по итогам VII Всероссийского съезда судей указывается на необходимость подготовки проекта нового Кодекса судейской этики с закреплением в нем практических рекомендаций.

На VIII Всероссийском съезде судей 19 декабря 2012 года был принят новый кодекс судейской этики. Данная версия кодекса значительно отличается от предыдущей. Некоторые отличия видны невооруженным взглядом. Кодекс стал более объемным - вместо 13 статей он включает в себя 24. Теперь документ подробно рассказывает о том, как должны вести себя судьи - причем не только в профессиональной жизни, но и в быту. Среди некоторых пунктов – следование "высоким стандартам морали и нравственности, быть честным, в любой ситуации сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи". Важная оговорка – обращаясь в государственные органы с личными вопросами, судье не рекомендуется использовать свой статус.

При этом, общаясь с гражданами, судья должен быть корректным - он обязан учитывать обычаи и традиции разных народов, культурные особенности и этнические различия. Судья должен соблюдать высокую культуру поведения в процессе, поддерживать порядок в судебном заседании, вести себя достойно, терпеливо, вежливо в отношении участников процесса и других лиц, присутствующих в судебном заседании, - подчеркивается в кодексе.

Правоприменительная культура выполняет воспитательную, социальную, гуманитарную функции, функцию мотивации интереса к современной цивилизованной и результативной правоприменительной деятельности, способствует повышению правоприменительного профессионализма, компетентности, т.е. правовая культура самопроизводится; воздействует на правотворчество и законодательно,

позитивно влияет на авторитет судебных исполнительных органов власти, на авторитет конкретных правоприменителей, на имидж государственной власти в целом как на внутреннем пространстве, так и на международном.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги научного исследования субъектов правоприменительной деятельности, рассмотренных в контексте современных тенденций децентрализации правового регулирования, развития институтов гражданского общества, целесообразно сделать конкретные выводы.

Правовая регламентация общественных отношений в российской правовой системе воплощается в определенных моделях регулирования, создаваемых в процессах правотворчества и правореализации. Факторы, влияющие на выбор типа правового регулирования, многообразны, однако системообразующими являются типы понимания права, правовые принципы, глобализационные процессы.

Развитие правового регулирования в России происходит в направлении от сугубо государственного, централизованного к децентрализованному, охватывающему локальное, поднормативное, индивидуальное правовое регулирование. В то же время государственное и негосударственное регулирование должны действовать «в унисон». В противном случае обеспечить гармоничное адекватное регулирование общественных отношений не удастся, во-первых, в силу определенной абстрактности, «оторванности» государственного регулирования от конкретных отношений, развивающихся во времени и пространстве, а во-вторых, по причине «заземленности», привязанности индивидуального регулирования к условиям конкретного субъекта (организации).

Об эффективном правовом регулировании можно говорить в случае, если оно обеспечивает правомерное поведение людей, предотвращает противоправные поступки, организует и упорядочивает сложную систему общественных отношений.

Правоприменительная деятельность – самостоятельный элемент механизма правового регулирования, автономный тип реализации права. Она представляет собой публично-властную, социально-значимую,

ответственную деятельность компетентных субъектов по вынесению индивидуального предписания на основе высокого уровня правовой культуры, с целью реализации субъективных прав и юридических обязанностей сторон, обеспеченная в необходимых случаях принудительной силой государства.

Важнейшими характеристиками правоприменения являются:

1. Применение права – вид юридической деятельности, обеспечивающей реализацию правовых предписаний в отношении индивидуально-определенных субъектов и обстоятельств. Понятия «применение права» и «правоприменительная деятельность» соотносятся между собой как содержание и форма.

Будучи разновидностью управленческой деятельности, правоприменение охватывает как сугубо юридические, так и организационные действия.

2. Правоприменительная деятельность осуществляется соответствующими компетентными органами (субъектами), которые могут иметь статус органов государственной власти и должностного лица, а могут быть негосударственными (например, органы и должностные лица местного самоуправления, нотариусы, уполномоченные государством осуществлять применение права).

3. Деятельность по применению права носит публично-властный характер. Ее основанием является одностороннее волеизъявление компетентного органа; обязательность к исполнению актов применения права, принятых к исполнению в соответствии с законом, всеми лицами, которым они адресованы; обеспеченность исполнения актов применения права государственным принуждением.

Властный характер деятельности правоприменителя «привязан» к его компетенции, за рамки которой он выходить не может.

4. Правоприменительная деятельность осуществляется в специально установленных законом формах: контроля, надзора, разрешения спора о

праве, наложения санкции, конкретизации. Правоприменительные отношения, составляющие содержание данного вида юридической деятельности, имеют материально-процессуальную правовую природу.

5. Следует отметить творческий характер правоприменительной деятельности, ее воспитательное значение. В связи с этим важнейшим является вопрос о правовой культуре правоприменяющего субъекта, который властен либо укрепить авторитет государства, либо окончательно разрушить его. Посредством применения права правовая культура, воздействуя на субъектов, способствует юридикации личности, формированию, накоплению и использованию ею правового капитала, возвышению личностных начал в праве.

6. Важнейшая характеристика правоприменительной деятельности – повышенная социальная значимость и вследствие этого ответственность властного субъекта за ее отправление.

7. Итогом правоприменительной деятельности является правоприменительный акт, который выносится по результатам рассмотрения конкретного дела и адресован конкретному адресату; имеет властный характер, так как функционирует на основании закона (воли государства); предписывает субъективное право и юридическую обязанность участникам спорного правоотношения; направлено на властную реализацию правовых норм и поднормативно-правовое регулирование; выступает в качестве способа реализации принуждения, в котором переплетаются государственный и частноправовой элементы; должно отвечать тем требованиям, которые предъявляются к нему законодательством, соглашением сторон третейского разбирательства и регламентами.

Определение «системы координат» правоприменительной деятельности является важным основанием исследования *субъекта правоприменения* – центрального элемента, интегрирующего все содержание правоприменительного механизма. Необходимо различать субъекта-

правоприменителя и участников правоприменительной деятельности. Основным критерием их разграничения является интерес.

Исходя из «широкой» трактовки субъектов правоприменительной деятельности можно сформулировать их признаки: учреждаются как частными лицами, так и государством т.е. имеют частноправовую, публично-правовую и смешанную (частно-публичную) природу; наделены властными полномочиями на выполнение отдельных публичных функций; имеют специальную правосубъектность; реализуют публичный интерес, действуют в интересах третьих лиц с целью достижения общего блага; несут публично-правовую ответственность.

Субъект правоприменительной деятельности, таким образом, – это лицо, обладающее специальной правосубъектностью, наделенное публично-властными полномочиями, реализующее права и законные интересы третьих лиц с целью достижения общего блага.

В современных условиях государство наделяет публичными функциями негосударственных субъектов – (например, нотариальные, адвокатские палаты, саморегулируемые организации арбитражных управляющих и др.), нотариусов, третейские суды, поручая им, в том числе, выполнение правоприменительной деятельности в отдельных сферах общественных отношений. Характер их правоприменительной деятельности различен по объему, направленности, степени императивности и т.д. В то же время указанные субъекты наделены государственными функциями и в их деятельности в той или иной мере отражаются традиционно сложившиеся в науке признаки правоприменительной деятельности: направленность на реализацию чужих интересов; принудительный характер; процессуальная форма; наличие юридической ответственности в случае ненадлежащего правоприменения; наличие официального правоприменительного акта как итога правоприменительной деятельности.

Формирование целостной концепции делегирования государством публично-властных полномочий ждет своего часа. Правоприменительные

полномочия налагают особую ответственность на лиц, их реализующих, поскольку напрямую затрагивают права и законные интересы многих субъектов. Особенно это касается «новых» правоприменителей – отдельных структур гражданского общества, зачастую не имеющих «багажа» правовых знаний и соответствующего опыта. Такая деятельность должна находиться под контролем государства, и обеспечиваться, в случае необходимости, мерами ответственности правоприменителей. Все это требует унифицированного подхода и законодательного оформления.

Результатом и одновременно критерием эффективности правоприменительной деятельности выступают акты применения права. Осмысление правоприменительных актов в контексте предпринятого исследования осложняется отсутствием комплексного учения о правовых актах. Обращает на себя внимание тот факт, что теоретические вопросы техники создания индивидуальных актов разработаны гораздо в меньшей степени по сравнению с техникой законодательной и кодификационной.

Зачастую происходит игнорирование правил юридической техники при составлении индивидуальных актов вообще, и актов применения права, в частности; отмечается несоответствия содержания и формы правоприменительных актов. Приказ, постановление, распоряжение должны быть формами исключительно индивидуальных правоприменительных актов, сегодня же в означенных формах издаются и нормативные акты. В связи с чем возникла настоятельная необходимость внести изменения в «Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации».

Принятие смешанных актов должно иметь место в исключительных случаях. Необходимо установить четкие пределы компетенции властных органов в части издания актов строго определенных видов и форм и закрепить их с помощью принятия федерального закона «О системе правовых актов в Российской Федерации».

Правовой мониторинг необходимо использовать более широко, именно благодаря анализу законодательства и практики его применения возможна выработка рекомендаций и предложений по корректировке законодательства.

В качестве субъектов мониторинга правоприменительной практики целесообразно привлекать негосударственных правоприменяющих субъектов, и обязательно учитывать результаты их экспертной деятельности. Вовлечение структур гражданского общества в мониторинговую деятельность позволило бы использовать интеллектуальный потенциал общества, способствовало снижению степени отчужденности между властью и населением, остроты социальной конфликтности, повышению уровня общественного согласия; преодолению традиций правового нигилизма с помощью формирования чувства сопричастности к значимым процессам правотворчества, правореализации, ответственности за их результаты.

Необходимо закрепить на федеральном уровне принципы мониторинговой деятельности, разделив их на: содержательные и организационные или общие и специальные. По нашему мнению среди принципов проведения мониторинга, в качестве основных (содержательных) следует назвать: законность, гласность, демократизм, научность, профессионализм; организационный характер имеют принципы системности, плановости и др.

Обязанность размещению на общедоступном портале результатов экспертизы в качестве обязательных сведений необходимо регламентировать законодательно, ибо публичность и обязательность таких действий, наличие в экспертных заключениях на нормативно-правовые акты раздела о результатах анализа правоприменительной практики, об оценке результатов общественных, независимых экспертиз повысит их значимость.

Диссертант разделяет мнение о целесообразности формирования единой электронной информационно-аналитической системы «Мониторинг законодательства и правоприменения». Это позволит придать системность работе по сбору, анализу, оценке правовой информации и повысить

эффективность взаимодействия между органами государственной власти разных уровней и институтами гражданского общества.

Исследование любого социального института невозможно вне культурного контекста. Правовая культура есть условие функционирования механизма действия права, элемент и инструмент правового воздействия.

В российском обществе сегодня сложился переходный преимущественно авторитарный тип правовой культуры, в лоне которого формируется соответствующий тип юридической (правоприменительной) деятельности, характеризующийся «ручным» управлением, лоббированием интересов определенных групп субъектов; излишней бюрократизацией, политической конъюнктурой. В данных условиях особая роль в данном процессе должна отводиться государству, выполняющему правоспитательную функцию.

Первоочередной задачей государства в деле повышения уровня правовой культуры правоприменителей является закрепление в нормативно-правовых актах, регламентирующих сферу юридического образования, необходимых требований к образовательным учреждениям, осуществляющим подготовку будущих юристов-правоприменителей, направленных на формирование правовых установок, оказывающих влияние на их профессиональное поведение, позволит не только повысить уровень правовой культуры общества, но и разрешить противоречия, возникающие в сфере реализации субъективных прав личности.

Правоприменительная культура выполняет воспитательную, социальную, гуманитарную функции, функцию мотивации интереса к современной цивилизованной и результативной правоприменительной деятельности, способствует повышению правоприменительного профессионализма, компетентности, т.е. правовая культура самопроизводится; позитивно влияет на авторитет судебных, исполнительных органов власти, на авторитет конкретных правоприменителей, на имидж государственной власти в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. ст. 4398.
2. Федеральный конституционный закон от 17.12.1997 № 2-ФКЗ (ред. от 14.12.2015) "О Правительстве Российской Федерации" // Российская газета, № 245, 23.12.1997.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 05.10.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч.1), ст. 3; 2015. № 41 (ч. II). ст. 5639.
4. Федеральный закон от 17 мая 2007 г. № 82-ФЗ «О банке развития» (ред. от 21.07.2014) // СЗ РФ. 2007, № 22, ст. 2562.
5. Федеральный закон от 19.07.2007 № 139-ФЗ (ред. от 31.05.2010) "О Российской корпорации нанотехнологий" (В соответствии с Федеральным законом от 27.07.2010 N 211-ФЗ Российская корпорация нанотехнологий реорганизована в форме преобразования в открытое акционерное общество.) // Парламентская газета, № 96-97, 26.07.2007.
6. Федеральный закон от 01.12.2007 № 317-ФЗ (ред. от 31.12.2014) "О Государственной корпорации по атомной энергии "Росатом" // Собрание законодательства РФ, 03.12.2007, № 49, ст. 6078.
7. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 28.11.2015) "О прокуратуре Российской Федерации" // Российская газета, № 229, 25.11.1995.

8. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 28.11.2015, с изм. от 29.12.2015) "О статусе судей в Российской Федерации" // Российская газета, № 170, 29.07.1992.
9. "Основы законодательства Российской Федерации о нотариате" (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1);(ред. от 29.12.2015);(с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) // Российская газета, № 49, 13.03.1993.
- 10.Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2015) "О несостоятельности (банкротстве)" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) // Собрание законодательства РФ, 28.10.2002, № 43, ст. 4190.
- 11.Федеральный закон от 24.07.2002 № 102-ФЗ (ред. от 21.11.2011, с изм. от 29.12.2015) "О третейских судах в Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ, 29.07.2002, № 30, ст. 3019.
- 12.Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ (ред. от 13.07.2015, с изм. от 29.12.2015) "О саморегулируемых организациях" // Российская газета, № 273, 06.12.2007.
- 13.Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 13.07.2015) "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ, 10.06.2002, № 23, ст. 2102.
- 14.Указ Президента РФ от 20.05.2011 № 657 (ред. от 25.07.2014) "О мониторинге правоприменения в Российской Федерации" (вместе с "Положением о мониторинге правоприменения в Российской Федерации") // Собрание законодательства РФ, 23.05.2011, № 21, ст. 2930.
- 15.Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 (ред. от 27.08.2015) "Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации" // Российская газета, № 161, 21.08.1997.
16. Постановление Правительства РФ от 19.08.2011 № 694 "Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ, 29.08.2011, № 35, ст. 5081.

17. Постановление Правительства РФ от 01.06.2004 № 260 (ред. от 29.12.2015) "О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации" // Российская газета, № 119, 08.06.2004.
18. Постановление Правительства РФ от 28.07.2005 № 452 (ред. от 27.08.2015) "О Типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти" // Российская газета, № 171, 05.08.2005.
19. Приказ Минюста России от 04.03.2010 № 51 (ред. от 03.04.2012) "Об утверждении Положения о Департаменте законопроектной деятельности и мониторинга правоприменения" // Бюллетень Минюста РФ, № 6, 2010.
20. "Регламент Третейского суда для разрешения экономических споров при Торгово-промышленной палате Российской Федерации" (утв. Приказом ТПП РФ от 22.06.2006 № 48); (ред. от 09.06.2011); (вместе с "Положением о третейских сборах и расходах").
21. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2013 "Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию" // Российская газета, № 282, 13.12.2013.
22. Концепция развития корпоративного законодательства на период до 2008 года // Закон. 2006. № 9. С.9-36.
23. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.
24. "Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих" (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21)) // Официальные документы в образовании, № 36, декабрь, 2011.

25. "Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации" // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <https://нотариат.рф/> по состоянию на 19.11.2015.
26. "Кодекс профессиональной этики адвоката" (принят Первым Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003); (ред. от 22.04.2015) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ, № 3, 2013.
27. Приказ Генпрокуратуры РФ от 17.03.2010 № 114 (ред. от 22.04.2011) "Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации" // Законность, № 6, 2010.
28. "Кодекс судейской этики" (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) // Бюллетень актов по судебной системе, № 2, февраль, 2013.

Судебная практика

29. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.1998 № 15-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате" // Собрание законодательства РФ, № 22, 01.06.1998, ст. 2491.
30. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П "По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева" // Собрание законодательства РФ, 16.01.2006, № 3, ст. 335.
31. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 27.04.2006 N Ф04-1643/2006(21748-А46-12) по делу N 12-236/05. Дело по заявлению об отмене решения третейского суда по иску о взыскании долга за выполненные работы направлено на новое рассмотрение, поскольку арбитражный суд, удовлетворив это заявление, сделал необоснованный вывод о публично-правовом характере спора, кроме того, арбитражный

- суд вышел за пределы своей компетенции, фактически пересмотрев решение третейского суда. // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=AZS;n=35246>.
32. Постановление ФАС Московского округа от 29.06.2007, 02.07.2007 N КГ-А40/3904-07 по делу N А40-45834/06-91-328. В удовлетворении исковых требований о нечинении препятствий в пользовании арендуемым помещением отказано правомерно, так как материалами дела установлено, что состояние здания, в котором истец арендует помещение, признано аварийным и доступ в него запрещен. // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=AMS;n=83617>.
33. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 09.12.2009 по делу N А53-18946/2009. Суд обязал выдать исполнительный лист на принудительное исполнение решения третейского суда. Суд установил отсутствие оснований для отказа в выдаче исполнительного листа, предусмотренных статьей 239 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ASK;n=55428>.

Научная литература

34. Аверин А.В. Правоприменительная деятельность суда и формирование научно-правового сознания судей. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2003. 308 с.
35. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юридическая литература, 1966. 188 с.
36. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1989. 288 с.
37. Алексеев С. С. Теория права. М.: Бек, 1994. 224с.
38. Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М.: Юридическая литература, 1971. 223 с.

39. Алехин А.П., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации. М.: ТЕИС, 1994. Ч. 1. Ч. 1: Сущность и основные институты административного права. 280 с.
40. Бабаев С.Н. Прокурорский надзор как способ обеспечения законности правовых актов управления: Монография. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 2005. 208 с.
41. Бондарев А.С. Правовая культура – фактор жизни права [Текст]: монография М.: Юрлитинформ, 2012. 245 с.
42. Вопленко Н.Н. Очерки общей теории права. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 896с.
43. Вопленко Н.Н. Реализация права: Учебное пособие. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. 48с.
44. Социалистическая законность и применение права / Под ред. М. И. Байтина. Изд-во Саратовского ун-та, 1983. 184 с.
45. Гайворонская Я.В. Правовые акты Российской Федерации: общетеоретический аспект исследования: монография / В. Г. Балковая, Российская таможенная академия, Владивостокский филиал, Я. В. Гайворонская. Владивосток: ВФ РТА, 2009. 100 с.
46. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юридическая литература, 1972. 258с.
47. Горшенев В.М. Юридическая процессуальная форма. Теория и практика: Монография. М.: Юридическая литература, 1976. 278с.
48. Дробышевский С.А., Данцева Т.Н. Формальные источники права. М.: Норма. 2011. 160 с.
49. Дюрягин И.Я. Применение норм советского права: Теоретические вопросы. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство. 1973. 248с.
50. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. 218 с.

51. Карташов В.Н. Правоприменительная практика в социалистическом обществе. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1986. 87 с.
52. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: учебное пособие в 2 томах. Т. I. Ярославль: ЯрГУ, 2005.Т.1. 547 с. (Серия «Ярославская юридическая школа начала XXI века»)
53. Карташов В.Н., Вантеева Н.В. Ошибочная юридическая деятельность органов местного самоуправления (некоторые методологические, теоретические и практически-прикладные аспекты проблемы). – Ярославль: Ремдер, 2010. – 184 с.
54. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества (инновационный подход к фундаментальной юриспруденции): научное издание для бакалавров и магистров; Министерство образования и науки Российской Федерации; Министерство образования и Науки Республики Армения; - Ер.: Лимуш, 2014. -228 с.
55. Карташов В.Н. Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества: сб. науч. тр. / отв. ред. проф. В.Н. Карташов; Яросл. Гос. ун-т. – Ярославль: ЯрГУ, 2015, - Вып. 14. 180 с.
56. Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник. М.: Эксмо, 2007. 512 с.
57. Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник, — 2-е изд., пересмотр. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. — 496 с.
58. Книпер Р. Закон и история: о состоянии и изменениях Герман. Граждан. Уложения / Рольф Книпер; Р. Книпер.- Алматы: Номос, 2005. 277с.
59. Кулагин М.И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо. М., "Наука", 1987. 176 с.
60. Кулапов, В.Л., Медная, Ю.В. Поднормативное правовое регулирование: Монография Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «СГАП», 2009. 188 с.
61. Курочкин С.А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. М.: Волтерс Клувер. 2007. 272 с.

62. Лазарев В.В. Применение советского права. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. 200 с.
63. Лазарев В.В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1982. 143 с.
64. Лазарев В.В. Общая теория права и государства: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1996. 472 с.
65. Лазарев В.В., Липень С.В., Саидов А.Х. Проблемы теории jus: учебник для магистрантов юридических вузов. М.: Норма: НИЦ Инфра-М, 2014. 656 с.
66. Лукашева Е.А. Право. Мораль. Личность. М., "Наука". 1986. 264 с.
67. Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. М.: Юридическая литература, 1973. 344 с.
68. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М.: Издательство "Юристъ", 2004. 250 с.
69. Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. СПб.: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. 864 с.
70. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005. 517 с.
71. Матузов Н.И. Теория государства и права. Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., Норма: НИЦ Инфра-М. 2012. 640 с.
72. Минникес И.А. Индивидуальное правовое регулирование: понятие, правотворческая деятельность, правовые акты. Иркутск: Институт законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского, 2009. 72 с.
73. Морозова Л.М. Теория государства и права: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / Под ред. В. М. Сырых. М.: Эксмо, 2008. 528 с.
74. Научно-практический комментарий к Федеральному закону "О третейских судах в Российской Федерации" с обзором судебно-арбитражной практики (постатейный) / Р.С. Бевзенко, С.Б. Зайнуллин,

- О.Н. Курскова и др.; под ред. А.Н. Лысенко, А.А. Хорошева. М.: Деловой двор, 2011. 376 с.
75. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм / П.Е. Недбайло. М.: Госюриздат, 1960, 150 с.
76. Немытина М.В. Альтернативное правосудие в России // Развитие альтернативных форм разрешения правовых конфликтов / под ред. М.В. Немытиной. Саратов: Изд-во Саратовской гос. акад. права. Ч. 2, 2000. 256 с.
77. Новик Ю.И. Психологические проблемы правового регулирования. Минск: Университетское, 1989. 135 с.
78. Орзих М.Ф. Право и личность [Текст]: вопросы теории правового воздействия на личность соц. общества. Киев; Одесса: Вища школа, 1978. 143 с.
79. Осипов М.Ю. Понятие и соотношение правового регулирования и правотворчества. М.: Издательство: Современный гуманитарный университет (СГУ). 2010. 221 с.
80. Пиголкин А. С., Николаева М.Н., Студеникина М.С. и др. Правоприменение в советском государстве. М.: Юридическая литература. 1985. 304 с.
81. Проблемы теории государства и права / под ред. А.В. Малько. М.: Юрлитинформ 2012. 592 с.
82. Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М.: Юридическая литература, 1991. 144 с.
83. Психологический механизм юридической деятельности (личностный аспект): монография / под общ. ред. В.Н. Карташова; Яросл. Гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2010. – 164 с. – Серия «Ярославская юридическая школа начала XXI века»).
84. Рабинович П.М. Теория юридического процесса/ Под общ. ред. В.М. Горшенева. - Харьков: Вища шк., 1985. 192 с.

85. Радько Т.Н. Теория государства и права: учебник. 2-е изд. М.: Проспект, 2011. - 744 с.
86. Рудковский, В. А. Правовая политика и осуществление права: монография / В. А. Рудковский; под ред. Н. Н. Вопленко. — Волгоград: ВА МВД России, 2009. — 336 с.
87. Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права. СПб. Издательство Санкт-Петербургского гуманитарного института профсоюзов, 2002. 152 с.
88. Скворцов О.Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: Проблемы. Тенденции. Перспективы. Скворцов О.Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: проблемы, тенденции, перспективы. - Волтерс Клувер, 2005. 704 с.
89. Спиридонов Л.И. Теория государства и права. Учебник. М.: Проспект, 1996. 304 с.
90. Старилов Ю.Н. Административное право. Воронеж, 2001. Ч. 2. 624 с.
91. Сырых В. М. Логические основания общей теории права: В 2 т. Т. 1: Элементный состав. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2001. 528 с.
92. Тихомиров Ю.А. Управление на основе права. М.: Формула права, 2007. 485 с.
93. Тихомиров Ю.А. Современное публичное право: монографический учебник. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М.: Эксмо, 2008. 448 с.
94. Тихомиров Ю.А. Правоприменение: теория и практика. М.: Формула права. 2008. 432 с.
95. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2008. 400 с.
96. Философия права / под общ. ред. В.П. Сальникова. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. 240 с.

97. Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права. Саратов: ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. 220с.
98. Цыбулевская О.И. Принципы права // Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов: СВШ МВД РФ, 1995. С. 122-125 .
99. Цыбулевская О.И. Мораль. Право. Власть. Монография, Саратов ПАГС, 2004.124 с.
100. Цыбулевская О.И., Рясина А.С. Нравственно-оценочные категории в современном российском праве. Саратов: Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина, 2015. 148 с.
101. Цыбулевская О.И., Кораблина О.В. Правовое государство и правоприменительное усмотрение // Формирование правового государства в России: путь к справедливому обществу. Саратов, 2008. 212 с.
102. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М., ЮРАЙТ, 2003. 432 с.
103. Чиркин В.Е. Юридические лица публичного права. М.: НОРМА, 2007. 352с.
104. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки / История русской правовой мысли. Биографии. Документы. Публикации. М.: Остожье, 1998. - 603 с.
105. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Москва: издание Бр. Башмаковых. 1911. - 858 с.
106. Элькин П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М.: Юридическая литература, 1967. 192с.

Научные статьи

107. Аверин А.В. О предопределенности правоприменения системной сущностью права // Система права в Российской Федерации: проблемы теории и практики: Сб. науч. ст. Матер. V ежегодной междунар. науч.

- конф. 19-22 апреля 2010 г. / отв. ред. В.М. Сырых, С.А. Рубаник. М.: РАН, 2011.
108. Бошно С.В., Пытикова Т.А. Приказ: нормативный или правоприменительный акт? // Юрист, 2005, № 10. С. 10-12.
109. Быстрижна Е. Лакатош М. Некоторые вопросы правового регулирования в социалистическом обществе // Советское государство и право. 1964, №2. С.15-23.
110. Вайпан В.А. К вопросу о юридических лицах публичного права // Право и экономика, 2011. № 3. С.4-6.
111. Галаган И.А., Василенко А.В. К проблемам теории правоприменительных отношений // Государство и право. 1998. № 3. С.12-19.
112. Гейвандов Я.А. О соотношении публичных и частноправовых начал в сфере регулирования банковской деятельности // Банковское право. 2001. № 1. С.11-17.
113. Глухарева Л.И., Никитин Н.А. О проблемах мониторинга законодательства и правоприменительной практики: оценки, предложения, прогнозы: Муромцевские чтения: Материалы XXIII Междунар. науч. конф. Москва, 18 апреля 2013 г. / Под ред. Н.И. Архиповой, С.В. Тимофеева. Вестник РГГУ. - М.: РГГУ, 2013, № 19 (120). С. 191-197.
114. Горшенев В.М. О природе процессуального права // Правоведение. 1974. № 2. С.45-52.
115. Дегтярев С.Л. Емалтынов А.Р. Действие принципа конфиденциальности на различных этапах третейского разбирательства // Российский судья. 2007. № 4. С.21-25.
116. Денисенко В.В. Теория правового регулирования в отечественной правовой науке: поиск новой методологии // Вопросы правоведения. 2014. № 4. С. 70-86.

117. Денисов С.А. Саморегулирование или самоорганизация // Гражданское право современной России / Сост. О.М. Козырь и А.Л. Маковский.
118. Дмитриев Ю.А., Черемных Г.Г. Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека // Государство и право. 1997. № 8. С.44-50.
119. Егорова, Н. Е., Помазанский, А. Е.,мл. науч. сотр., Потапенко, В. С.,мл. науч. сотр. Интересы в праве: Мнение молодых ученых /Н. Е. Егорова, А. Е. Помазанский, В. С. Потапенко //Журнал российского права. -2005. - № 9. - С. 149 – 163.
120. Ермолаева А.В. Методология подготовки нормативных актов федеральных органов исполнительной власти (документоведческий аспект) // Власть. 2011. № 11. С. 76-80.
121. Жильникова Е.В. Проблемы разграничения понятий «субъект права» и «субъект правоотношений» // Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. II. С.74-77.
122. Карташов В.Н. Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу о соотношении) // Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 6-23.
123. Карташов В.Н., Вантеева Н.В. Правотворческая практика органов местного самоуправления: пути повышения эффективности / Взаимодействие гражданского общества и государства в России: правовое измерение: монография / кол. авт.; под ред. О.И. Цыбулевской.– Саратов: Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина, 2013. – 404 с.
124. Кашина М.Е. Конфиденциальность как принцип и специфическая черта третейского разбирательства // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. №6. С.37-39.
125. Коновалов А.В. Народный контроль закона // Российская газета. № 5510 от 23 июня 2011 г.

126. Кононенко Ю.А. Правоприменительная деятельность третейских судов Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. № 3 (16). С.212-214.
127. Кузьмина А.В. Содержание и функции современной правоприменительной культуры // Власть. 2011. № 4. С. 9-12.
128. Кузьмина А.В. О моделях восприятия правоприменительной реальности // Система права в Российской Федерации: проблемы теории и практики: Сборник научных статей. Материалы V ежегодной международной научной конференции, 19-20 апреля 2010 г. / Отв. ред. В.М. Сырых, С.А. Рубаник. М., 2011.
129. Курочкин С.А. Дискуссия о частном процессуальном праве // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 1. С.37-38.
130. Лабутин С.Ю. Саморегулирование как альтернатива лицензированию (эффективные формы регулирования строительной отрасли) // Законодательство. 2008. № 3. С.34- 40.
131. Лескова Ю.Г. Саморегулирование как негосударственное правовое регулирование // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. I. С. 132-137.
132. Лупарев Е.Б. Эволюция теории правоприменительных отношений // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2011. № 1. С.194-207.
133. Малько А.В., Гайваронская Я.В. Теория правовых актов: необходимость и пути создания // Государство и право. 2012. № 2. С. 15-24.
134. Мартьянов И.В., Рабинович П.М. Рецензия на книгу И.Я. Дюрягина «Применение норм советского права» // Правоведение. 1975. №1. С. 122-123.
135. Минникес И.А. Индивидуальное правовое регулирование как научная проблема // Академический юридический журнал, 2006. С. 4-7.

136. Минникес И.А. Индивидуальное правовое регулирование как самостоятельный вид правового регулирования // Российский юридический журнал. 2006. № 2. С. 19-25.
137. Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я. Административная реформа в России: некоторые итоги и задачи юридической науки // Журнал российского права. 2006. № 11. С. 11–18.
138. Немытина М.В. Право России: трансформация частных интересов в публичные // Публичное, корпоративное, личное право: проблемы конфликтности и перспективы консенсуальности : матер. V Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 2–3 дек. 2005 г. / под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. В 2 ч. СПб., 2005. Ч. 1. С. 20-25.
139. Нехайчик В.К. Правовая культура как элемент механизма административно-правового воздействия // Правовые культуры. Жидковские чтения: матер Всерос. науч. конф. Москва, 25 марта 2011 г. / Под ред. Г.И. Муромцева, М.В. Немытиной. М.: РУДН, 2012. 438 с.
140. Павлодский Е.А. Саморегулируемые организации: мода или тенденции // Право и экономика. 2003. № 3. С.46-48.
141. Перегудов И.В., Тай Ю.В. Саморегулируемые организации арбитражных управляющих // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2003. № 7. С.114-131.
142. Плескачевский В.С. Все СРОчно в бизнес // Законы России. 2009. № 2. С.6-9.
143. Поленина С.В., Скурко Е.В. Право и культура: от правовой культуры к культурным правам [Текст] / С. В. Поленина, Е. В. Скурко // Российская юстиция. - 2007. - N 12. - С. 2-5.
144. Потапов В.А. Государственное и локальное регулирование деятельности организаций в Российской Федерации // Публичные и частные интересы в российском законодательстве: сб мат. науч.-практ. конф. / Отв.ред. Ю.А. Тихомиров. М.: Юрист, 2005.

145. Поярков С.Ю. Идеология легитимности российской государственной власти // Право и политика. 2009. № 5. С. 968-973.
146. Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права. Тема: «Правовое регулирование и его механизм» // Сибирский юридический вестник. 2003. № 1. С. 3-7
147. Пьянов Н.А. О правовом и государственном регулировании // Академический юридический журнал. 2010. № 4 (42). С. 13-17.
148. Рабинович П.М. Рецензия на книгу В.В. Лазарева «Применение норм советского права» // Советское государство и право. 1973. № 6. С. 145-146.
149. Романовская О.В. Проблемы делегирования государственно-властных полномочий субъектам частного права: современная доктрина и практика // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 148-154.
150. Рыбакова С.В. О юридических лицах публичного права // Власть и право: сб. науч. тр. по матер. Общерос. науч.-практ. конф. 12-14 октября 2012 г. / отв. ред. О.В. Белянская. Тамбов, 2013.
151. Самощенко И.С. О правовых формах осуществления функций советского государства // Советское государство и право. 1956. № 3. С.81-91.
152. Самусевич А.Г. К проблеме соотношения понятий «правоприменительная деятельность» и «правоприменение» (теоретико-правовой анализ) // Вопросы современной юриспруденции : материалы XXVIII международной заочной научно-практической конференции. (28 августа 2013 г.) Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. С.84-90.
153. Сапун В.А. Правоприменительная деятельность: особенности и структура // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3. С. 185-191.
154. Севастьянов Г.В. Теоретические основы альтернативного разрешения споров: концепция частного процессуального права // Хрестоматия альтернативного разрешения споров: Учебно-методические материалы и практические рекомендации / Сост. Г.В. Севастьянов. - СПб: АНО «Редакция журнала «Третейский суд», 2009. С. 91-121.

155. Скловский К.И. Вопрос о пределах вмешательства государства в частную собственность в судебной практике // Хозяйство и право. 2002. № 6. С.31-41.
156. Соловьев Э.Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция: Философский альманах. М., 1990. С 163-234.
157. Сорокин В.Д. Правовое регулирование: Предмет, метод, процесс // Правоведение. 2000. № 4. С.34-35.
158. Суханов Е.А Третейские суды в системе торгово-промышленных палат: состояние дел и перспективы развития // Хозяйство и право. 2003. №3. С.72-76.
159. Талапина Э.В. Реформы государственного управления: сравнительно-правовой анализ // Правоведение. 2008. № 2. 238-253.
160. Тиунов О.И. О взаимосвязи правового мониторинга международных и внутригосударственных актов // Мониторинг законодательства и правоприменительной практики: оценки, предложения, прогнозы: Муромцевские чтения: Матер. XIII Междунар. науч. конф. Москва, 18 апреля 2013 г. / под ред. Н.И. Архиповой, С.В. Тимофеева, М., 2013. С.203-209.
161. Тихомиров Ю.А. О мониторинге закона // Президентский контроль. 2004. № 8. С.27-33.
162. Толстик В. А. От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание права // Государство и право. 2004. № 9. С.13-21.
163. Турбанов А.В. Институт юридического лица публичного права в системе финансового права // Институциональные проблемы современного финансового права: сб. науч. тр. (по матер. Междунар. науч.-практ. конф., Саратов, 2 июня 2011). Саратов, 2011.
164. Хабриева Т.Я. Современные юридические технологии в теории и практике правотворчества и правоприменения // Эффективность законодательства и современные юридические технологии (материалы

- заседания Международной школы-практикума молодых ученых-юристов. Москва 29-31 мая 2008 г.) / Отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., 2009. С.152-157.
165. Цыбулевская О.И. Правоприменение: нравственные проблемы // Правовая политика и правовая жизнь. 2005. № 3. С.72.
166. Цыбулевская О.И., Милушева Т.В. Усмотрение в правоприменении: теоретический аспект // Юридические записки кафедры гражданского права и процесса. Сборник научных статей. Вып. 3 / отв. ред.: Назаров В.В., Пузилов Р.В. Тамбов, 2007. С. 132-149.
167. Цыбулевская О.И., Милушева Т.В. Нравственно-правовая культура субъектов власти и некоторые вопросы применения по усмотрению // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 4. С. 18-39.
168. Цыбулевская О.И. Государственная власть: нравственное измерение // Правовая культура. 2014. № 2(17). С. 21-30.
169. Цыбулевская О.И., Хмелева Т.В. Применение оценочных категорий в частном праве: вопросы теории // Язык и логика закона и права: Муромцевские чтения: Материалы XXIV Междунар. Науч. конф. Москва, 17 апреля 2014 г. /под ред. Н.И. Архиповой, С.В. Тимофеева. М.: РГГУ, 2014
170. Цыбулевская О.И., Хмелева Т.И. Третейский суд: некоторые вопросы правоприменительной деятельности // Вестник Саратовской государственной юридической академии, 2014. № 3(98). С. 52-58.
171. Цыбулевская О.И., Ермолаева А.В. Правовые акты органов исполнительной власти: погрешности юридической техники // Юридическая техника. Ежегодник. «Стратегия, тактика, техника законотворчества (взаимосвязь, инновационные достижения, ошибки) 2015. № 9. С. 289-291.
172. Tsybulevskaya Olga, Kasaeva Tatyana Professional Ethics Standards in the Russian Legal Field // Law and Modern States / 2013. № 3. S.32-39.
173. Цыгановкин В.А. Институционный и дискреционный методы и типы правового регулирования // Юриспруденция. 2011. № 3. С. 118-126.

174. Честнов И.Л. Мониторинг юридической практики в контексте режима законности / Мониторинг законодательства и правоприменительной практики: оценки, предложения, прогнозы: Муромцевские чтения: Материалы XXIII Междунар. науч. конф. Москва, 18 апреля 2013 г. / Под ред. Н.И. Архиповой, С.В. Тимофеева. М.: РГГУ, 2013.
175. Честнов И.Л. Природа и этапы развития государственности // Известия высших учебных заведений. 1998. № 3. С. 35-47.
176. Чиркин В.Е. Юридическое лицо в частном и публичном праве // «Законодательство и экономика», 2006. № 5. С. 11-17.
177. Чиркин В.Е. Юридическое лицо публичного права // «Журнал российского права». № 5. 2005. С. 16-26.
178. Шергин А.П. К концепции механизма административно-правового регулирования // Административное и административно-процессуальное право. Актуальные проблемы. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004.
179. Яковлев В.Ф. О правовой системе современной России // Цивилистические записки: Межвуз. Сб. научных трудов. Вып. 3. М.; Екатеринбург, 2004.

Авторефераты и диссертации

180. Адильханова К.М. Роль юридической деятельности в правовой системе Российской Федерации: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2013. 28с.
181. Алексеева Н.А. Правовые проблемы применения норм земельного права при разрешении земельных споров в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 23с.
182. Балаклеец И.И. Правовая культура в условиях модернизации России: реалии, тенденции и перспективы: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Казань 2012. 26с.

183. Белорусов В.Б. Административно-правовой статус негосударственных субъектов правоохранительной деятельности в Российской Федерации : автореф. дис. д-ра юрид. наук. М., 2005. 32с.
184. Благов Е.В. Неправильное применение уголовного закона как основание к отмене или изменению приговора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1985. 16с.
185. Благов Е.В. Теория применения уголовного права: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. СПб. 2005. 32с.
186. Бро Ю.Н. Изучение фактических данных и обстоятельств дела в процессе применения норм права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1978. 16с.
187. Варкова С.А. Мониторинг законодательства и правоприменительной практики: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Москва, 2013. 22 с.
188. Вахтер В.В. Общетеоретические вопросы понятия фактической основы применения норм советского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1979.
189. Волженкина В.М. Применение норм международного права в российском уголовном процессе: Проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 26 с.
190. Вопленко Н.Н. Теоретические проблемы режима законности в применении норм социалистического права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1984. 32 с.
191. Геращенко И.Н. Корпорации как субъект публичного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 19 с.
192. Говорухина Е.Ю. Применение норм права социального обеспечения: Вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 23 с.

193. Дюрягин И.Я. Применение норм советского права и социальное (государственное) управление: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - Свердловск, 1975. 35 с.
194. Жучкова Е.О. Проблемы применения норм семейного права в судебных спорах, связанных с расторжением брака: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2003. 23 с.
195. Зимненко Б.Л. Применение норм международного права в судебной системе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 30 с.
196. Зуев И.Н. Юридический механизм реализации актов применения права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - СПб. 2004. 26 с.
197. Каплин С.Ю. Государственная корпорация как субъект права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2011. 22 с.
198. Кашанина Т.В. Децентрализация в правовом регулировании. Структурный анализ: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. 350 с.
199. Кемудария Э.Ш. Проблемы применения уголовно-процессуального закона по аналогии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983. 27 с.
200. Колотов Н.Г. Принятие решения как стадия процесса применения норм права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1980. 21 с.
201. Кунев А.Н. Законность и правовая культура в условиях становления правового государства (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 23 с.
202. Лазарева Т.П. Применение норм о штрафных санкциях в хозяйственных отношениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук законодательства. М., 1982. 16 с.
203. Лапин Б.Н. Эффективность применения норм гражданского процессуального права в стадии подготовки дел к судебному разбирательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1980. 20 с.

204. Лиска О.М. Учения о применении права в России во второй половине XIX - начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 24 с.
205. Литвишко О.В. Правоприменяющие субъекты (общетеоретическое исследование): автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 26 с.
206. Мамай Е.А. Эффективность правоприменительных процедур (теория, практика, техника): Нижний Новгород, 2011. 34 с.
207. Малышева В.В. Уголовно-процессуальные правовые нормы: понятие, классификация, особенности применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 26 с.
208. Маркина Е. А. Социально-политические аспекты применения норм права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2000. 25с.
209. Мелихов В.М. Судебная практика и ее значение в обеспечении правильного применения гражданских процессуальных норм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л.,1980. 14 с.
210. Мещеряков Д.Д. Правоприменительная и тактика (проблемы теории и практики): автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005. 26 с.
211. Милушева Т.В. Исполнительная власть как форма реализации права (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. ... к.ю.н. Саратов, 2001. 23 с.
212. Миннекес И.А. Индивидуальное правовое регулирование: (теоретико-правовой анализ) : автореф. дис.... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 52 с.
213. Михайлова О.Р. Толкование некоторых норм налогового законодательства как стадия его применения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2003. 26 с.
214. Мицкевич А.В. Юридическая природа актов правотворчества высших органов государственной власти и управления СССР: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук М., 1967. 32 с.

215. Никитенко Ю.М. Локальная юридическая деятельность: общетеоретический анализ : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 30 с.
216. Осипов А.В. Соблюдение норм советского права как форма их реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1980. 24 с.
217. Палеха Р.Р. Природа правоприменения как особой формы реализации права : дис. ... канд. юрид. наук. Елец, 2006. 26 с.
218. Пачкун В.В. Применение норм бюджетного права при рассмотрении финансово-правовых споров: на примере арбитражной практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 25 с.
219. Петручак Л.А. Правовая культура современной России: теоретико-правовое исследование: автореф. дисс. д-ра юрид. наук. Москва, 2012. 44 с.
220. Погодин А.В. Элементы теории правореализации: автореф. дисс. д-ра юрид. наук. Казань, 2014. 54 с.
221. Попов В.И. Нормативные регулирование трудовых отношений и применение норм трудового права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. 23 с.
222. Пушкарев А.В. Применение норм уголовно-процессуального права при обратной силе уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. 23 с.
223. Рыбакова С.В. Теоретические основы регулирования деятельности кредитных организаций как субъектов современного финансового права : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Саратов, 2010. 46 с.
224. Савельева О.А. Роль судебного толкования в применении уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. 26 с.
225. Самсонова Л.С. Применение норм гражданского процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Свердловск, 1982. 19 с.

226. Сардаева О.Г. Установление фактических обстоятельств дела как основа квалификации юридически значимого поведения: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 26 с.
227. Сатолина М.Н. Применение норм советского трудового права о поощрениях и взысканиях: По материалам Белорусской ССР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989. 19 с.
228. Сергеева Д.К. Некоторые вопросы теории и практики применения законодательства о статусе депутатов Советов депутатов трудящихся в СССР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1976. 16 с.
229. Терешкова В.В. Применение норм международного права в судебной системе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1998. 26 с.
230. Третьякова С.Б. Саморегулируемые организации как субъекты российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013. 26 с.
231. Труфанов М.Е. Применение норм административного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 22 с.
232. Хахулина К.С. Конкуренция уголовно-правовых норм и ее преодоление в процессе их применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1984. 21 с.
233. Цивадзе Н.А. Применение норм международного права судами Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 22 с.
234. Чаусская О. А. Применение норм гражданского права: Вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 25 с.
235. Чванов О.А. Механизм правоприменения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1995. 27 с.
236. Чечина Н.А. Нормы гражданского процессуального права и их применение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1965. 24 с.
237. Шадринова Л.А. Технология установления ошибочной правоприменительной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2012. 28 с.

238. Шибанов А.Ф. Вопросы теории нормативных актов в советском праве: автореф. дис. д-ра юрид. наук. М., 1965. 46 с.
239. Шевырин Е.К. Тип правового регулирования: теоретические и практические проблемы: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. 25 с.
240. Шрамкова М.Н. Цели, средства и результаты процессуально-правового регулирования: общетеоретический аспект: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 26 с.
241. Шушанова Т.В. Применение уголовно-процессуальных норм: концептуальные основы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 23 с.
242. Ядринцева О.В. Индивидуально-договорное правоприменение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2006. 26 с.
243. Шарно О.И. Правовые символы как средства правоприменительной техники: Саратов, 2014. 32 с.

Электронные ресурсы

244. Юридические лица публичного права: их место в гражданском праве и особенности правового регулирования // [Электронный ресурс]: сайт.
http://www.asv.org.ru/documents_analytik/analytics/methodological/281705.